

Вестник БарГУ

Научно-практический журнал

Издаётся с марта 2013 года

№ 2 (18), декабрь, 2025

Серия «Исторические науки
и археология. Экономические
науки. Юридические науки»

Учредитель: учреждение образования
«Барановичский государственный университет».

Адрес редакции:
ул. Войкова, 21, 225404 г. Барановичи.
Телефон: +375 (163) 64 34 77.
E-mail: rig@barsu.by.

Подписные индексы: 00996 — для индивидуальных
подписчиков; 009962 — для организаций.
Свидетельство о регистрации средств массовой
информации № 1533 от 30.07.2012, выданное
Министерством информации Республики Беларусь.

В соответствии с приказом Высшей
аттестационной комиссии Республики Беларусь
от 21 января 2015 г. № 16 научно-практический
журнал «Вестник БарГУ» серия «Исторические
науки и археология. Экономические науки.
Юридические науки» включён в Перечень
научных изданий Республики Беларусь для
опубликования результатов диссертационных
исследований по историческим наукам
и археологии, экономическим наукам,
юридическим наукам.

Научно-практический журнал «Вестник БарГУ»
включен в РИНЦ (Российский индекс научного
цитирования), лицензионный договор
№ 06-01/2016.

Выходит на русском, белорусском языках.
Распространяется на территории
Республики Беларусь.

Технический редактор Ю. А. Киселева
Компьютерная вёрстка С. М. Глушак
Корректор Н. Н. Колодко

Подписано в печать 08.12.2025. Формат 60 × 84 1/8.
Бумага ксероксная. Печать цифровая.
Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 15,80. Уч.-изд. л. 12,00.
Тираж 32 экз. Заказ . Цена свободная.

Полиграфическое исполнение: республиканское
унитарное предприятие «Информационно-
вычислительный центр Министерства финансов
Республики Беларусь». Специальное
разрешение (лицензия) на право осуществления
полиграфической деятельности № 02330/89
от 3 марта 2014 года. Адрес: ул. Кальварийская,
17, 220004 г. Минск.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Кочурко В. И. (гл. ред. журн.), доктор сельскохозяйственных наук, профессор, академик
Белорусской инженерной академии, академик Международной академии технического
образования, академик Международной академии наук педагогического образования,
заслуженный работник образования Республики Беларусь, профессор кафедры технического
обеспечения сельскохозяйственного производства и агрономии (учреждение образования
«Барановичский государственный университет», Барановичи, Республика Беларусь).

Климук В. В. (зам. гл. ред. журн.), кандидат экономических наук, доцент, первый
проректор учреждения образования «Барановичский государственный университет»
(Барановичи, Республика Беларусь).

Шарова К. И. (гл. ред. сер.), кандидат экономических наук, доцент (учреждение
образования «Барановичский государственный университет», Барановичи, Республика
Беларусь); **Прудникова А. Н.** (отв. секретарь сер.) (учреждение образования
«Барановичский государственный университет», Барановичи, Республика Беларусь).

Гребень Т. М. (ред. текстов на англ. яз.) (учреждение образования «Барановичский
государственный университет», Барановичи, Республика Беларусь).

Ермакович Л. И. (отв. за направление «Исторические науки и археология»), кандидат
исторических наук, доцент (учреждение образования «Барановичский государственный
университет», Барановичи, Республика Беларусь); **Лизакова Р. А.** (отв. за направление
«Экономические науки»), кандидат экономических наук, доцент (учреждение образования
«Барановичский государственный университет», Барановичи, Республика Беларусь);
Рутман Е. Я. (отв. за направление «Юридические науки»), магистр экономических наук,
(учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи,
Республика Беларусь).

Безуглая В. А., кандидат экономических наук, доцент (учреждение образования
«Белорусский государственный экономический университет», Минск, Республика Беларусь);

Быков А. А., доктор экономических наук, профессор, проректор по научной работе
(учреждение образования «Белорусский государственный экономический университет»,
Минск, Республика Беларусь); **Василевич Г. А.**, доктор юридических наук, профессор, член-
корреспондент Национальной академии наук Беларуси, заслуженный юрист Республики
Беларусь (Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь);

Гальцов В. С., кандидат юридических наук, доцент (учреждение образования «Академия
Министерства внутренних дел Республики Беларусь, Минск, Республика Беларусь),

Гурский В. Л., доктор экономических наук, доцент (Национальная академия наук
Беларуси, Минск, Республика Беларусь); **Житкевич Г. Я.**, кандидат экономических наук,
доцент (учреждение образования «Барановичский государственный университет»,
Барановичи, Республика Беларусь); **Захарченко Л. А.**, кандидат экономических наук,
доцент (учреждение образования «Брестский государственный технический университет»,
Брест, Республика Беларусь); **Колядко И. Н.**, кандидат юридических наук, профессор
(Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь); **Короб А. Н.**,

кандидат экономических наук, доцент (учреждение образования «Барановичский
государственный университет», Барановичи, Республика Беларусь); **Кручковский Т. Т.**,

доктор исторических наук (учреждение образования «Гродненский государственный
университет имени Янки Купалы», Гродно, Республика Беларусь); **Куган С. Ф.**, доктор
экономических наук, доцент (учреждение образования «Белорусский государственный
университет информатики и радиоэлектроники», Минск, Республика Беларусь);

Лабейко О. А., кандидат экономических наук, доцент (Научно-исследовательский институт
теории и практики государственного управления Академии управления при Президенте
Республики Беларусь, Минск, Республика Беларусь); **Литвинский А. В.**, кандидат
исторических наук (учреждение образования «Барановичский государственный
университет», Барановичи, Республика Беларусь); **Лосев В. В.**, кандидат юридических
наук, доцент (учреждение образования «Белорусский государственный экономический
университет», Минск, Республика Беларусь); **Лученок А. И.**, доктор экономических наук,

профессор (государственное научное учреждение «Институт экономики Национальной академии наук Беларуси», Минск, Республика Беларусь); **Людвикевич О. Н.**, кандидат юридических наук, доцент (Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь); **Манкевич И. П.**, кандидат юридических наук, доцент (учреждение образования «Белорусский государственный экономический университет», Минск, Республика Беларусь); **Мартыненко И. Э.**, доктор юридических наук, профессор (учреждение образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы», Гродно, Республика Беларусь); **Медведева Г. Б.**, кандидат экономических наук, доцент (учреждение образования «Брестский государственный технический университет», Брест, Республика Беларусь); **Недашковская Н. С.**, кандидат экономических наук, доцент (учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи, Республика Беларусь); **Нечухрин А. Н.**, доктор исторических наук, профессор (учреждение образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы», Гродно, Республика Беларусь); **Омельянюк А. М.**, кандидат экономических наук, доцент (учреждение образования «Брестский государственный технический университет», Брест, Республика Беларусь); **Познякевич В. Н.**, кандидат экономических наук, доцент (учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи, Республика Беларусь); **Посохина Г. И.**, кандидат исторических наук, доцент (учреждение образования «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина», Брест, Республика Беларусь); **Солодовников С. Ю.**, доктор экономических наук, профессор (Белорусский национальный технический университет, Минск, Республика Беларусь); **Сокол А. В.**, кандидат юридических наук, доцент (Институт управленческих кадров Академии управления при Президенте Республики Беларусь, Минск, Республика Беларусь); **Таранова Т. С.**, доктор юридических наук, профессор (учреждение образования «Белорусский государственный экономический университет», Минск, Республика Беларусь); **Функ Я. И.**, доктор юридических наук, профессор (Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь); **Халецкая Т. М.**, кандидат юридических наук, доцент (Институт управленческих кадров Академии управления при Президенте Республики Беларусь, Минск, Республика Беларусь); **Шабанов В. Б.**, доктор юридических наук, профессор (Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь); **Яковчик Н. С.**, доктор экономических наук, доктор сельскохозяйственных наук, профессор, заслуженный работник сельского хозяйства Республики Беларусь (Институт повышения квалификации и переподготовки кадров агропромышленного комплекса учреждения образования «Белорусский государственный аграрный технический университет», Минск, Республика Беларусь).

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ СЕРИИ

Андреева О. В., кандидат экономических наук, доцент (Центр стратегических исследований социально-экономического развития Юга России Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), Ростов-на-Дону, Российская Федерация); **Астратова Г. В.**, доктор экономических наук, кандидат технических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», Екатеринбург, Российская Федерация); **Белянская О. В.**, кандидат юридических наук, доцент (Институт права и национальной безопасности федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Держинского», Тамбов, Российская Федерация); **Закирова Э. Р.**, доктор экономических наук, профессор (федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уральский государственный экономический университет», Екатеринбург, Российская Федерация); **Кузнецова Ю. А.**, кандидат экономических наук (филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кузбасский государственный технический университет имени Т. Ф. Горбачева» в г. Новокузнецке, Новокузнецк, Российская Федерация); **Парушина Н. В.**, доктор экономических наук, профессор (Среднерусский институт управления — филиал федерального государственного образовательного бюджетного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Москва, Российская Федерация); **Шалаев В. П.**, доктор философских наук, профессор (федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Поволжский государственный технологический университет», Йошкар-Ола, Республика Марий Эл, Российская Федерация); **Шаркова А. В.**, доктор экономических наук, профессор (федеральное государственное образовательное бюджетное учреждение высшего образования «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», Москва, Российская Федерация).

BarSU Herald

A scientific and practical journal

Published since March 2013

No. 2 (18), December, 2025

Series "Historical Sciences and
Archaeology. Economics. Law"

Promoter: Institution of Education
"Baranavichy State University".

Editorial address:
21 Voykova Str., 225404 Baranavichy.
Phone: +375 (163) 64 34 77.
E-mail: rig@barsu.by.

Subscription indices: 00996 — for individual subscribers;
009962 — for companies.
The certificate of the registration of mass media № 1533
of 30.07.2012 issued by the Ministry of Information
of Belarus.

In accordance with the order of the board of the Higher
Attestation Commission of the Republic of Belarus on
January 21, 2015 № 16 the scientific-and-practical journal
"BarSU Herald", the series "Historical Sciences and
Archaeology. Economics. Law" was included on the list of
the scientific publications of the Republic of Belarus for
publishing the results of dissertation research History of
science and archaeology, Economics, Laws.

Scientific-and-practical journal "BarSU Herald"
is included into RSCI (Russian Science Citation Index),
license agreement № 06-01/2016.

Issued in Russian, Belorussian. The journal is distributed
on the territory of the Republic of Belarus.

Technical editor Y. A. Kiseleva
Desktop Publishing S. M. Glushak
Proofreader: N. N. Kolodko

Signed print 08.12.2025. Format 60 × 84 1/8. Paper xerox.
Digital printing. Headset Times. Conv. pr. s. l. 15,80.
Acc.-pub. s. l. 12,00. Circulation of 32 copies.
Order . Free price.

Printing performance: Republican Unitary Enterprise
"Information and Computing Center of the Ministry of
Finance of the Republic of Belarus". Special permission
(license) for the right to carry out printing activities
No. 02330/89, March 3, 2014.
Address: 17 Kalvariyskaya, 220004 Minsk.

EDITORIAL BOARD

Kochurko V. I. (*editor-in-chief*), DSc in Agriculture, Professor, Academician of the Belarusian Academy of Engineering, Academician of the International Academy of Technical Education, academician of the International Academy of Pedagogical Education, Honored Worker of Education of the Republic of Belarus, Professor of Department of Technical Support of Agricultural Production Processes and Agronomic Sciences (Institution of Education "Baranavichy State University", Baranavichy, the Republic of Belarus).

Klimuk V. V. (*deputy editor-in-chief*), PhD in Economics, Associate Professor, first vice-rector (Institution of Educational "Baranavichy State University", Baranavichi, the Republic of Belarus).

Sharova K. I. (*the series editor-in-chief*), PhD in Economics, Associate Professor (Institution of Education "Baranavichy State University", Baranavichy, the Republic of Belarus);

Prudnikova A. N. (*executive secretary of the series*) (Institution of Education "Baranavichy State University", Baranavichy, the Republic of Belarus).

Greben T. M. (*ed. of texts in English*) (Institution of Education "Baranavichy State University", Baranavichy, the Republic of Belarus).

Ermakovich L. I. (*responsible for the area "Historical Sciences and Archaeology"*), PhD in History, Associate Professor (Institution of Education "Baranavichy State University", Baranavichy, the Republic of Belarus); **Lizakova R. A.** (*responsible for the area "Economics"*), PhD in Economics, Associate Professor (Institution of Education "Baranavichy State University", Baranavichy, the Republic of Belarus); **Rutman E. Ya.**, (*responsible for the area "Law"*), Master of Economic sciences (Institution of Education "Baranavichy State University", Baranavichy, the Republic of Belarus).

Bezuglaya V. A., PhD in Economics, Associate Professor (Institution of Education "Belarus State Economic University", Minsk, the Republic of Belarus); **Bykov A. A.**, Doctor of Economic Sciences, Professor, Vice-Rector for Science (Belarus State Economic University, Minsk, the Republic of Belarus); **Vasilevich G. A.**, Doctor of Legal Sciences, Professor, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, Honored Lawyer of the Republic of Belarus (Belarusian State University, Minsk, the Republic of Belarus);

Galtsov V. S., PhD in Law, Associate Professor (Institution of Education "Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus", Minsk, the Republic of Belarus);

Gurskiy V. L., Doctor of Economics, Associate Professor (State scientific institution "The Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus", Minsk, the Republic of Belarus); **Zhitkevich G. Ya.**, PhD in Economics, Associate Professor (Institution of Education "Baranavichy State University", Baranavichy, the Republic of Belarus);

Zaharchenko L. A., PhD in Economics, Associate Professor (Institution of Education "Brest State Technical University", Brest, the Republic of Belarus); **Kolyadko I. N.**, PhD in Law, Professor (Belarusian State University, Minsk, the Republic of Belarus); **Korob A. N.**, PhD in Economics, Associate Professor (Institution of Education "Baranavichy State University", Baranavichy, the Republic of Belarus); **Kruczkowski T. T.**, Doctor of Historical Sciences (Institution of Education "Yanka Kupala State University of Grodno", Grodno, the Republic of Belarus); **Kugan S. F.**, Doctor of Economic Sciences, Associate Professor (Institution of Education "Belarusian State University of Informatics and Radioelectronics", Minsk, the Republic of Belarus); **Labeyko O. A.**, PhD in Economics, Associate Professor (Research Institute of Theory and Practice of Public Administration of the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus, Minsk, the Republic of Belarus); **Litvinskiy A. V.**, PhD in History (Institution of Education "Baranavichy State University", Baranavichy, the Republic of Belarus); **Losev V. V.**, PhD in Law, Associate Professor (Belarus State Economic University, Minsk, the Republic of Belarus); **Luchenok A. I.**, Doctor of Economic Sciences, Professor (State Scientific Institution "The Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus", Minsk, the Republic of

Belarus); **Lyudvikevich V. N.**, PhD in Law, Associate Professor (Belarusian State University, Minsk, the Republic of Belarus), **Mankevich I. P.**, PhD in Law, Associate Professor (Belarus State Economic University, Minsk, the Republic of Belarus); **Martynenko I. E.**, Doctor of Legal Sciences, Professor (Institution of Education "Yanka Kupala State University of Grodno", Grodno, the Republic of Belarus); **Medvedeva G. B.**, PhD in Economics, Associate Professor (Institution of Education "Brest State Technical University", Brest, the Republic of Belarus); **Nedashkovskaya N. S.**, PhD in Economics, Associate Professor (Institution of Education "Baranavichy State University", Baranavichy, the Republic of Belarus); **Nechuhrin A. N.**, Doctor of Historical Sciences, Professor (Institution of Education "Yanka Kupala State University of Grodno", Grodno, the Republic of Belarus); **Omelyanyuk A. M.**, PhD in Economics, Associate Professor (Institution of Education "Brest State Technical University", Brest, the Republic of Belarus); **Poznyakevich V. N.**, PhD in Economics, Associate Professor (Institution of Education "Baranavichy State University", Baranavichy, the Republic of Belarus); **Posohina G. I.**, PhD in History, Associate Professor (Institution of Education "Brest State A. S. Pushkin University", Brest, the Republic of Belarus); **Solodovnikov S. Yu.**, Doctor of Economic Sciences, Professor (Institution of Education "Belarusian National Technical University", Minsk, the Republic of Belarus); **Sokol A. V.**, PhD in Law, Associate Professor (Institute of Managerial Personnel of the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus, Minsk, the Republic of Belarus); **Taranova T. S.**, Doctor of Legal Sciences, Professor (Belarus State Economic University, Minsk, the Republic of Belarus); **Funk Ya. I.**, Doctor of Legal Sciences, Professor (Belarusian State University, Minsk, the Republic of Belarus); **Khaletskaya T. M.**, PhD in Law, Associate Professor (The Institute of Managerial Personnel of the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus, Minsk, the Republic of Belarus); **Shabanov V. B.**, Doctor of Legal Sciences, Professor (Belarusian State University, Minsk, the Republic of Belarus); **Sharova K. I.**, PhD in Economics, Associate Professor (Institution of Education "Baranavichy State University", Baranavichy, the Republic of Belarus); **Yakovchik N. S.**, Doctor of Economic Sciences, Doctor of Agricultural Sciences, Professor, Honored Worker of Agriculture of the Republic of Belarus (Professional Development and Retraining Institute of Agribusiness Specialists of Educational institution "Belarusian State Agrarian Technical University", Minsk, the Republic of Belarus).

INTERNATIONAL EDITORIAL BOARD

Andreeva O. V., PhD in Economics, Associate Professor (the Center for Strategic Studies of Socio-Economic Development of the South of Russia of Rostov State University of Economics (RSUE), Rostov-on-don, the Russian Federation); **Astratova G. V.**, Doctor of Economic Sciences, PhD in Technical Sciences, Professor, Honored Worker of High Professional Education of the Russian Federation (Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, the Russian Federation); **Belyanskaya O. V.**, PhD in Law, Associate Professor (Institute of Law and National Security of Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Derzhavin Tambov State University", Tambov, the Russian Federation); **Zakirova E. R.**, PhD in Economics, Associate Professor (Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Ural State Economic University", Yekaterinburg, the Russian Federation); **Kuznetsova Yu. A.**, PhD in Economics (the Branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "T. F. Gorbachev Kuzbass State Technical University" in Novokuznetsk, Novokuznetsk, the Russian Federation); **Parushina N. V.**, Doctor of Economic Sciences, Professor (Central Russian Institute of Management (branch), Federal State Educational Budgetary Institution of Higher Education "Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration", Moscow, the Russian Federation); **Shalaev V. P.**, Doctor of Philosophical Sciences, Professor (the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education "Volga State University of Technology", Yoshkar-Ola, the Mari El Republic, the Russian Federation); **Sharkova A. V.**, Doctor of Economic Sciences, Professor (the Federal State Educational Budgetary Institution of Higher Education "Financial University under the Government of the Russian Federation", Moscow, the Russian Federation).

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Красінскі І. В. Вывад шляхецтва Андрэя Гнявінскага (1574—1579): прычыны, ход і вынікі
Мохаммед Амир Абдул Джаббар Мохаммед М. В. Никольский как родоначальник российской и прекурсор советской ассириологии

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Бажина А. А. Некоторые аспекты цифровизации белорусской экономики
Винник О. Г., Цзяо Ван. Пути развития цифрового сельского хозяйства Республики Беларусь на основе опыта Китайской Народной Республики в области внедрения интеллектуальных технологий
Касперович С. А., Мацукевич Н. А. Формирование региональной инвестиционной стратегии в контексте управления инвестиционной активностью на региональном уровне
Климук Е. В. Зарубежный опыт молодежного инновационного предпринимательства
Кот Н. Г. Финансовый эффект от переоценки основных средств для субъекта хозяйствования
Лабейко О. А. Международные подходы к управлению реабилитацией и абилитацией людей с инвалидностью в контексте устойчивого развития
Смолякова О. М. Оценка финансовой состоятельности субъектов хозяйствования с учетом факторов времени и денежной достаточности
Шарова К. И. Экономика знаний: теоретические основы и эволюция концепций

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Бань А. А. Особенности конструкций составов административных правонарушений в части охраны окружающей среды
Воробьев С. Ю. Осуществление мероприятий по защите сведений, составляющих коммерческую тайну, на предприятиях и в организациях энергетической отрасли Республики Беларусь
Кобзарь О. С. Спортивная юстиция Бразилии: модель специализированных судов как способ разрешения спортивных споров
Козыревская Л. А. Концепция нетипичных форм занятости в контексте межотраслевого анализа: теоретический аспект
Малишевский С. Т. Роль процессуальных отношений при бесспорном взыскании денежных средств
Плахотина Н. А. Право возвратного приёма на работу и перспективы его восстановления в законодательстве России и Беларуси
Рыжанков А. Ю. Государственная поддержка молодых семей в зарубежных странах на примере Казахстана, России и Узбекистана
Яковцов П. Л. Средства, способы и методы оказания адвокатом доступной и квалифицированной юридической помощи

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

Krasinski I. V. The proof of nobility of Andrei Gnyavinsky (1574—1579): causes, process and results
Mohammed Amir Abdul Jabbar Mohammed M. V. Nikol'sky as the founder of russian and precursor of soviet assyriology

ECONOMICS

Bazhina A. A. Some aspects of the belarusian economy digitalization
Vinnik O. H., Jiaao Wang. Ways for digital agriculture development in the Republic of Belarus based on China's experience in the field of intelligent technology implementation
Kasperovich S. A., Matsukevich N. A. Formation of a regional investment strategy in the context of investment activity management at the regional level
Klimuk E. V. Foreign experience in youth innovative entrepreneurship
Kot N. H. Financial effect of the revaluation of fixed assets for the business entity
Labeyko O. A. International approaches to managing rehabilitation and habilitation of people with disabilities in the context of sustainable development
Smaliakova O. M. Assessment of the financial viability of business entities taking into account the factors of time and cash sufficiency
Sharova K. I. Knowledge economy: theoretical foundations and evolution of concepts

LAW

Ban A. A. Features of the structures of administrative offenses in terms of environmental protection
Vorobyov S. Yu. Implementation of measures to protect information constituting a commercial secrecy at enterprises and organizations of the energy sector of the Republic of Belarus
Kobzar O. S. Sports justice in Brazil: the specialised courts model as a way to resolving sports disputes
Kozyrevskaya L. A. The concept of atypical forms of employment in the context of intersectoral analysis: the theoretical aspect
Malisheuski S. T. The role of procedural relations in undisputed collection of funds
Plahotina N. A. The right of employment return and prospects for its reinstatement in the legislation of Russia and Belarus
Ryzhankou A. Y. State support for young families in foreign countries on the example of Kazakhstan, Russia and Uzbekistan
Yakoutsou P. L. Means, ways and methods of providing affordable and qualified legal assistance by a lawyer

УДК 94(474.5)«1574/1579»

І. В. Красінскі

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр-т Незалежнасці, 4, 220030 Мінск, Рэспубліка Беларусь,
iankrasinski@gmail.com

**ВЫВАД ШЛЯХЕЦТВА АНДРЭЯ ГНЯВІНСКАГА (1574—1579):
ПРЫЧЫНЫ, ХОД І ВЫНІКІ**

У артыкуле аўтарам прааналізавана працэдура вываду шляхецтва ў Вялікім княстве Літоўскім на прыкладзе справы аб шляхецтве Андрэя Гнявінскага (1574—1579). Разглядаюцца прычыны ўзнікнення неабходнасці доказу шляхецтва, ход разгляду справы ў судовым парадку і вынікі. Адзначана, што вывад шляхецтва А. Гнявінскага быў выкліканы маёмасным канфліктам паміж рознымі прадстаўнікамі шляхты, якія прэтэндавалі на падзел маёмасці роду Тураўскіх. Справа яскрава паказвае, што вывад шляхецтва абумоўліваецца шэрагам прычын, сярод якіх маёмасныя спрэчкі з'яўляюцца асноўнай.

Ключавыя словы: вывад шляхецтва; доказ шляхецтва; Гнявінскі; шляхта; Метрыка ВКЛ; Вялікае княства Літоўскае; Статут ВКЛ 1566 года.

Бібліягр.: 5 назваў.

I. V. Krasinski

Belarusian State University, 4 Nezavisimosti Ave., 220030 Minsk, the Republic of Belarus,
iankrasinski@gmail.com

**THE PROOF OF NOBILITY OF ANDREI GNYAVINSKY (1574—1579):
CAUSES, PROCESS AND RESULTS**

In the article the author analyzes the procedure for confirming noble status in the Grand Duchy of Lithuania on the example of the case of the nobility of Andrei Gnyavinsky (1574—1579). The study examines the reasons for the necessity of proving nobility, the course of the judicial proceedings and results. It is noted that the confirmation of A. Gnyavinsky's nobility was caused by a property dispute between various representatives of the nobility who claimed a share of the Turayski family's estate. The case clearly demonstrates that the proof of nobility is due to a number of reasons, among which property disputes are the main one.

Key words: proof of nobility; confirmation of nobility; Gnyavinsky; nobility; Lithuanian Metrica; Grand Duchy of Lithuania; Statute of the Grand Duchy of Lithuania 1566.

Ref.: 5 titles.

Уводзіны. Кожнае грамадства складаецца з розных сацыяльных груп, якія валодаюць пэўнымі правамі і абавязкамі. У феадальным грамадстве Вялікага княства Літоўскага (далей — ВКЛ) прывілеяванай групай насельніцтва было шляхецкае саслоўе. Права на шляхецтва надавалася за асаблівыя заслугі перад дзяржавай, пераважна ваеннага характару, і прадугледжвала сацыяльна-эканамічныя (уладанне зямлёй) і палітычныя прывілеі (удзел у дзейнасці соймаў і соймакаў) [1]. У XV—XVI стагоддзях шляхецкае саслоўе значна ўзрасло колькасцю, што прывяло да ўзнікнення і паглыблення маёмасных і пазямельных канфліктаў. Для вырашэння спрэчак па пытаннях паходжання і прыналежнасці да шляхты быў распрацаваны правы механізм пацвярджэння шляхецкага статусу — працэдура вываду шляхецтва [2].

Працэдура доказу шляхецкага статусу найчасцей выкарыстоўвалася для абароны правоў на маёмасць і палітычныя прывілеі, але таксама магла прымяняцца ў выпадках неабходнасці адстойвання гонару або зніжэння грашовай павіннасці, прадугледжанай для нешляхецкіх груп [2; 3]. Паказальнай у гэтым плане з'яўляецца справа Андрэя Гнявінскага, якая

ўзнікла ў выніку пазямельнага канфлікту. Асаблівасці гэтай справы, уключаючы ўзаемадзеянне бакоў у судовым парадку і комплексны характар вываду шляхецтва, падкрэсліваюць актуальнасць даследавання з пункту гледжання разумення сацыяльных адносін, прававой практыкі і паўсядзённага жыцця шляхты ВКЛ у XVI—XVIII стагоддзях.

На сённяшні дзень праблема вывучэння працэдуры вываду шляхецтва ў гістарыяграфіі раскрыта недастаткова. Асобныя даследаванні гэтай тэматыкі прадстаўлены ў працах А. А. Віннічэнкі і Я. С. Глінскага [2; 3]. У той жа час шматлікія аўтары, уключаючы М. К. Любаўскага, В. Сямковіча, І. І. Лапо і інш., закраналі гэтую праблему толькі ўскосна, у кантэксце вывучэння сацыяльнай гісторыі ВКЛ [1; 5]. Справа аб шляхецтве Андрэя Гнявінскага, наколькі вядома, у гістарыяграфіі асобна не разглядалася, што і вызначае навізну дадзенага даследавання.

Асноўнай крыніцай з'яўляецца дакумент кнігі судовых спраў № 58 Метрыкі ВКЛ (канец XVI стагоддзя) ад 24 сакавіка 1579 года [4]. Ён уяўляе сабой рашэнне, зацверджанае каралём польскім і вялікім князем літоўскім Стэфанам Баторыем разам з панамі-радай [4]. Дакумент утрымлівае апісанне судавага разгляду ў судзе Гродзенскага павета аб падзеле маёмасці роду Тураўскіх у вёсках Бабры і Бісняны [4; 5]. Асноўная ўвага ў дакуменце надаецца наступным пытанням [4]:

- спіс удзельнікаў працэсу, уключаючы Андрэя Гнявінскага і іншых прадстаўнікоў шляхты;
- апісанне працэдуры доказу шляхецкага статусу, уключаючы паказанні сведкаў і прадстаўленне дакументаў;
- судовыя рашэнні і іх наступствы.

Асаблівую каштоўнасць уяўляюць звесткі, якія тычацца асоб і сведчанняў, прадстаўленых Андрэем Гнявінскім у межах працэдуры пацвярджэння яго шляхецкага статусу. Дакумент дазваляе аднавіць удзел розных асоб у працэсе і раскрывае характар канфліктаў, звязаных з маёмасцю і юрыдычным становішчам [4]. Матэрыяльную базу і падыходы да яе апрацоўкі падрабязна раскрыем у дадзеным артыкуле [2; 3; 5].

Матэрыялы і метады даследавання. Матэрыяльная база даследавання складаецца найперш з актавай дакументацыі Метрыкі ВКЛ — кнігі судовых спраў № 58 (кн. № 272), у якой змешчана рашэнне ад 24 сакавіка 1579 года па справе падзелу маёмасці роду Тураўскіх і вываду шляхецтва Андрэя Гнявінскага [4]. Для інстытуцыянальнага і працэсуальнага кантэксту прыцягаліся працы па гісторыі гродскіх і земскіх судаў, у тым ліку класічнае даследаванне І. Н. Лапо [5], а таксама агульнагістарычныя сінтэзы па структуры і прывілеях шляхецкага стану ў ВКЛ, якія дазваляюць змясціць кейс у шырокі сацыяльна-прававы кантэкст [1]. Для рэканструкцыі ўласна працэдуры «ывад шляхецтва» і набору тыпавых доказаў (паказанні сведкаў, «сямейная памяць», дакументы, падтрымка лакальнай эліты) выкарыстоўваліся аналітычныя распрацоўкі Я. С. Глінскага [3] і прыкладныя даследаванні практыкі на сейміках (А. А. Віннічэнка) [2].

Метадалагічна даследаванне базуецца на гісторыка-прававым і гісторыка-генеалагічным падыходах. Гісторыка-прававы падыход дазваляе інтэрпрэтаваць судовы тэкст у межах нарматыўнай мадэлі (парадак судовай вытворчасці, доказныя стандарты, роля сведкаў), супастаўляючы апісанія дзеяння бакоў з устаноўленай практыкай судаў павета [5] і агульнай логікай функцыянавання шляхецкага стану [1]. Гісторыка-генеалагічны падыход забяспечвае праверку родавых сувязяў і «сямейнай памяці» праз праспаграфічную рэканструкцыю кола сваякоў і сведкаў, а таксама іх сацыяльнага капіталу [2; 3].

Ужываецца крытычны крыніцазнаўчы аналіз (верыфікацыя антрапонімаў, тапонімаў, службовых тытулаў, унутраная і знешняя крытыка актавых запісаў), параўнальны метады (суднасенне кейсу Гнявінскага з кейсамі, апісанымі ў літаратуры па «нагане шляхецтва» і вываду шляхецтва на рэгіянальных сейміках) [2; 3], а таксама прынцып гістарызму, які дазваляе ацаніць учынкi ўдзельнікаў з улікам нормаў і практык XVI стагоддзя. Асобна выкарыстоўваецца кантэкстуальная інтэрпрэтацыя сведчаньняў (witness-centered reading) для высвятлення матывацый і сацыяльных сетак удзельнікаў працэсу [3].

Тэксталагічна прыведзеныя ў працы ўласныя імёны і геаграфічныя назвы падаюцца ў адпаведнасці з гістарычнымі крыніцамі, у тым ліку ўстойлівымі ў сучаснай гістарыяграфічнай традыцыі; пры першым згаданні фіксуецца функцыянальны статус асобы (пасада, чын) паводле кантэксту дакумента [4; 5].

Вынікі даследавання і іх абмеркаванне. Судовая справа Андрэя Гнявінскага — паказальны кейс таго, як у Вялікім княстве Літоўскім у XVI стагоддзі шляхта адстойвала правы і статус праз «вывад шляхецтва». Канфлікт узнік з-за пазямельных спрэчак паміж шляхтай Гродзенскага павета і патрэбы абараніць шляхецкае паходжанне Гнявінскага, пастаўленае пад сумнеў. Дакумент ад 24 сакавіка 1579 года — гэта рашэнне суда, зацверджанае каралём Стэфанам Баторыем і панамі-радай, ён фіксуе абставіны справы, кола ўдзельнікаў і прадстаўленыя доказы.

Ход «вываду шляхецтва» Гнявінскага можна сцісла прадставіць так:

- ініцыяцыя працэсу і абвінавачанне ў нешляхецтве;
- першы доказ шляхецтва (11 кастрычніка 1574 года);
- працяг канфлікту і спроба разгляду ў падкаморскім судзе (з 23 мая 1577 да 1579 года);
- рашэнне суда Гродзенскага павета (24 сакавіка 1579 года).

Перадумовы былі і маёмасныя, і сацыяльныя. Спрэчка пачалася падчас падзелу маёмасці роду Тураўскіх у вёсках Бабры і Біснаны паміж некалькімі прадстаўнікамі шляхецкіх родаў Гродзенскага павета. Асноўны вузел — невыкананне дамовы ад 31 студзеня 1574 года: Ян Крычкоўскі і яго жонка Райна павінны былі падзяліць маёмасць на тры роўныя часткі паміж сабой, Андрэем Гнявінскім і яго жонкай Зоф'яй, а таксама Валентам Кгалезскім і Марынай Паўлаўнай, выплаціць 60 коп грошаў і даць зерне на 10 бочак. Умовы не выканалі — пачаўся суд.

На гэтым фоне Крычкоўскі паставіў пад сумнеў шляхецтва Гнявінскага, імкнучыся адсекчы яго ад спадчыны. Матывацыя відавочная: атрымаць большую долю і аслабіць апанента, бо прызнанае нешляхецтва аўтаматычна выключала Гнявінскага з ліку прэтэндэнтаў. Такая тактыка была тыповай для маёмасных канфліктаў таго часу, дзе апеяцыя да «гонару» часта служыла інструментам перавагі.

Паводле Статута ВКЛ 1566 года (раздз. 3) «вывад шляхецтва» меў ясныя рамкі. Арт. 11 патрабаваў сведчанні двух шляхцічаў па бацькоўскай і мацярынскай лініях (пры іх смерці — іншых шляхцічаў); арт. 12 рэгуляваў выпадкі абвінавачвання ў нешляхецтве як бенкарта і патрабаваў дадатковых доказаў; арт. 16 вызначаў умовы страты статусу жанчынай, што выйшла замуж за нешляхціча, пры магчымасці захавання шляхецтва дзецьмі ад папярэдняга шлюбу («толко без ремеслом а ни шинком се не живили»); арт. 17 абавязваў іншаземца пацвердзіць шляхецтва на радзіме і прадставіць дакументы ў ВКЛ. Гнявінскі дзейнічаў у межах гэтых нормаў: прадставіў сведчанні сваякоў, падтрымку мясцовай шляхты і паперы, што пацвярджалі паходжанне.

Так «вывад шляхецтва» стаў цэнтральным этапам барацьбы Гнявінскага за статус і права на долю ў маёмасці Тураўскіх. Імпульс да працэдуры даў Крычкоўскі: сумнеў у шляхецтве быў і сродкам націску, і спробай звузіць кола спадкаемцаў. Для шляхецкіх спрэчак эпохі гэта нармальнае практыка: юрыдычная рыторыка гонару спалучалася з разлікам і прагматыкай.

Гнявінскі добра ўсведамляў, што абвінавачанне ў нешляхецтве закранае не толькі гонар, але і права на маёмасць, палітычныя магчымасці і кола сацыяльных сувязяў. Таму ён распачаў «вывад шляхецтва» паводле Статута ВКЛ 1566 года не фармальна, а як складана сканструяваную доказную стратэгію. Статут патрабаваў сукупнасці пісьмовых і вусных сведчанняў, і Гнявінскі паслядоўна збіраў корпус доказаў, які дазваляў не толькі адказаць на канкрэтны выклік Яна Крычкоўскага, але і зафіксаваць свой статус у вачах мясцовай супольнасці.

Першы этап (11 кастрычніка 1574 года) з'яўляецца паказальным для логікі працэсу. У судзе выступілі бліжэйшыя сваякі: бацька Мацей Янавіч Бернатовіч, дзядзька Ян Янавіч Бернатовіч, брат Мацей Язафовіч Козыр. На падмурку Статута іх сведчанні дзейнічалі як

«асноўныя носьбіты памяці роду», бо норма арт. 11 якраз і арыентавала доказ на пацвярджэнне па абедзвюх лініях — бацькоўскай і мацярынскай. Важна бачыць тут не механічнае выкананне патрабавання, а ўстаноўку на давер да ўнутрыродавай памяці як сацыяльнага інстытута: у другой палове XVI стагоддзя «сямейная памяць» прызнавалася легітымным аргументам, асабліва калі дакументальная база была фрагментарнай, а прававыя «біяграфіі» родаў — доўгімі і складанымі. Сямейныя сведкі ў такім разе задавалі каркас, да якога далучаліся пазнейшыя доказы.

Далей Гнявінскі свядома пашырыў кола сведкаў за межы сям'і. Пётр Венцковіч Есімонт, Кандрат Іванавіч Пачабут і земскі суддзя Рыгор Масальскі дадалі тое, што сям'я прыныпова не магла даць: «вердыкт супольнасці». Прысутнасць земскага суддзі тут не проста «яшчэ адна думка», а маркер працэсуальнай рэчаіснасці павета: яго слова злучала прававую норму і практыку, паказвала, што ў павятовым асяроддзі Гнявінскі ўспрымаецца як «свой». Такім чынам, доказная канфігурацыя на першым этапе складалася з сямейнай памяці (вертыкаль паходжання) і калегіяльнай рэпутацыі (гарызанталь супольнасці) — абедзве лініі патрабаваліся логікай Статута і сацыяльнай эканомікай гонару.

Паваротным момантам стаў ліст магілёўскага і гродзенскага старасты Аляксандра Хадкевіча. Ён не толькі пацвярджаў, што ў 1574 годзе «вывад шляхецтва» ўжо адбыўся, але і фіксаваў фігуры ўдзельнікаў таго пасяджэння — маршалка Яна Валоўскага і падкаморыя Шымона Сапотку. У доказнай сістэме ліст працуе як дакументальны «якар»: гэта не прыватнае меркаванне, а пазіцыя прадстаўніка адміністрацыйнай улады, якая злучае мясцовы судовы досвед з больш шырокай юрысдыкцыйнай перспектывай. У тэрмінах доказнай вагі ён кампенсаваў патэнцыйную «мяккасць» вусных сведчанняў і канчаткова прывязваў кейс да працэсуальнай лініі 1574 года. Інакш кажучы, ліст Хадкевіча легітымізаваў не толькі статус асобы, але і саму гісторыю разгляду — гэта істотна ў канфліктах з працяглай храналогіяй.

Пасля гэтага логіка супрацьдзеяння Крычкоўскага стала больш прагматычнай і жорсткай. Пасяджэнне падкаморскага суда 23 мая 1577 года паказала, як маёмасная спрэчка пераходзіць межы «чыстай» юрыдыкі і кранае сацыяльны твар бакоў. Адмова выконваць дамову 1574 года і эскалацыя да фізічнага сутыкнення, за якое Гнявінскі атрымаў навязку (штраф), характэрныя для спраў, дзе працэсуальная затрымка і публічнае прыніжэнне апанента разглядаюцца як інструменты дамінавання. Тут важна падкрэсліць: навязка не дэмантуе доказную лінію Гнявінскага, а, наадварот, паказвае, што канфлікт выйшаў у зону «рэпутацыйных пашкоджанняў», супраць якіх і прызначаны «вывад шляхецтва» як механізм аднаўлення становішча.

Крыніца сацыяльнага капіталу Гнявінскага відавочная і па складанні сведкаў высокага статусу. Ротмістр гусарскі Богдан Мацвеевіч Агінскі і земскі суддзя Рыгор Масальскі — два тыпы аўтарытэту, якія прыцягваюць увагу суда: вайсковы (службовая доблесць, блізкасць да дзяржаўнай службы) і прававы (штодзённая практыка правасуддзя ў павеце). Іх удзел разам з падтрымкай лакальнай шляхты (у тым ліку Бенедыкта Іванавіча Есмана і Пятра Венцковіча Есімонта) дэманструе, што ў доказнай мадэлі ВКЛ «літара закона» звычайна ідзе поруч з «голосам супольнасці». Гэта не выпадковасць, а рыса прававой культуры часу, у якой памяць, гонар і сацыяльная сетка здольныя перакладацца ў судовы вынік.

24 сакавіка 1579 года ў Вільні суд паставіў кропку: паны-рада і кароль польскі, вялікі князь літоўскі Стэфан Баторы зацвердзілі шляхецкі статус Андрэя Гнявінскага. Вынікі расшэння былі траякія і адначасова сінхронныя:

- абавязак Крычкоўскіх — выканаць дамову 1574 года і падзяліць маёмасць на тры роўныя часткі;
- вяртанне Гнявінскаму долі спадчыны і стабілізацыя яго маёмаснай пазіцыі;
- зняцце абвінавачанняў у нешляхецтве і аднаўленне гонару разам з прывілеямі.

Такі «трохкрокавы» вынік сведчыць, што «вывад шляхецтва» ў кейсе Гнявінскага выконваў адразу тры функцыі: рэабілітацыйную (гонар), рэстытуцыйную (маёмасць) і рэгуляцыйную (перазапуск дамоўных адносін у павеце).

На фоне гэтага рашэння нормы Статута ВКЛ 1566 года выглядаюць не як інертныя артыкулы, а як рабочая рамка, у якой суд і ўдзельнікі дамаўляюцца пра стандарт доказу. Арт. 11 і 12 фактычна вызначалі «архітэктuru сведчаньняў»: сям'я і кола шляхты – базавыя блокі, а пры абвінавачаньнях тыпу «бенкарт» — павышаныя патрабаванні. Арт. 16 задаваў межы для жаночых страт статусу і «прыцягваў» да разгляду маральна-эканамічны крытэрыі («только без ремеслом а ни шинком се не жили»), што адлюстроўвае ўяўленне эліты пра належныя формы жыцця шляхты. Арт. 17, у сваю чаргу, абараняў карпаратыўную закрытасць саслоўя, патрабуючы пацвярджэння замежнай шляхецкасці «на радзіме» — гэта зразумела ў свеце высокай цаны на статус.

Кейс Гнявінскага адначасова тлумачыць і тэхніку доказу, і сацыяльную эканоміку эпохі. Тэхніка — гэта пра кампазіцыю «сям'я + павет + адміністрацыйны “якар” (ліст Хадкевіча) + фігуры высокага статусу». Эканоміка — пра канвертацыю рэпутацыі ў вынік: хто мае надзейную сетку і ўмее актываваць яе ў судзе, той атрымлівае перавагу. На практыцы гэта значыць, што «вывад шляхецтва» выступае не толькі юрыдычнай працэдурай, але і механізмам сацыяльнай інтэграцыі, які падтрымлівае карпаратыўныя межы шляхты і адначасова згладжвае канфлікты, што ўзнікаюць на «стыку» маёмасці і гонару.

З гэтага пункту гледжання справядліва сказаць: поспех Гнявінскага абумоўлены не «адной паперай» і не «адным голасам», а сінхроннай працай усіх узроўняў доказу — ад памяці роду да аўтарытэту старасты. У выніку мы бачым, як прававая норма, сацыяльная сетка і практыка судоў павета ствараюць адзіную доказную прастору, у якой статус не толькі прызнаецца, але і стабілізуецца на будучыню. Гэта і ёсць галоўны ўрок гэтай справы для разумення «вываду шляхецтва» ў ВКЛ.

Заклучэнне. Справа Андрэя Гнявінскага высвечвае «вывад шляхецтва» як жывую прававую практыку ВКЛ, у якой норма і сацыяльная рэальнасць рухаюцца сінхронна. Працэдура не абмяжоўвалася фармальнай праверкай паходжання: яна рэканструявала адносіны паміж бакамі, аднаўляла парушаны баланс у маёмасных спрэчках і стабілізавала статус у межах павятовай супольнасці. Трохвектарны вынік — рэабілітацыя гонару, рэстытуцыя маёмасці, рэгуляцыя дамоўных адносін — паказвае, што «вывад шляхецтва» быў не толькі сродкам абароны індывидуальных правоў, але і механізмам падтрымання карпаратыўнага парадку шляхты.

Архітэктара доказу ў кейсе Гнявінскага дае магчымасць убачыць стандарт легітымацыі, які склаўся на практыцы: «вертыкаль» паходжання (сямейная памяць бліжэйшых сваякоў), «гарызанталь» супольнасці (сведчанні лакальнай шляхты і службовых асоб павета) і «адміністрацыйны якар» (ліст старасты). Такая трохузроўневая канфігурацыя не толькі адпавядала рамкам Статута ВКЛ 1566 года, але і кампенсавала слабасці кожнага з элементаў асобна: суб'ектыўнасць памяці — аўтарытэтам супольнасці, уразлівасць вусных сведчаньняў — дакументам прадстаўніка ўлады. У выніку суд мог прыняць рашэнне, якое было адначасова юрыдычна матываванае і сацыяльна прымальнае для павета.

Дынаміка канфлікту паказвае, што «нагана шляхецтва» як тактыка не была выключна прававым прыёмам, яна працавала ў звязцы з рэпутацыйным ціскам і спробамі публічнага дыскрэдытавання. Навязка, накладзеная на Гнявінскага пасля сутыкнення, не знішчыла яго доказнай лініі, але выявіла межы «дозволенага» ў барацьбе за спадчыну: калі спрэчка выходзіла за працэсуальныя рамкі, «вывад шляхецтва» вяртаў яе ў поле нормы. Гэтая паласа напружання паміж фармальным судовым парадкам і нефармальнымі рэпутацыйнымі практыкамі — істотная рыса сацыяльнай гісторыі шляхты, якая тлумачыць, чаму сведчанні асоб з высокім статусам (вайсковым і судовым) мелі такую доказную вагу.

З гістарыяграфічнага і метадалагічнага гледжання кейс дэманструе эфектыўнасць «мікрагістарычнай оптыкі», калі праз адну справу прачытваюцца шырэйшыя механізмы карпаратыўнай салідарнасці і закрытасці саслоўя. Прасапаграфічная рэканструкцыя кола сваякоў і сведкаў, адсочванне іх службовых і зямельных траекторый, а таксама аналіз «сем'яў

аргументаў» (памяць—дакумент—аўтарытэт) дазваляюць не толькі тлумачыць вынік канкрэтнай справы, але і супастаўляць рэгіянальныя мадэлі доказу. Такі падыход адкрывае магчымасць для параўнання павятовых практык, высвятлення ролі соймаў і лакальных сетак уплыву, а таксама для выяўлення «кароткага спісу» крытычна важных сведак у справах аб паходжанні.

Матэрыял абмяжоўваецца адным кейсам з кнігі судовых спраў № 58 і патрабуе пашырэння крыніцазнаўчай базы. Параўнальнае вывучэнне аналагічных працэсаў у суседніх паведах, праверка паўтаральнасці трохузроўневай доказнай мадэлі, увага да часовай лагістыкі (разрыў паміж першымі сведчаннямі 1574 года і развязкай 1579 года), роля жаночых ліній паходжання і «экспартнай» легітымацыі іншаземцаў — гэта перспектыўныя кірункі наступных даследаванняў. У суме яны дазваляць больш дакладна апісаць як прававую тэхніку, так і сацыяльную інфраструктуру «вываду шляхецтва» ў ВКЛ, перанесці высновы з узроўню ўнікальнага кейса на ўзровень устойлівых шаблонаў сацыяльна-прававой практыкі.

Спіс цытаваных крыніц

1. *Любавский, М. К.* Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно: с приложением текста хартий, выданных Великому княжеству Литовскому и его областям. / М. К. Любавский. — 2-е изд. — М.: Моск. художеств. печать, 1915. — 401 с.
2. *Вінниченко, О. О.* Доведення шляхецтва на сеймиках руського воєводства у Вишні (XVII — середина XVIII ст.): правова регламентація і повсякденна практика / О. О. Вінниченко // Повсякдення ранньомодерної України: Історичні студії. — Київ, 2012. — С. 13—58.
3. *Глінскі, Я. С.* Працэс аб «нагане шляхецтва» ад 1562 г. і паходжанне зямянскага роду Браневічаў-Бранавіцкіх / Я. С. Глінскі // *Архіварыус*. — Вып. 17. — Мн.: НГАБ, 2019. — С. 39—57.
4. *Метрыка Вялікага Княства Літоўскага.* Кніга № 272 (1576–1579 гг.): кніга судовых спраў № 58 (канец XVI ст.) / падрыхт. А. А. Мялешка. — Мн.: Бел. навука, 2015. — 437 с.
5. *Лаппо, И. И.* Гродский суд в Великом княжестве Литовском в XVI столетии / И. И. Лаппо // *Журнал Министерства народного просвещения*. — 1908. — № 1. — С. 51—113.

Паступіў у рэдакцыю 10.11.2025.

УДК 930.1

Мохаммед Амир Абдул Джаббар МохаммедУчреждение образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы», ул. Ожешко, 22,
230023 Гродно, Республика Беларусь, +375 (25) 640 59 37, +375 (29) 783 72 42, امير النصر اوي

М. В. НИКОЛЬСКИЙ КАК РОДОНАЧАЛЬНИК РОССИЙСКОЙ И ПРЕКУРСОР СОВЕТСКОЙ АССИРИОЛОГИИ

Ассириологией принято называть комплекс наук о языках, письменности, истории и культуре народов Древней Месопотамии. На первый этап изучение месопотамской культуры вышло еще в отсутствие российской ассириологии, которая отделяется от семитологии и фольклористики только перед началом Первой мировой войны. Советская ассириология в начальный период своей деятельности стала временем становления новых оценочных подходов с точки зрения марксистской историософии к проблематике развития культуры. Однако в начальный период своего становления она испытала влияние российской ассириологии имперского периода. В ней же титул родоначальника этой дисциплины по праву принадлежит М. В. Никольскому. Ученый внес значительный вклад в развитие русского востоковедения как историк-библейст, стал отцом русской ассириологии, внося свой вклад в историю Вавилона, Ассирии, Урарту, Древнего Шумера. При этом разнообразие его научных интересов проявилось в различных сферах истории Древнего Востока: от мифологии и религиоведения до социально-экономической тематики.

Ключевые слова: М. В. Никольский; историография; ассириология; цивилизация; Вавилонское царство; Ассирия; Месопотамия; библеистика; мифология; религия; исторические знания.

Библиогр.: 37 назв.

Mohammed Amir Abdul Jabbar MohammedEducational Institution "Grodno State University named after Yanka Kupala", 22 Ozheshko Str., 230023 Grodno, the
Republic of Belarus, +375 (25) 640 59 37, +375 (29) 783 72 42, امير النصر اوي

M. V. NIKOL'SKY AS THE FOUNDER OF RUSSIAN AND PRECURSOR OF SOVIET ASSYRIOLOGY

Assyriology is the accepted name for a complex of sciences on the languages, writing, history and culture of the peoples of ancient Mesopotamia. The study of Mesopotamian culture entered its first stage in the absence of Russian Assyriology, which separated from Semitology and folklore studies only before the beginning of the First World War. Soviet Assyriology in the initial period of its activity became the time of the formation of new evaluative approaches from the point of view of Marxist historiography to the problems of cultural development. However, in the initial period of its formation, it experienced the influence of Russian Assyriology of the imperial period. In it, the title of the founder of this discipline rightfully belongs to M. V. Nikolsky. The scientist made a significant contribution to the development of Russian oriental studies as a biblical historian, became the father of Russian Assyriology, having contributed to the history of Babylon, Assyria, Urartu, and ancient Sumer. At the same time, the diversity of his scientific interests manifested itself in various spheres of the history of the ancient East: from mythology and religious studies to socio-economic topics.

Key words: M. V. Nikolsky; historiography; Assyriology, civilization; Babylonian Kingdom; Assyria; Mesopotamia; biblical studies; mythology; religion; historical knowledge.

Ref.: 37 titles.

Введение. Как одно из проявлений особенностей анализа истории цивилизационного развития Древней Месопотамии следует, на наш взгляд, рассматривать историографию в качестве одной из форм теоретического осмысления исторического прошлого. В нашем случае разделом историографии, изучающей прошлое Древней Месопотамии, является ассириология. Историческая мысль народов разных эпох, исторические сочинения и их авторы отличаются друг от друга не только набором описываемых явлений и событий прошлого, которые привлекают их внимание. Это отразилось и в специфике восприятия, передачи и осмысления этих событий и явлений.

Одна из крупнейших цивилизаций Древнего Востока — Вавилонская, центр — в городе Вавилоне. Она вошла в мировую историю как одна из первых цивилизаций, в которой была разработана и создана законодательная система, разработана определенная система научных знаний, в том числе исторических. Однако это название, укоренившееся в исторической науке, не вполне корректно. Ее истоки выходят из истории первичной — шумерской, ставшей впоследствии шумеро-аккадской цивилизацией.

Советская ассириология в начальный период своего становления испытала влияние российской ассириологии имперского периода. В ней же титул родоначальника этой дисциплины по праву принадлежит М. В. Никольскому. Ученый, известный как историк-библеист, стал отцом российской ассириологии, внося свой вклад в изучение истории Вавилона, Ассирии, Урарту, Древнего Шумера. Влияние М. В. Никольского на развитие раннего советского востоковедения неоспоримо.

В настоящее время специалисты не в состоянии обработать и осмыслить весь имеющийся источниковый материал, остается огромное количество неизданных письменных памятников. Следует отметить, что в целом историографические работы обобщающего плана появляются в ассириологии крайне редко. В значительной степени это объясняется тем, что объем уже накопившихся и постоянно пополняющихся источников (прежде всего, конечно, клинописных документов, но также и памятников материальной культуры) просто огромен. Результаты исследования могут быть использованы для дальнейшей разработки проблематики истории в Древней Вавилонии, в этом заключается их практическая значимость.

Исследуемая тема имеет актуальное звучание и практическую значимость, поскольку расширяет и углубляет представление о научном наследии М. В. Никольского, подчёркивает его значение для теоретического осмысления исторического прошлого в самом широком контексте, в отношении дальнейшего научного исследования истории народов Древней Месопотамии и всего Древнего Востока. В данном аспекте научное наследие М. В. Никольского не изучалось, в этом определяется его научная новизна.

Цель заявленной статьи — представить вклад М. В. Никольского в становление российской ассириологии и его влияние на развитие советской истории Древней Вавилонии. Для достижения заявленной цели статьи решались следующие задачи: показать факторы, влияющие на становление М. В. Никольского как историка-ассириолога; показать научную и общественную деятельность ученого на почве ассириологии; представить научный вклад исследователя в изучение общественно-политической истории шумеро-аккадской государственности, социально-экономической истории Вавилонии, проблемы возникновения исторических знаний в Месопотамии; выявить степень влияния М. В. Никольского на развитие ранней советской ассириологии.

Методология и методы исследования. Теоретико-методологические основы статьи основываются на основополагающих, выработанных историософской мыслью принципах и методах научного исследования. Будущее состояние историографии как науки будет определяться множеством методологических подходов и исторических концепций, которые не могут быть универсальными [1, с. 41]. Это состояние историографии, как проявление историософского осмысления прошлого, и объясняет то положение, что в настоящее время не появилось принципиально новых концепций исторического процесса [2, с. 48].

В исследовании этих поставленных задач автор опирался на основополагающие принципы исторической науки — историзма и объективности, а также ценностный подход. Воплощением этих принципов в процессе подготовки статьи было использование общенаучных и специально-исторических методов. Методы, применяющиеся в историографии, хотя и используются в других областях исторической науки, но имеют существенную специфику.

В данной статье автор использовал преимущественно следующие методы: метод нарратива, историко-генетический, историко-сравнительный, ретроспективного и перспективного анализа. Так, например, историко-генетический метод позволяет проследить время

и формы возникновения исторических знаний, развитие рабства и методы эксплуатации зависимого населения. Историко-типологический метод позволяет выявить типологию общественно-государственного устройства Шумера, Аккада, Вавилонии и Ассирии.

Результаты исследования и их обсуждение. Заявленная проблематика исследования недостаточно известна в русскоязычной историографии, не говоря уже о западной. Еще при жизни М. В. Никольского появились первые исследования его учеников и коллег, посвященные вкладу ученого в изучение истории Древнего Востока вообще и ассириологии в частности. Так, Б. А. Тураев издал отдельный труд, рассматривающий вклад М. В. Никольского в изучение древней истории, особо акцентируя его заслуги в области российской библеистики [3]. Подчеркнуты научные заслуги М. В. Никольского и в серии некрологов [4; 5].

В советской историографии также присутствовали труды, отдающие дань признания М. В. Никольскому как выдающемуся российскому исследователю истории Древнего Востока [6; 7]. Л. А. Липин отдельно выделял М. В. Никольского как отца русской ассириологии [8]. В кратком очерке истории ассириологии и историографии истории Древней Месопотамии, в том числе ее вавилонского периода, опубликованном И. М. Дьяконовым в первом томе «Истории древнего Востока», также отмечается вклад М. В. Никольского в изучение истории Древней Вавилонии [9]. Значительным вкладом в изучение заявленной темы является труд А. И. Немировского [10]. Д. Г. Редер исследовал научную и публицистическую деятельность М. В. Никольского, уделяя особое внимание библеистике ученого, рассматривая ее с оценочных позиций советского атеистического времени [11].

Научное наследие М. В. Никольского продолжает изучаться и в современной российской историографии. Так, в современных обобщающих трудах по истории и историографии Древнего Востока отмечаются труды М. В. Никольского [12; 13]. Заслуживают упоминания также российские междисциплинарные исследования (история, филология, библеистика), в которых отмечается научный вклад М. В. Никольского [14—16]. Научный вклад М. В. Никольского в изучение библеистики отмечен советско-израильским ученым И. П. Вейнбергом, известным исследователем ветхозаветных книг Библии [17].

Некоторое внимание научному наследию М. В. Никольского в контексте развития исторических знаний в Древнем Вавилоне и его историографическому изучению уделял и автор данной статьи [18—20].

Таким образом, жизнь и научная деятельность М. В. Никольского, ее результаты и этапы достаточно полно изучены. Однако, на наш взгляд, не вполне исследована ассириология ученого, особенно в контексте генезиса и развития исторических знаний. Данная статья представляет собою попытку пополнения этих знаний, однако она не претендует на полное исчерпание заявленной тематики, а, скорее, на её обозначение.

Как уже отмечалось, жизнь и научная деятельность М. В. Никольского, основные ее результаты и этапы достаточно хорошо изучены. Отметим только некоторые факторы, которые, по нашему мнению, могли повлиять на становление интересов исследователя, оценочные позиции ученого.

Занятие библеистикой М. В. Никольским объясняется как семейными обстоятельствами, так и уровнем развития и тематической направленностью современной ему российской исторической науки по изучению Древнего Востока. Будущий ученый родился в семье диакона Николаевской церкви в с. Мясном Серпуховского уезда Московской губернии. В 1862—1868 годах учился в Московской духовной семинарии. По окончании семинарии по 1-му разряду в 1868 году он поступил в Московскую духовную академию. Еще будучи студентом, М. В. Никольский наряду с классическими языками — греческим и латинским — овладел также и древнееврейским.

Показательно, что он был оставлен в Московской духовной академии для получения профессорского звания и некоторое время работал в академии в должности доцента на кафедре еврейского языка и библейской археологии. Молодой ученый также серьезно

занимался проблемами библейской критики. По мнению исследователя творчества М. В. Никольского Д. Г. Редера, «по всей видимости, расхождение во взглядах по этому вопросу с ректором профессором А. В. Горским помешало Никольскому получить профессорское звание» [11, с. 108]. В результате большую часть своей жизни М. В. Никольский оставался «частным» ученым и «по свидетельствам современников, работал при самых невыгодных научных и материальных условиях, мужественно перенося все неблагоприятные последствия этого положения» [11, с. 110].

По окончании Московской духовной академии М. В. Никольский отказался от богословской деятельности и был преподавателем древнегреческого языка в Воронежской духовной семинарии, древнееврейского и греческого языков в Московской духовной семинарии и старшего справщика Московской синодальной типографии. Одновременно в течение ряда лет, начиная с 1881 года и в 1898—1900 годах, М. В. Никольский состоял приглашенным преподавателем древнееврейского языка и ассириологии на историко-филологическом факультете Московского университета.

М. В. Никольский самостоятельно овладел финикийским, арамейским и арабским языками. Грандиозные археологические открытия в Древней Месопотамии в XIX веке, с одной стороны, и стремление создать в России новую, перспективную науку — ассириологию, с другой стороны, побудили ученого изучить сложнейшее искусство ассиро-вавилонской и урартской клинописи. В результате он стал первым русским ученым, овладевшим ассиро-вавилонской и урартской системами письма и научившимся читать клинописные памятники. М. В. Никольский, используя свои обширные знания в области древних языков, исследовал основания критики собственно Ветхого Завета, считая смелой постановку вопроса о происхождении книги Иова и Экклезиаста [21].

Как видим, М. В. Никольский неслучайно начал свои исследования как историк-библеист. Интерес к религиям народов Древней Месопотамии в России впервые пробудился в среде богословов и филологов-библеистов. Впоследствии также первыми советскими исследователями истории Древней Месопотамии были дореволюционные российские ученые, часто продолжившие свои исследования в области мифологии и конфессиональной истории (Д. А. Хвольсон, В. К. Шилейко и др.).

Первые научные публикации М. В. Никольского вышли в конце 70-х годов XIX века в популярных литературных журналах («Русский вестник», «Заграничный вестник») и в «Православном обозрении». Это было время, когда изучение месопотамской культуры началось еще в отсутствии российской ассириологии, которая отделяется от семитологии и фольклористики только перед началом Первой мировой войны. Ассириологией принято называть комплекс наук о языках, письменности, истории и культуре народов Древней Месопотамии. Это название сложилось исторически и не вполне точно в связи с тем, что первоначально, в связи с открытием библиотеки Ашшурбанапала, начала изучаться история Ассирии.

В связи с этим обстоятельством значительную роль в развитии российского востоковедения играли западные исследования. Отметим основные исследования западной историографии, которые сыграли важнейшую роль в становлении российской ассириологии и которые были известны молодому ученому. Так, на русский язык была переведена «Древняя история» Г. Масперо (1892) и его же «Древняя история народов Востока» (1895) со ссылками на древнейший ассириологический источник — историю Вавилонии Бероса (III век до н. э.), историка, астролога и жреца храма Мардука. Важное значение имело и исследование французского ассириолога Э. Дормаа «Религия Ассиро-Вавилонии» (1910). Капитальные монографии по истории месопотамской религии создавались в Западной Европе начала XX века, их составителями были библеисты и богословы [22; 23]. Общим положением этих исследований был тезис о возникновении и развитии исторических знаний в рамках мифологии и религиозных систем. Этот тезис был принят и находящейся под влиянием западной ассириологии российской историографией Древнего Востока. Данные положения впоследствии появились и в научном арсенале М. В. Никольского [11—16].

Однако вскоре основной в изучении Древней Месопотамии стала история Вавилонии, выразившаяся в концепцию панвавилонизма. Однако в науке сохранился уже не вполне корректный термин — «ассириология». Отмечалось, что влияние Вавилона в истории Месопотамии было столь огромным, что в историографии XIX века возникло течение, получившее название панвавилонизма. Панвавилонизм — течение исторической мысли, возникшее в Германской империи в конце XIX — начале XX века, в его основе лежал тезис, согласно которому различные мировые культуры имели корни в Вавилоне, и они могут быть выявлены при анализе вавилонской культуры и религии [13, с. 34]. Определенную дань увлечения этой теорией испытал и М. В. Никольский [24; 25].

Как и у М. В. Никольского, в российском дореволюционном востоковедении утвердилось мнение, что первые исторические знания о месопотамской цивилизации появились в рамках мифологии, религии, хроник, пророчеств, басни, диалогов, официальных документов. Ученый проводил логическую связь возникновения ветхозаветной традиции с предшествующей историей Вавилонии: «Изучение классической и восточной литературы много послужило к установлению достоинства священной, так сказать, откровенной культуры, сравнительно с другими культурами, и вместе с тем внутренних и внешних качеств священных произведений, сравнительно с письменностью других народов» [21, с. 89]. Этот подход был принят впоследствии и в советской историографии. Так, А. И. Немировский полагал, что историческая мысль хотя и «питалась материалом мифов, начиналась все же с критики мифологического мировоззрения, но корни историографии следует искать в ионийской науке» [26, с. 12]. В западной историографии имеется также и противоположное мнение. Так, Дж. У. Томпсон утверждал, что «ассирийцы были первыми создателями настоящей исторической литературы» [27, с. 11].

К тематике общественно-политической и конфессиональной истории Древней Месопотамии относится ранний труд М. В. Никольского о Саргоне Древнем [28]. По мнению ученого, Саргон, царь ассирийский, являлся продолжателем тенденций общественно-политических и культурных традиций шумеро-вавилонской цивилизации с учетом реальностей ассирийской военной державы. Истории Древней Вавилонии М. В. Никольский посвятил отдельный обобщающий труд [24].

Ученый также обработал и издал ряд документальных текстов, относящихся к истории Древней Вавилонии. К ним относятся ассирийские клинообразные тексты с транскрипцией и подстрочным русским переводом, относящиеся к мифологии и конфессиональной истории [29; 30]. Издавались исследователем и документальные тексты, относящиеся к хозяйственной жизни Древней Месопотамии [31—33].

Эти научные разработки истории Древней Месопотамии М. В. Никольским, особенно по истории Вавилона, его социально-экономической и общественно-политической истории, стали основой для зарождающейся советской ассириологии. На основе труда М. В. Никольского «Древний Вавилон» уже в советский период как признание заслуг известного ученого была издана статья в большой советской энциклопедии [25]. Также уже в советское время вышли труды М. В. Никольского из области ассириологии, посвященные марксистской методологии истории, социально-экономическим вопросам: проблеме рабства [34], формам эксплуатации зависимого населения на Древнем Востоке [35], роли общины на Древнем Востоке [36].

Можем утверждать, что научной заслугой М. В. Никольского и вкладом в развитие также советской ассириологии стала передача интереса, а затем и научной эстафеты как историка-востоковеда своему сыну, ставшему академиком АН БССР, членом-корреспондентом АН СССР. Н. М. Никольский, будучи профессором Белорусского государственного университета, а затем и директором Института истории АН БССР, оказал существенное влияние на становление белорусского востоковедения. Н. М. Никольский проявил себя как крупный исследователь по проблемам социально-экономической и религиозной истории народов Вавилона, Израиля, Финикии. Этой проблематике посвящены одни из первых его

статей и книг: «Израиль и Вавилон» (1910), «Во дворце египетского фараона» (1912), «Древний Вавилон» (1913) и др. Эта тематика отражена и в последней книге ученого — «Культура древней Вавилонии» (1959). Н. М. Никольский принимал также активное участие в создании первых советских школьных и университетских учебников по истории Древнего Востока.

Кроме преподавательской деятельности М. В. Никольский проявил значительную активность в сфере общественной деятельности на почве ассириологии. Так, в 1887 году М. В. Никольский создал Восточную комиссию при Императорском московском археологическом обществе, где занимался изучением древних памятников Ассирии, Урарту, Армении. В 1893 году он вместе с А. А. Ивановским возглавил археологическую экспедицию в Закавказье, где скопировал множество надписей на урартском языке. Результатом экспедиции было издание корпуса урартских надписей, за что М. В. Никольский был удостоен золотой медали Русского археологического общества. М. В. Никольский являлся действительным членом Императорского русского археологического общества, Императорского московского археологического общества, Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете, членом-корреспондентом Императорского Православного Палестинского Общества. Он дослужился до чина тайного советника (22 ноября 1910 года). В 1910 году М. В. Никольский уходит в отставку. Награжден многочисленными орденами: св. Станислава, св. Анны 2-й степени, св. Владимира 3-й степени и т. д. [3].

Значителен вклад ученого в издание источников по древней истории Востока и борьбу за их сохранение. В 1889—1896 годах М. В. Никольский являлся редактором научного издания «Древности восточные. Труды Восточной комиссии Московского археологического общества». В начале XX века М. В. Никольский издал коллекцию шумерских хозяйственных текстов (более 900 табличек). Научным итогом этой работы стал выход двухтомника «Документы хозяйственной отчетности» (1908—1915) с транслитерацией и комментариями. Заслугой учёного является также издание сирийской рукописи Евангелия и пальмирские надписи. Во время Первой мировой войны М. В. Никольский призывал к созданию Международной комиссии для спасения и изучения древностей Месопотамии и Палестины [3].

М. В. Никольский также принял активное участие в обсуждении задач русской археологии и исторической науки в Палестине и Месопотамии в связи с событиями Первой мировой войны, отмечая необходимость сотрудничества российских специалистов с археологами и историками — специалистами по изучению древности из Великобритании и Франции. Он подчеркивал необходимость сотрудничества в этой области исторических знаний с представителями западной историографии как по финансовым причинам, так и в силу их солидного научного багажа [37].

Тем не менее М. В. Никольский не получил кафедру ни в одном из российских университетов. В результате крупнейший ученый-востоковед с мировым именем, позже признанный отцом российской ассириологии, был вынужден служить корректором, а затем цензором Московского цензурного комитета [8, с. 319]. Только 15 ноября 1908 года М. В. Никольский получил степень доктора истории *honoris causa*, присужденную ему Санкт-Петербургским университетом [3, с. 71].

Заключение. Широта научных интересов М. В. Никольского как ученого-востоковеда поистине уникальна. Ученый внес значительный вклад в развитие российского востоковедения, как историк-библеист стал отцом российской ассириологии, внося свой вклад в изучение истории Вавилона, Ассирии, Урарту, Древнего Шумера. Значителен его вклад в разработку социально-экономической и общественно-политической истории Древней Месопотамии, а также проблематики возникновения исторических знаний. При этом разнообразие его научных интересов проявилось в различных сферах истории Древнего Востока: от мифологии и религиоведения до социально-экономической тематики.

Исходя из научных заслуг, основоположником российской профессиональной ассириологии считается М. В. Никольский. Многие были в этой области сделаны также его учениками и коллегами — египтологами В. С. Голенищевым и Б. А. Тураевым. Отметим также, что первоначальной фактологической и отчасти концептуальной основой развития советской историографии истории Древней Месопотамии была российская ассириология, отцом которой признается М. В. Никольский, опиралась она на разработки российской ассириологии имперского периода, в свою очередь основанные на достижениях западной исторической науки.

Список цитируемых источников

1. *Нечухрин, А. Н.* Содержание понятия «кризис историографии» / А. Н. Нечухрин, С. П. Рамазанов // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны : навук. зб. / С. М. Ходзін (адк. рэд.). — Мн., 2007. — Вып. 3. — С. 35—46.
2. *Кручковский, Т. Т.* История Польши в концепциях российской историографии XIX — начала XX века : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.09 / Т. Т. Кручковский. — Мн., 2017. — 338 с.
3. *Тураев, Б. А.* Ученые заслуги Михаила Васильевича Никольского / Б. А. Тураев. — М. : Тип. Г. Лиснера и Д. Собко, 1915.
4. *Никольский, А. З.* Никольский М. В.: Некр. / А. З. Никольский // ИВ. — 1917. — Т. 149/150. — С. 296—297.
5. *Никольский, М. В.* Некр. / М. В. Никольский // Московские ведомости. — 1917. — № 143. — 5 (18) июля. — С. 1.
6. *Постовская, Н. М.* Изучение древней истории Ближнего Востока в Советском Союзе (1917—1959 гг.) / Н. М. Постовская. — М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. — 438 с.
7. *Авдиев, В. И.* Изучение истории Древнего Востока за 25 лет (1917—1942) / В. И. Авдиев // Исторический журнал. — 1942. — № 10. — С. 98—102.
8. *Липин, Л. А.* Михаил Васильевич Никольский — отец русской ассириологической науки / Л. А. Липин // Учёные записки ЛГУ. — 1954. — Вып. 179.
9. *Дьяконов, И. М.* История древнего Востока. Зарождение древних классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации / И. М. Дьяконов ; под ред. И. М. Дьяконова. — М., 1989. — Ч. 1, Месопотамия. — 437 с.
10. *История древнего мира. Восток, Греция, Рим* / А. А. Немировский, А. И. Ладынин, В. О. Никишин, С. В. Новиков. — М. : Филолог. о-во «Слово», 2010.
11. *Редер, Д. Г.* Научная и публицистическая деятельность М. В. Никольского / Д. Г. Редер // Очерки по истории русского востоковедения. Сб. 3. — М., 1960. — С. 70—110.
12. *Историография истории Древнего Востока* / под ред. В. И. Кузищина. — М. : Высш. шк., 2008. — 719 с.
13. *Попова, А. А.* Панвавилонизм в российской исторической науке первой трети XX века / А. А. Попова // Ученые записки Казанского университета. — 2020. — Т. 162, кн. 3. — С. 27—41.
14. *Кравецкий, А. Г.* К вопросу о формировании учебной редакции богослужебных книг / А. Г. Кравецкий, А. А. Плетнева // Лингвистическое источниковедение и история русского языка : сб. ст. 2002—2003. — М., 2003. — С. 454—476.
15. *Кравецкий, А. Г.* Лингвистические и текстологические стандарты синодальных типографий / А. Г. Кравецкий // Лингвистическое источниковедение и история русского языка : сб. ст. 2006—2009. — М., 2010. — С. 470—502.
16. *Сухова, Н. Ю.* Русская богословская наука — по докторским и магистерским диссертациям 1870—1918 гг. / Н. Ю. Сухова. — М. : Изд-во ПСТГУ, 2013. — 374 с.
17. *Вейнберг, И. П.* Рождение истории: историческая мысль на ближнем Востоке середины I тысячелетия до н. э. / И. П. Вейнберг. — URL: <https://www.labyrinth.ru/books/55001/> (дата обращения: 30.01.2025).
18. *Кручковский, Т. Т.* Культура Вавилонского царства в аспекте возникновения и развития исторических знаний в оценке советской историографии (20 — нач. 50-х гг. XX века) / Т. Т. Кручковский, Мохаммед Амир Абдул Джаббар Мохаммед // Вестник БарГУ. Серия «Исторические науки и археология. Экономические науки. Юридические науки». — 2024. — № 1. — С. 21—28.
19. *Мохаммед Амир Абдул Джаббар Мохаммед.* Исторические знания в период вавилонского царства в аспекте развития культуры вавилонского общества в оценке советской историографии / Мохаммед Амир Абдул Джаббар Мохаммед // Наука и инновации — современные концепции : сб. науч. ст. по итогам работы Междунар. науч. форума, Москва, 10 мая 2024 г. — М., 2024. — Т. 3. — С. 74—81.
20. *Мохаммед Амир Абдул Джаббар Мохаммед.* Историографическое изучение Древней Вавилонии: периоды и особенности / Мохаммед Амир Абдул Джаббар Мохаммед // Наука и инновации — современные концепции : сб. науч. ст. по итогам работы Междунар. науч. форума, Москва, 10 мая 2024 г. — М. — Т. 2. — С. 83—90.

21. *Никольский, М. В.* Наша библейская наука / М. В. Никольский // Православное обозрение. — 1875. — № 2. — С. 84—196.
22. *Jastrow, M.* Die Religion Babylonians und Assyriens / M. Jastrow. — Giessen : J. Ricker'sche Verlagsbuchhandlung, 1907. — Т. 1—2.
23. *Jeremias, A.* Das Alte Testament im Lichte des Alten Orients. Handbuch zum biblisch-orientalischen Altertum / A. Jeremias. — Leipzig : J. C. Hinrichs, 1904. — 624 p.
24. *Никольский, М. В.* Древний Вавилон. Популярно-научные очерки по истории культуры Сумера, Вавилона и Ассура / М. В. Никольский. — М., 1913. — 434 с.
25. *Никольский, М. В.* Вавилония / М. В. Никольский // Большая советская энциклопедия. — Изд. 1-е. — М., 1927. — Т. 8. — С. 500—517.
26. *Немировский, А. И.* Рождение Клио: у истоков исторической мысли / А. И. Немировский. — Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1986. — 351 с.
27. *Thompson, J. W.* A History of Historical Writing I / J. W. Thompson. — N. Y., 1942.
28. *Никольский, М. В.* Саргон, царь ассирийский / М. В. Никольский. — СПб., 1881.
29. *Никольский, М. В.* Вып. 1. Таблица знаков и силлабарии / М. В. Никольский. — М., 1883. — 48 с.
30. *Никольский, М. В.* Вып. 2. Сумерийский гимн богу огня IV тыс. до Р. Х. с транскрипцией, переводом и подробным объяснением / М. В. Никольский. — М., 1884. — 52 с.
31. *Никольский, М. В.* Документы хозяйственной отчетности древнейшей эпохи Халдеи из собрания Н. П. Лихачева : в 2 ч. / М. В. Никольский. — М., 1908—1915 (Серия «Древности восточные»).
32. *Никольский, М. В.* Эпоха династии Агаде и эпоха династии Ура / М. В. Никольский. — М., 1915. — 151 с. (Серия «Древности восточные» ; т. 5).
33. *Никольский, М. В.* Вавилонский контракт о продаже дома времени Шамаш-Шум-Укина царя вавилонского (666 г. до Р. Х.) / М. В. Никольский. — М., 1891. — 25 с.
34. *Никольский, М. В.* Рабство в древнем Двуречье / М. В. Никольский // Вестник древней истории. — 1941. — № 1. — С. 45—63.
35. *Никольский, М. В.* К вопросу о ренте-налоге в древнем Двуречье. К вопросу о форме эксплуатации труда на Востоке / М. В. Никольский // Вестник древней истории. — 1939. — № 2. — С. 68—76.
36. *Никольский, М. В.* Община в древнем Двуречье / М. В. Никольский // Вестник древней истории. — 1938. — № 4. — С. 72—98.
37. *Никольский, М. В.* Задачи русской археологической и исторической науки в Палестине и Месопотамии в связи с современными мировыми событиями / М. В. Никольский // ДТМАО. — 1916. — Т. 25. — С. 345—365.

Поступила в редакцию 10.11.2025.

УДК 332.05

А. А. Бажина, кандидат экономических наук

Учреждение образования «Белорусский государственный экономический университет»,
пр-т Партизанский, 26, 220070 Минск, Республика Беларусь, +375 (29) 255 00 02, eneya@tut.by

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ БЕЛОРУССКОЙ ЭКОНОМИКИ

Статья посвящена исследованию роли цифровой экономики и процессов цифровизации в условиях формирования национальной экономики. Рассмотрены ключевые аспекты цифровой трансформации, включая развитие цифровой инфраструктуры, внедрение информационно-коммуникационных технологий и их влияние на бизнес-процессы и государственное управление. На примере Республики Беларусь проанализированы достижения и проблемы цифровизации, такие как кибербезопасность, цифровое неравенство и зависимость от зарубежных технологий. Предложены меры по совершенствованию цифровой экосистемы, включая модернизацию инфраструктуры, подготовку кадров и усиление нормативно-правовой базы. Определена необходимость комплексного подхода для повышения конкурентоспособности страны в условиях глобальной цифровой трансформации.

Ключевые слова: цифровая экономика; цифровизация; кибербезопасность; информационная безопасность; цифровая инфраструктура.

Табл. 2. Библиогр.: 18 назв.

A. A. Bazhina, PhD in Economics

Institution of Education “Belarus State Economic University”,
26 Partizanski Ave., 220070 Minsk, the Republic of Belarus, +375 (29) 255 00 02, eneya@tut.by

SOME ASPECTS OF THE BELARUSIAN ECONOMY DIGITALIZATION

Abstract. The article is devoted to the study of the role of the digital economy and digitalization processes in the context of the national economy formation. The key aspects of digital transformation are considered, including the digital infrastructure development, the introduction of information and communication technologies and their impact on business processes and public administration. Using the example of the Republic of Belarus, it analyses the digitalization achievements and problems, such as cybersecurity, digital inequality and dependence on foreign technologies. The article proposes measures of digital ecosystem improvement, including infrastructure modernization, training personnel and strengthening the regulatory framework. It identifies the need for an integrated approach to increase the country's competitiveness in the context of global digital transformation.

Key words: digital economy; digitalization; cybersecurity; information security; digital infrastructure.

Table 2. Ref.: 18 titles.

Введение. В современных реалиях роль цифровой экономики и процессов цифровизации становится все более определяющей для экономического развития. Цифровая экономика отражает трансформационные процессы, которые постоянно влияют на различные цифровые технологические решения в экономической системе — от интернет-коммуникаций и облачных сервисов до аналитики больших массивов данных и систем искусственного интеллекта. Процесс цифровизации можно охарактеризовать как системное внедрение цифровых технологических инструментов в различных сферах в целях повышения производительности, эффективности и стимулирования инновационной активности.

Цифровая трансформация и цифровизация оказывают фундаментальное воздействие на организацию бизнес-операций, что приводит к появлению конкурентных преимуществ предприятий и, как следствие, к экономическому развитию. Эти факторы направлены на

расширение доступности информации, совершенствование коммуникационных каналов, рационализацию производственных и управленческих процессов.

Цель работы — исследовать ключевые показатели цифровизации и их динамику, определить имеющиеся проблемы и обозначить пути их решения. Научная новизна заключается в определении проблем цифровизации белорусской экономики и обозначении направлений их решения.

Материалы и методы исследования. Материалами для исследования послужили научные публикации, учебные пособия, монографии, периодические издания, отчеты и статистические данные. Для анализа данных применялись методы анализа и синтеза, обобщения, сравнительного и статистического анализа. Это позволило систематизировать информацию, выявить тенденции и предложить решения для устранения выявленных проблем.

Результаты исследования и их обсуждение. Цифровая экономика и цифровизация играют ключевую роль в формировании современной экономики, где знания становятся основным фактором производства. Цифровизация, понимаемая как преобразование информации в цифровую форму, способствует снижению издержек, появлению новых возможностей и оптимизации бизнес-процессов. Цифровая экономика, в свою очередь, представляет собой систему экономических, социальных и культурных отношений, основанных на использовании цифровых информационно-коммуникационных технологий (далее — ИКТ). Эти процессы трансформируют традиционные экономические модели, создавая условия для инновационного развития и повышения конкурентоспособности.

Для оценки уровня цифровизации используются такие индексы, как Глобальный инновационный индекс [Global Innovation Index (GII)], который оценивает страны на основании их потенциала к инновациям (в том числе в ИКТ), а также их практического применения; Глобальный индекс связи [Global Connectivity Index (GCI)], который определяет прогресс в области инвестиций в ИКТ, внедрения технологий, пользовательского опыта и развития рынка; Индекс развития электронного правительства [UN Global E-Government Development Index (EGDI)], развитие которого возможно и реализуется за счет ИКТ; Индекс мобильной связи [GSMA Mobile Connectivity Index (GSMA)], который способствует внедрению мобильного Интернета, содействующего развитию ИКТ и являющегося его основой; Индекс развития информационно-коммуникационных технологий [ICT Development Index (ICTDI)]; Индекс сетевой готовности [Networked Readiness Index (NRI)]; Индекс цифровой конкурентоспособности IMD [World Digital Competitiveness Ranking (WDCR)], который оценивает потенциал и готовность экономик ко внедрению и изучению цифровых технологий. Данные по лидирующим странам представлены в таблице 1.

Анализ зарубежного опыта цифровизации экономики показывает, что лидирующие позиции занимают страны с высокоразвитой экономикой и сильными инновационными системами. Например, Сингапур демонстрирует впечатляющие результаты благодаря программе Smart Nation, где 98 % государственных услуг переведены в цифровой формат, а цифровая экономика составляет 19 % ВВП [1]. Швеция, лидер в Евросоюзе, сочетает технологические инновации с социальной инклюзивностью, где 89 % предприятий обеспечивают сотрудникам доступ к онлайн-курсам повышения квалификации [2; 3].

Говоря про Республику Беларусь, то за последнее десятилетие руководство страны определило цифровую модернизацию социальной и хозяйственной сфер ключевым вектором государственного прогресса. Национальный курс сфокусирован на создании благоприятной среды для ИКТ-предприятий, комплексном устранении препятствий цифровизации экономически, в общественной жизни, а также формировании среды, способствующей инновационному развитию.

Т а б л и ц а 1. — Индексы лидирующих стран цифровизации по состоянию на 2024 год

Индекс	Швейцария		Швеция		США		Сингапур		Великобритания	
	Значение	Место в рейтинге	Значение	Место в рейтинге	Значение	Место в рейтинге	Значение	Место в рейтинге	Значение	Место в рейтинге
GII	67,5	1	64,5	2	62,4	3	61,2	4	61,0	5
GCI (2020)	81	2	80	4	87	1	81	2	75	7
EGDI	0,9004	26	0,9326	14	0,9195	19	0,9691	3	0,9577	7
GSMA	93,2	2	90	13	91	7	93,7	1	90,5	11
ICTDI	92,4	33	95,3	15	96,7	10	97,8	5	93,6	23
NRI	73,71	7	74,99	4	78,96	1	76,94	2	73,57	8
WDCR	93,15	2	90,42	5	91,31	4	100	1	78,21	18

Примечание — Источник: собственная разработка на основе [4—10].

Фундаментом цифровых преобразований в стране послужило развитие доступной для граждан и организаций информационно-коммуникационной инфраструктуры.

Структура цифровой экономики страны на 2023 год включает 7 807 организаций, из которых 5 415 относятся к сектору ИКТ, 1 429 — к цифровой торговле, 963 — к сектору контента и СМИ. За 2016—2023 годы общая численность работников организаций цифровой экономики продемонстрировала неравномерную динамику: рост с 105 126 до пикового значения 142 798 человек в 2022 году (+ 36 %) с последующим снижением до 129 418 человек в 2023 году (–9,4 % к 2022 году). Основную долю в структуре занятости составляет сектор ИКТ (около 81 % в 2023 году), который повторяет общую тенденцию роста до 2022 года и спада в 2023 году, в то время как сектор контента и СМИ показал постепенное сокращение с 15 437 до 12 465 человек (–19 % за 2016—2023 годы) [11].

Данные о номинальной начисленной среднемесячной заработной плате работников в сфере цифровой экономики и её соотношении со средней заработной платой по республике за 2012—2023 годы свидетельствуют о том, что в стране наблюдается устойчивый рост заработной платы в сфере цифровой экономики на протяжении всего периода. Наиболее высокооплачиваемым является сектор ИКТ, где заработная плата значительно превышает среднереспубликанский уровень (в 2023 году — на 288,7 %). За период с 2012 по 2023 год заработная плата в секторе ИКТ выросла до 5 314,6 руб. Сектор контента и СМИ демонстрирует более умеренный рост с превышением средней заработной платы по республике на 13,7 % в 2023 году. Цифровая торговля показывает наиболее скромные показатели, однако к 2023 году также превысила среднереспубликанский уровень на 7,2 % [11].

Анализ данных инфраструктуры цифрового развития за 2012—2023 годы демонстрирует существенную трансформацию качества и доступности интернет-услуг. Количество абонентов стационарного широкополосного доступа в сеть Интернет на 100 человек населения увеличилось с 26,8 единиц в 2012 году до 34,9 единиц в 2023 году. При этом наблюдается значительное улучшение качества предоставляемых услуг: доля пользователей с низкоскоростным подключением (256 кбит / с — менее 2 Мбит / с) сократилась практически до нуля (0,03), в то время как доля пользователей высокоскоростного Интернета (100 Мбит / с и более) выросла до 17,6 единиц, что составляет 50,5 % от общего числа абонентов стационарного широкополосного доступа [11].

Анализ данных о количестве оказанных электронных услуг и административных процедур через общегосударственную автоматизированную информационную систему показал значительный рост цифровизации государственных сервисов. Если в 2016 году на 100 человек населения приходилось всего 14 электронных услуг, то к 2023 году этот показатель достиг 1 401 единицы, из которых 1 396 составляют непосредственно электронные услуги. Особенно заметный скачок произошел в 2020—2023 годах, когда количество услуг увеличилось более чем в 18 раз (с 77 до 1 401), что свидетельствует об успешной реализации политики цифровой трансформации государственного управления и повышении доступности электронных сервисов для населения [12].

Доля населения в возрасте 6—72 лет, использующего Интернет, существенно выросла с 43,3 % в 2012 году до 91,5 % в 2023 году, при этом количество ежедневных пользователей увеличилось с 26,4 до 82,1 %. Особенно показательна динамика использования Интернета для финансовых операций — рост с 11,2 % в 2014 году до 56,1 % в 2023 году, что свидетельствует о значительном повышении доверия к цифровым финансовым сервисам. Взаимодействие населения с государственными органами через Интернет также показало существенный рост — с 9,2 % в 2016 году до 32,2 % в 2023 году [11].

В сфере бизнеса также наблюдается высокий уровень цифровизации: к 2022 году 98,8 % организаций использовали Интернет, 71,6 % имели веб-сайты, а использование облачных сервисов выросло до 43,2 %. Заметен значительный прогресс в области электронной коммерции: 38,2 % организаций осуществляли электронные продажи, а 59,8 % — электронные закупки. Внедрение передовых цифровых технологий пока находится на начальном этапе: использование больших данных — 12,3 %, «Интернета вещей» — 18,5 %, искусственного интеллекта — 3,6 %, что указывает на существенный потенциал для дальнейшего развития цифровой трансформации бизнеса [12].

Основные показатели цифровой трансформации за 2012—2023 годы, отражающие динамику развития сектора ИКТ в области патентной активности, кадрового потенциала и финансирования научных исследований, позволили сделать вывод, что количество выданных патентов национальным заявителям в секторе ИКТ демонстрирует значительное снижение с 31 единицы в 2014 году до 10 единиц в 2023 году, однако при этом их удельный вес в общем числе патентов вырос с 3,5 до 4,8 %. Позитивную тенденцию показывает доля исследователей в секторе ИКТ, увеличившись с 5,1 % в 2012 году до 5,6 % в 2023 году. Внутренние затраты на научные исследования и разработки в секторе ИКТ остаются относительно стабильными, колеблясь в пределах 4,1—5,4 % от общего объема затрат, что свидетельствует о сохранении устойчивого интереса к развитию данного направления [11].

Чтобы оценить состояние цифровизации в Республике Беларусь, можно воспользоваться и международными показателями развития цифровой экономики (таблица 2).

Т а б л и ц а 2. — Индексы Республики Беларусь по цифровизации

Индекс	2018 год		2020 год		2022 год		2024 год	
	Значение	Место в рейтинге	Значение	Место в рейтинге	Значение	Место в рейтинге	Значение	Место в рейтинге
GII	29,4	86	31,3	64	27,5	77	24,2	85
GCI	43	47	46	47	—	—	—	—
EGDI	0,7641	38	0,8084	40	0,7580	58	0,7445	77
GSMA	65,4	64	67,5	62	66,8	70	69,1	76
ICTDI	—	—	—	—	—	—	88,5	52

Примечание — Источник: собственная разработка на основе [4—8].

По Глобальному инновационному индексу (ГИИ) прослеживается волнообразная динамика. Индекс глобальной связанности (GCI) демонстрирует стабильность. Индекс развития электронного правительства (EGDI) показывает отчетливую нисходящую траекторию в рейтинге. Индекс мобильной связи (GSMA) демонстрирует парадоксальную динамику: при постепенном росте абсолютного значения наблюдается снижение позиции в глобальном рейтинге, что свидетельствует о более интенсивном развитии цифровой мобильной инфраструктуры в других странах. Индекс развития ИКТ сформирован по странам только за 2024 год. Индекса цифровой готовности и Индекса цифровой конкурентоспособности по Республике Беларусь нет.

Изучение практики стран — лидеров цифровизации позволяет определить стратегические направления развития: совершенствование электронного правительства, расширение электронного участия граждан и модернизацию мобильных сетей. При этом стратегической задачей должны быть не формальные улучшения рейтинговых позиций, а качественные структурные преобразования в процессе цифровой трансформации экономической системы.

Но несмотря на прогресс, Беларусь сталкивается с рядом проблем.

Одной из ключевых проблем цифровизации в Беларуси является кибербезопасность. В 2024 году страна заняла второе место в мире по доле пользователей, подвергшихся киберугрозам (43,5 %). Наиболее распространенными угрозами стали фишинг, шпионские программы и бэкдоры [13]. Низкий рейтинг в Глобальном индексе кибербезопасности [ITU (Tier 3)] также свидетельствует о необходимости усиления мер защиты данных и информационной инфраструктуры [14].

Еще одной проблемой является цифровое неравенство. Несмотря на высокий уровень проникновения Интернета (91,5 % населения), сохраняется разрыв между городскими и сельскими регионами: в городах доступ к Интернету имеют 92,5 % домохозяйств, в сельской местности — только 79,5 %. Кроме того, наблюдается возрастное неравенство: среди молодежи (16—24 лет) Интернетом пользуются 98,9 %, тогда как среди людей старше 65 лет — лишь 64,8 % [15].

Зависимость от зарубежных технологий и дефицит квалифицированных кадров также ограничивают развитие цифровой экономики. Доля специалистов, обеспечивающих технологический суверенитет, составляет лишь 4 % занятого населения, что ниже целевого показателя Европейского союза (10 % к 2030 году) [16].

Для решения этих проблем в Беларуси реализуется ряд мер. Приняты важные нормативно-правовые акты, такие как Указ Президента Республики Беларусь № 40 «О кибербезопасности» и Концепция информационной безопасности [17; 18]. Государственная программа «Цифровое развитие Беларуси» на 2021—2025 годы направлена на модернизацию инфраструктуры, включая расширение покрытия сетей 4G до 99 % населения и увеличение числа абонентов широкополосного доступа до 34,9 на 100 человек [12]. Для подготовки кадров ведущие университеты страны, такие как БГУ и БГУИР, открывают новые специальности в области цифровой экономики и кибербезопасности.

Заключение. Цифровая экономика и цифровизация выступают ключевыми драйверами формирования современной экономики через создание цифровой инфраструктуры, оптимизацию бизнес-процессов и повышение доступности знаний. Информационно-коммуникационные технологии значительно ускоряют процессы создания, распространения и применения знаний, способствуют развитию инновационной деятельности и повышению эффективности использования человеческого капитала.

Страны — лидеры цифровизации демонстрируют комплексное развитие цифровых экосистем, что отражается в их высоких позициях по ключевым международным индексам. Каждая из этих стран имеет свою специфику цифровой трансформации: Сингапур выделяется эффективностью электронного правительства, Китай показывает беспрецедентные темпы роста цифровой экономики.

Республика Беларусь демонстрирует значительный прогресс в развитии цифровой инфраструктуры и внедрении ИКТ в различные сферы, однако отмечается регрессивная динамика по ряду международных индексов. Ключевыми направлениями для повышения конкурентоспособности Беларуси в сфере цифровизации должны стать совершенствование электронного правительства, стимулирование инновационной активности в ИКТ-секторе и модернизация мобильных сетей с акцентом на качественные структурные преобразования экономической системы.

Список цитируемых источников

1. Singapore Digital Economy Report 2023 // Infocomm Media Development Authority. — URL: <https://www.imda.gov.sg/-/media/imda/files/infocomm-media-landscape/research-and-statistics/sgde-report/singapore-digital-economy-report-2023.pdf> (date of access: 16.04.2024).
2. Sweden Country Commercial Guide // International Trade Administration, U.S. Department of Commerce. — URL: <https://www.trade.gov/country-commercial-guides/sweden-digital-economy> (date of access: 16.04.2024).
3. Sweden 2024 Digital Decade Country Report // European Commission. — URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/factpages/sweden-2024-digital-decade-country-report> (date of access: 16.04.2024).
4. Рейтинг стран мира по Индексу инноваций. — URL: <https://gtmarket.ru/ratings/global-innovation-index> (дата обращения: 20.04.2025).
5. Global Connectivity Index 2020 // Huawei. — URL: <https://www.huawei.com/minisite/gci/en/> (date of access: 18.04.2025).
6. E-Government Development Index (EGDI) // United Nation. — URL: <https://www.un.org/ru> (date of access: 19.04.2025).
7. GSMA Mobile Connectivity Index // GSMA. — URL: <https://www.imd.org/centers/wcc/world-competitiveness-center/rankings/world-digital-competitiveness-ranking/> (date of access: 20.04.2025).
8. Рейтинг стран мира по Индексу развития информационно-коммуникационных технологий // Гуманитарный портал. — URL: <https://gtmarket.ru/ratings/ict-development-index> (дата обращения: 12.10.2025).
9. Рейтинг стран мира по Индексу сетевой готовности // Гуманитарный портал. — URL: <https://gtmarket.ru/ratings/networked-readiness-index> (дата обращения: 12.10.2025).
10. Индекс цифровой конкурентоспособности IMD // Statbase. — URL: <https://statbase.ru/datasets/indexes-and-ratings/digital-competitiveness-ranking/> (дата обращения: 12.10.2025).
11. Цифровая экономика // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. — URL: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/makroekonomika-i-okruzhayushchaya-sreda/informatsionno-telekommunikatsionnye-tekhnologii/tsifrovaya-ekonomika> (дата обращения: 17.04.2025).
12. Отчеты о ходе реализации Государственной программы // Министерство связи и информатизации Респ. Беларусь. — URL: <https://www.mpt.gov.by/ru/otchet-y-o-khode-realizatsii-gosudarstvennoy-programmy> (дата обращения: 17.04.2025).
13. Kaspersky об актуальных киберугрозах для организаций в 2024 году // БЕЛТА. — URL: <https://belta.by/society/view/kaspersky-ob-aktualnyh-kiberugrozah-dlja-organizatsij-v-2024-godu-683094-2024/> (дата обращения: 22.04.2025).
14. Беларусь получила уровень Tier 3 в Global Cybersecurity Index 2024 // Noventiq. — URL: <https://noventiq.by/about/news/belarus-poluchila-uroven-tier-3-v-global-cybersecurity-index-2024> (дата обращения: 19.04.2025).
15. Информационное общество в Республике Беларусь // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. — URL: <https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/d44/ddoksj66lofh3z4av92poxxilg3scvvg.pdf> (дата обращения: 19.04.2025).
16. Векторы цифровой зрелости нации: как с водой не выплеснуть ребенка // Экономическая газета. — URL: <https://neg.by/novosti/otkrytj/vektory-tsifrovo-y-zrelosti-natsii-kak-s-vodoy-ne-vyplesnut-rebenka/> (дата обращения: 18.04.2025).
17. О кибербезопасности : Указ Президента Респ. Беларусь от 14 февр. 2023 г. № 40. — URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=P32300040> (дата обращения: 24.04.2025).
18. Концепция обеспечения кибербезопасности в банковской сфере // Национальный банк Республики Беларусь. — URL: <https://www.nbrb.by/legislation/documents/konceptsiya-kiberbezopasnosti.pdf> (дата обращения: 21.04.2025).

Поступила в редакцию 10.11.2025.

UDC 332.1:338.43

O. H. Vinnik¹, Wang Jiaao²Institution of Education "Sukhoi State Technical University of Gomel",
48 October Ave., 246029 Gomel, the Republic of Belarus, ¹+375 (29) 674 27 71, olgavinnik@mail.ru**WAYS FOR DIGITAL AGRICULTURE DEVELOPMENT IN THE REPUBLIC OF BELARUS BASED ON CHINA'S EXPERIENCE IN THE FIELD OF INTELLIGENT TECHNOLOGY IMPLEMENTATION**

The article discusses the prospects of using China's experience to accelerate the digital transformation of agriculture in the Republic of Belarus.

The analysis of the legislation of the Republic of Belarus in the field of digital development of the agro-industrial complex was carried out, a conclusion was made about the current state of electronic agriculture, the main problems hindering the activation of the introduction of intelligent technologies were identified, and the existing positive experience of agricultural digitalization projects was noted. Based on the successful experience of China, the main aspects of the digitalization of agriculture are highlighted.

Selected ways of introducing intelligent technologies in the Republic of Belarus in the short and long term are proposed based on the experience of developing digital agriculture in China.

Key words: digitalization; agriculture; agro-industrial complex; intelligent technologies; agricultural business; rural areas; cooperation; Internet.

Fig. 1. Ref.: 8 titles.

О. Г. Винник¹, Ван Цзяо²Учреждение образования «Гомельский государственный технический университет имени П. О. Сухого»,
пр-т Октября, 48, 246029 Гомель, Республика Беларусь, ¹+375 (29) 674 27 71, olgavinnik@mail.ru**ПУТИ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОГО СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ НА ОСНОВЕ ОПЫТА КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ В ОБЛАСТИ ВНЕДРЕНИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ**

В статье рассматриваются перспективы использования опыта Китайской Народной Республики для ускорения цифровой трансформации сельского хозяйства Республики Беларусь.

Проведен анализ законодательства Республики Беларусь в сфере цифрового развития агропромышленного комплекса, сделан вывод о текущем состоянии электронного сельского хозяйства, выявлены основные проблемы, препятствующие активизации внедрения интеллектуальных технологий, отмечен имеющийся положительный опыт проектов по цифровизации сельского хозяйства. Опираясь на успешный опыт Китая, отмечены основные аспекты цифровизации агропромышленного комплекса.

Предложены отдельные пути внедрения интеллектуальных технологий в Республике Беларусь в краткосрочной и долгосрочной перспективах на основе опыта развития цифрового сельского хозяйства Китайской Народной Республики.

Ключевые слова: цифровизация; сельское хозяйство; агропромышленный комплекс; интеллектуальные технологии; аграрный бизнес; сельские территории; сотрудничество; Интернет.

Рис. 1. Библиогр.: 8 назв.

Introduction. The introduction of innovative technologies is a modern trend in the development of agriculture worldwide. This makes it possible to increase the efficiency of business processes, manage resources, and reduce production and sales costs. Given that agriculture is the basis of food security in any country, and its efficiency is often very low, special attention should be paid to the digitalization of agriculture. The importance of introducing intelligent technologies is also reinforced by the need for agriculture to adapt to gradual but constant climate change, as well as to achieve sustainable development goals.

Materials and methods of research. The methodological basis of the research was based on theoretical methods: system analysis, synthesis, structuring. Within the framework of this study, an analysis of the current legislation of the Republic of Belarus in the field of digital development of the agro-industrial complex, as well as an analysis of China's experience in the field of digital economy development and the introduction of intelligent technologies was carried out.

The results of the study and their discussion. According to [1], currently Belarus does not adhere to a systematic approach to the development of a national strategy for electronic agriculture and is just beginning work in this direction. The agro-industrial complex of Belarus lags behind the leading world powers in the development of highly intelligent technologies and needs to increase investments and improve its technical level. Since the state of the agro-industrial complex of the Republic of Belarus, as well as the national economy as a whole, is characterized by an extremely low level of digitalization, the authors identified the main problems that hinder the activation of the introduction of intelligent technologies should be noted.:

1. *Insufficient funding.* Projects in the field of intelligent agriculture require large investments. Insufficient funds for the development and implementation of expensive information and communication technologies are associated with a shortage (and often lack of) own financial resources from agricultural and processing organizations, and lack of government assistance due to the limited state budget;

2. *Low investment attractiveness of the agricultural and industrial complex,* especially agriculture: agricultural organizations cannot provide high income and profitability. This means that the introduction of intelligent technologies is not economically efficient due to the high costs of their acquisition and implementation and the disproportionately small increase in income.;

3. *An incomplete system of regulatory and legal regulation in the field of information technology;*

4. *Production management “the old-fashioned way”.* The use of modern approaches to managing business processes of enterprises would make it possible to clearly define control points and parameters, regulate the scheme of production processes, and establish areas of responsibility for accurate monitoring and management of business processes.;

5. *Lack of specialists and sufficient experience in the development and implementation of appropriate software.* However, special attention is currently being paid to the development of the IT industry, so the training of appropriately qualified personnel is possible, you just need to learn from the experience of other countries in using suitable technologies.;

6. *The low level of development of agricultural technologies and insufficient Internet coverage in rural areas,* which severely limits the possibilities of using modern information technologies.

Currently, the Republic of Belarus has a State program “Agrarian Business” for the current five-year period — 2021—2025, the implementation of which will contribute, among other things, to the digitalization of the agro-industrial complex, aimed at the introduction of innovative technologies, as well as the formation and appropriate infrastructure development. The program also outlines the main directions for the implementation of measures for the integrated “project of the future” implantation — the Precision Agriculture: the creation of a unified digital map of arable land; equipping existing agricultural machinery with precision farming elements and purchasing new ones; introducing the necessary software and computing equipment [2].

In May 2024, the Council for Digital Development Projects under the Ministry of Communications and Informatization of the Republic of Belarus decided to implement the event “Creation of the Digital Platform for Precision Agriculture Information and Analytical system (first stage)”, which clarified the main directions for the implementation of the action system [3].

In addition, the State Program “Digital Development of Belarus” for 2021—2025 provides for the development of digital economy tools in various sectors of the national economy, providing for the use of advanced technologies in production and foreign economic activity, the formation of necessary conditions for maintaining and increasing the competitiveness of Belarusian enterprises on the world market [4].

In accordance with the State Program of Innovative Development of the Republic of Belarus for 2021—2025 [5], projects will be carried out within the framework of the Agroindustrial and Food Technologies direction to create precision farming complexes; introduce robotic systems and form a disease monitoring system in animal husbandry; and organize high-tech full-cycle agro-industrial production.

Thus, the government has clarified the implementation direction of precision agriculture projects, including the creation of a unified digital map of cultivated land, the provision of precision agriculture equipment, and the introduction of relevant software and computer technology. These measures will provide legal and technical support for agricultural digitalization.

It should be noted that a number of smart technology implementation projects are currently being successfully implemented in Belarus, among which are:

1. The Voskhod State Enterprise of the Office of the President of the Republic of Belarus has implemented a digitalization project based on elements of Agriculture 4.0, including a GPS monitoring system that analyzes the efficiency of using vehicles, a digital precision farming platform “Field History” and the M-Complex system for precision animal husbandry [6].

2. Many agricultural enterprises have implemented some elements of a precision farming system, for example, the use of equipment equipped with elements of a precision farming system: yield monitoring, autopilots, fertilization in crop production; animal feeding and milking cows, climate control in animal husbandry.

3. Blockchain-based traceability systems are being implemented. This is a mechanism that allows you to track products using unique identifiers throughout the entire production and logistics process — from the start of production to sale to the end user [7].

According to the authors, that the degree of these agricultural digitalization projects implementation is extremely low and doesn't allow us to characterize the agricultural and industrial complex of the Republic of Belarus as high-tech and corresponding to leading countries in the field of digitalization.

China has significant experience in the field of digital agriculture. This knowledge and technology can be applied to stimulate the development of intelligent technologies in the agro-industrial sector of the Republic of Belarus. Using the Chinese experience will accelerate the introduction of innovations and increase the agricultural production efficiency in Belarus.

Drawing on China's successful experience in digital rural construction and smart agriculture, it is recommended to start from five aspects [8—11]:

- strengthening rural digital infrastructure construction;
- improving agricultural science and technology;
- promoting Internet popularization;
- cultivating digital talents;
- promoting the application of information technology.

The analysis of the main problems hindering the activation of the intelligent technologies introduction in Belarus and the experience of Chinese experts in the field of intelligent agriculture allowed the authors to formulate the main ways of developing digital agriculture in the Republic of Belarus (Figure 1):

1. International cooperation that promotes the introduction of modern technologies and capacity building:

1.1. The transfer of China's modern solutions in the digital agriculture field can be implemented:

– Using the example of South-South cooperation under the Belt and Road initiative: intelligent irrigation systems and “Beidou” agricultural navigation equipment, and the cost of trial and error is reduced through localized technology adaptation;

– Participation in the EU's Digital Europe program in order to gain experience and, possibly, financial support in developing standards for intelligent agriculture.

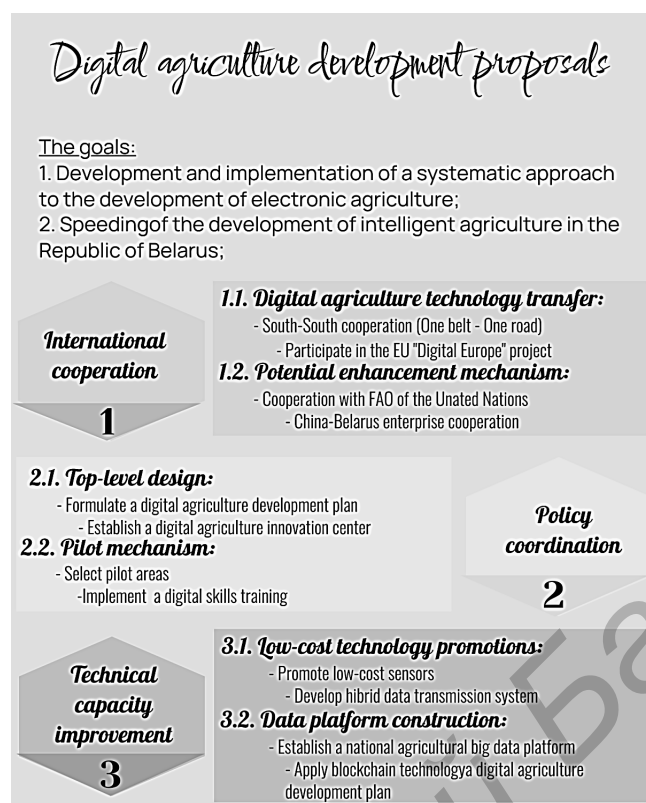

Figure 1. — The main ways of digital agriculture development in the Republic of Belarus

1.2. The capacity building mechanism will be implemented by:

– Collaboration with the Food and Agriculture Organization of the United Nations (FAO) to create an “Eastern European Center for Digital Agriculture” for technical training and knowledge exchange;

– Promote the participation of Chinese and Belarusian corporate consortia in digital agriculture projects (such as expanding cooperation in agricultural science and technology in the Chinese-Belarusian Industrial Park) to create a dual circulation of technology and market.

2. Policy coordination: institutional safeguards and pilot innovations:

2.1. Top-level design:

– To develop a “Plan for the development of intelligent agriculture in Belarus” within the framework of the Agricultural Business program for the coming period, to clarify the ratio of the distribution of fiscal costs between central and local authorities (for example, the central government will bear 50 % of infrastructure investments) and create a special fund to support research and development in the field of digital agriculture;

– To create a “Digital Agriculture Innovation Center” and collaborate with universities and enterprises to introduce local technologies (such as intelligent greenhouse management systems that are resistant to cold).

2.2. The pilot mechanism:

– Select 3—5 major agricultural producing states to implement the Digital Agriculture Special Zone pilot project and provide supportive policies such as tax incentives, equipment subsidies, etc. to verify technical and economic feasibility. Resource focus strategy: within the framework of the Star model, priority will be given to supporting the digital transformation of large farms and agricultural cooperatives in order to create a demonstration effect and reduce marginal costs;

– Implement the Digital Skills Certificate training program and train farmers in skills such as smart equipment operation and data analysis.

3. Technology empowerment: low-cost data adaptation and integration:

3.1. Implementation of simple and affordable technical solutions:

– Promote low-cost sensors (such as equipment for monitoring soil moisture and meteorological conditions) and open source agricultural management software (SaaS) to lower the access threshold for small and medium-sized farmers;

– To develop a hybrid offline and online data transmission system that will allow areas with unstable networks to connect to data through offline collection and regular downloading.

3.2. Building a data platform:

– Create a national big agricultural data platform, integrate interagency data such as land, weather, market and logistics data, and provide government services such as pest and disease prevention and price fluctuation analysis;

– The introduction of blockchain technology ensures the reliability of agricultural traceability data and increases export competitiveness.

Planning for the digital agriculture development should be carried out on several levels. The phased implementation involves:

– *Short-term perspective (1–3 years)*: give priority attention to covering the main areas of agricultural production, use the hybrid network technology “optical fiber + satellite” to quickly fill in the blind spots of the network and at the same time create a basic geographical information database (for example, the Belarusian version of the “Map of agricultural land”).

– *Long-term perspective (more than 5 years)*: Promote deep integration of 5G and agricultural scenarios and focus on supporting the deployment of high-bandwidth, real-time applications such as intelligent agricultural machinery and environmental monitoring in areas where valuable crops (such as flax and potatoes) are being produced, blockchain technology, and data exchange.

Conclusions. With a global focus on environmental protection and sustainable development, intelligent agriculture will become a trend of future development. The support of the Belarusian government will provide reliable guarantees for the development of smart agriculture.

The conducted research allowed the authors to conclude that Belarus has taken important steps towards the digital transformation of agriculture, but the overall level of implementation, compared to China, is still in its infancy, facing multiple challenges such as insufficient funding, low investment attractiveness, an inadequate legal and regulatory system, a shortage of skilled personnel and a limited level of agricultural science and technology. Nonetheless, through the implementation of the National Programme “Agricultural Business” and the National Programme “Digital Development of Belarus”, Belarus has clearly defined the direction of digital development in key areas such as precision agriculture and blockchain traceability systems, and has achieved some initial results.

Drawing on China’s successful experience in digital agriculture, Belarus can further accelerate the digital transformation of agriculture. Specific measures include: strengthening international cooperation and technology transfer to introduce low-cost and high-efficiency digital agriculture technologies; establishing a training system for digital agriculture to cultivate local technical talents; improving the legal and regulatory system to ensure the standardisation of information technology application; promoting enterprise cooperation and technology sharing to reduce the cost of technology application; and gradually promoting mature digital agriculture models through pilot projects and demonstration areas.

In the future, Belarus should continue to deepen policy support, increase financial investment, optimise the structure of the agricultural industry, and enhance the intelligence of agricultural production. At the same time, through the phased implementation of the digital agriculture development plan, Belarus is expected to fill in the network blind spots and upgrade the level of agricultural infrastructure in the short term; and in the long term, it will promote the in-depth

integration of 5G technology with agricultural scenarios and realise the deployment of high-bandwidth real-time applications. Eventually, Belarus will gradually narrow the gap with leading countries in the field of digitalisation, improve the overall competitiveness of the agricultural industry and achieve the goal of sustainable agricultural development.

References

1. Status of Digital Agriculture in 18 countries of Europe and Central Asia. Published by International Telecommunication Union and Food and Agriculture Organization of the United Nations. — URL: [https://www.itu.int/en/ITU-D/Regional-Presence/Europe/Documents/Events/2020/Series%20of%20Webinars/20-00244_-_Status_digital_Agriculture-revFAOV4.0-MASTER-FILE-20-JUNE_REVIEW-FAO_PL_print%20\(002\).pdf](https://www.itu.int/en/ITU-D/Regional-Presence/Europe/Documents/Events/2020/Series%20of%20Webinars/20-00244_-_Status_digital_Agriculture-revFAOV4.0-MASTER-FILE-20-JUNE_REVIEW-FAO_PL_print%20(002).pdf) (date of access: 19.01.2025).
2. Государственная программа «Аграрный бизнес» на 2021—2025 годы // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C22100059> (дата обращения: 21.01.2025).
3. Советом по проектам в сфере цифрового развития согласованы подходы к реализации «проекта будущего» «Точное земледелие» // Министерство сельского хозяйства и продовольствия Республики Беларусь. — URL: [https://mshp.gov.by/printv/ru/news-ru/view/sovetom-9406-2024_\(дата_обращения:_21.01.2025\)](https://mshp.gov.by/printv/ru/news-ru/view/sovetom-9406-2024_(дата_обращения:_21.01.2025)).
4. Государственная программа «Цифровое развитие Беларуси» на 2021—2025 годы // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C22100066> (дата обращения: 19.01.2025).
5. Государственная программа инновационного развития Республики Беларусь на 2021—2025 годы // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P32100348> (дата обращения: 20.01.2025).
6. Цифровизация в АПК на примере ГП «Восход» // Продукт БУ 12.08.2024. — URL: <https://produkt.by/-storys/tekhnologii/innovacii/cifrovizaciya-v-ark-na-primere-gp-voskhod> (дата обращения: 22.01.2025).
7. Прослеживаемость товаров: проверьте, все ли созданные электронные накладные попали в ПК СПТ. — URL: <https://voblake.by/about.html/articles/proslezhivaemost-tovarov-proverte-vse-li-sozdannye-elektronnyie-nakladnye-popali-v-pk-spt.html> (дата обращения: 19.01.2025).
8. Five departments issued a document to clarify! By 2025, the Internet penetration rate in rural areas will exceed 60% // The Paper Government Affairs. — URL: https://www.thepaper.cn/newsDetail_forward_17787738 (date of access: 09.01.2025).
9. Ministry of Agriculture and Rural Affairs of the People's Republic of China [website]. — URL: <https://english.moa.gov.cn> (date of access: 11.01.2025).
10. Wang, Feng. Opinions of the Central Committee of the Communist Party of China and the State Council on Doing a Good Job of Comprehensively Promoting the Key Work of Rural Revitalisation in 2023 / FAOLEX Database : [website]. — URL: <https://www.fao.org/faolex/results/details/en/c/LEX-FAOC221130> (date of access: 11.01.2025).
11. Zhang, Delong. Research on countermeasures of promoting sustainable agricultural development with low-carbon agricultural technology // Journal of Guangxi Open University. — 2024. — 35 (6): 90-93. — URL: https://www.moa.gov.cn/xw/zwdt/202411/t20241129_6467246.htm (date of access: 15.01.2025).

Received by editorial staff 29.10.2025.

УДК 338.242

С. А. Касперович¹, кандидат экономических наук, доцент,
Н. А. Мацукевич²

Учреждение образования «Брестский государственный технический университет»,
ул. Московская, 267, 224017 Брест, Республика Беларусь, ¹sergeak@mail.ru, ²pnabrest@gmail.com

ФОРМИРОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНВЕСТИЦИОННОЙ СТРАТЕГИИ В КОНТЕКСТЕ УПРАВЛЕНИЯ ИНВЕСТИЦИОННОЙ АКТИВНОСТЬЮ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

В статье раскрыты методические аспекты формирования и реализации инвестиционной стратегии на региональном уровне в контексте управления региональной инвестиционной активностью. Структурированы этапы формирования инвестиционной стратегии региона в рамках управленческого процесса. С позиции регулирования инвестиционной активности региона детерминированы типовые отраслевые и микрорегиональные точки реализации инвестиционной стратегии в разрезе перечня конкретных направлений ее внедрения. Полученные в исследовании результаты выступают современным организационно-экономическим инструментом для выполнения функций регулирования и планирования в процессе управления инвестиционной активностью региона и предназначены для использования региональными органами государственного управления при формировании и реализации региональной инвестиционной политики. Проведена апробация разработанного инструментария на примере Брестской области, детерминированы перспективная стратегия развития инвестиционной активности региона и возможные направления ее реализации с приоритетными отраслевыми и микрорегиональными точками вложения инвестиций.

Ключевые слова: региональная инвестиционная стратегия; инвестиционная активность региона; направления реализации стратегии; отраслевые точки реализации стратегии; микрорегиональные точки реализации стратегии.

Рис. 1. Табл. 2. Библиогр.: 24 назв.

S. A. Kasperovich¹, PhD in Economics, Associate Professor,
N. A. Matsukevich²

Institution of Education “Brest State Technical University”,
267 Moskovskaya Str., 224017 Brest, the Republic of Belarus, ¹sergeak@mail.ru, ²pnabrest@gmail.com

FORMATION OF A REGIONAL INVESTMENT STRATEGY IN THE CONTEXT OF INVESTMENT ACTIVITY MANAGEMENT AT THE REGIONAL LEVEL

The article reveals the methodological aspects of the formation and implementation of an investment strategy at the regional level in the context of managing regional investment activity. The stages of the formation of a regional investment strategy within the framework of the management process are structured. From the perspective of regulating the investment activity of a region, typical sectoral and microregional points of the implementation of an investment strategy are determined in terms of a list of specific areas of its implementation. The results obtained in the study serve as a modern organizational and economic tool for performing the functions of regulation and planning in the process of managing the investment activity of a region and are intended for use by regional public administration bodies in the formation and implementation of regional investment policy. The developed tools were tested on the example of the Brest Region, and a promising investment development strategy in the region and possible directions for its implementation with priority sectoral and micro-regional investment points were determined.

Key words: regional investment strategy; regional investment activity; strategy implementation areas; sectoral strategy implementation points; microregional strategy implementation points.

Fig. 1. Table 2. Ref.: 24 titles.

Введение. Одной из функций управления инвестиционной активностью на региональном уровне является стратегическое планирование [1], ориентированное на формирование перспективных целей управленческой деятельности и разработку мер по повышению (либо поддержанию определенного уровня) инвестиционной активности в условиях дина-

мично изменяющейся среды. Стратегическое планирование неразрывно связано с реализацией государственной и региональной инвестиционных политик, являющихся составной частью общей экономической политики страны и региона соответственно, и включает в себя разработку:

- общей стратегии развития региона;
- функциональных стратегий, прежде всего, инвестиционной, определяющей инвестиционный потенциал региона и формирующейся, исходя из совокупности детерминантов ее развития (главной стратегии развития, инновационной восприимчивости и конкурентных преимуществ региона; взаимодействия между участниками инвестиционного рынка; аккумулированного, в том числе кредитного, потенциала субъектов хозяйствования и их финансового состояния; кредитного потенциала банков; использования иностранных инвестиций; инфраструктуры рынка; инвестиционной инфраструктуры; видов и уровня риска) [1].

Региональные инвестиционные стратегии разрабатываются в тесной увязке с соответствующими стратегиями экономического развития региона и обеспечивают их финансово-инвестиционную составляющую. Субъектами — разработчиками инвестиционной стратегии регионального уровня в Республике Беларусь являются региональные органы исполнительной власти, местного управления и самоуправления. Субъектами, ее реализующими, наряду с органами власти, выступают субъекты хозяйствования региона, общественные организации [1].

Инвестиционные стратегии изучаются в зарубежной и отечественной научной литературе преимущественно с позиции применения их как инструмента: а) управления инвестиционными процессами [2; 3] и инвестиционной деятельностью [4; 5] на микро-, мезо- и макроуровнях; б) управления инвестиционной привлекательностью [6] и создания благоприятной инвестиционной среды (инвестиционного климата) на мезо- и макроуровнях [7—9]. В работах Т. А. Вороновой [10], А. В. Полянина [11], А. С. Старостина [12], А. Г. Третьякова [13] исследовано применение инвестиционной стратегии как инструмента стимулирования инвестиционной активности региона во взаимосвязи с его экономическим ростом. Несмотря на наличие ряда работ и отмечающуюся дифференциацию методологических подходов к выработке инвестиционных стратегий региона в разрезе целевых установок и объектов регулирования, недостаточно проработанным остается вопрос формирования механизмов регулирования инвестиционной активности (повышение либо поддержание ее определенного уровня) на региональном уровне на основе выработки соответствующей инвестиционной стратегии в рамках региональной политики. Учитывая изложенное, целью проводимого в статье исследования явилось развитие методических аспектов формирования и реализации региональной инвестиционной стратегии как инструмента управления инвестиционной активностью на мезоуровне, используемого для осуществления функций стратегического планирования и регулирования инвестиционной активности в регионах Республики Беларусь.

Методология и методы исследования. Методология исследования базируется на анализе трудов зарубежных и отечественных ученых в области реализации региональной инвестиционной политики и стратегического планирования, управления инвестиционной активностью на региональном уровне.

Исследование проведено на основе официальных информационных источников информационно-правового портала *ilex.by*, сайтов Министерства экономики Республики Беларусь, Национального статистического комитета Республики Беларусь и территориальных органов государственной статистики, региональных органов государственного управления, материалов наукометрической базы *Cyberleninka*, электронной библиотеки диссертаций *disserCat*. Применен системный подход, общелогические (анализ, синтез, сравнение, обобщение, абстрагирование) методы научного исследования, методы стратегического и отраслевого анализа.

Результаты исследования и их обсуждение. Региональная инвестиционная политика, являясь частью региональной экономической политики, ориентирована на обеспечение развития инвестиционной активности региона [14] и представляет собой целевые действия органов региональной и местной власти, направленные на: а) сбалансирование условий и результатов вложения инвестиций в целях повышения эффективности воспроизводственного процесса; б) повышение (либо поддержание определенного уровня) инвестиционной активности и инвестиционной привлекательности региона посредством реализации государственной инвестиционной политики в интересах местного сообщества.

Региональная инвестиционная стратегия формирует целевые ориентиры развития инвестиционной деятельности региона с позиции повышения (либо поддержания определенного уровня) его инвестиционной активности.

К элементам стратегии относятся: 1) постановка долговременных целей и задач, обоснование принципов и приоритетов государственного регулирования инвестиций; 2) определение основных источников и резервов долговременных вложений; 3) обоснование направлений и способов использования инвестиций.

Согласно применяемому в управлении способу выбора стратегий, методу анализа стратегической позиции и оценки деятельности SPACE [15], в работе [1]:

а) идентифицированы инвестиционные стратегии, определяющие развитие региона и формирующиеся, исходя из динамики факторов его внутренней (инвестиционного потенциала) и внешней сред, этапа жизненного цикла развития экономики региона. Так, в зависимости от этапов жизненного цикла развития экономики региона выделены инвестиционные стратегии роста, ограниченного роста и сокращения, а с учетом целевых установок развития региона и типа конкурентной борьбы — консервативная, агрессивная, оборонительная и конкурентная стратегии [1], предлагаемые к применению для регулирования инвестиционной активности на региональном уровне.

Выбор конкретной перспективной стратегии региона формируется, исходя из проводимой им научно-технической политики и имеющегося инвестиционного потенциала, этапа жизненного цикла региональной экономики;

б) определены возможные типовые направления повышения (либо поддержания определенного уровня) инвестиционной активности региона [специализация; горизонтальная (внедрение в новые отрасли), концентрическая (производственная), непроизводственная диверсификация; концентрация; дифференциация; дивести́рование; интеграция; реструктуризация; ликвидация], реализуемые в рамках конкретной стратегии.

Динамичность и неопределенность экономической ситуации, обусловленные ограниченностью межстранового движения капитала и внутренних инвестиционных ресурсов, изменчивостью конъюнктуры, создают необходимость разработки одновременно нескольких направлений реализации инвестиционной стратегии, способствующих наращиванию инвестиционного потенциала региона и повышению (либо поддержанию определенного уровня) инвестиционной активности.

Механизм реализации конкретной региональной инвестиционной стратегии в рамках определенного направления включает:

а) установление конкретных объектов управления и целей трансформации состояния или деятельности этих объектов, согласование целей с интересами субъектов региональной инвестиционной системы;

б) выявление факторов управления, на которые необходимо оказывать воздействие;

в) выбор методов воздействия на факторы управления (прямые и косвенные);

г) определение совокупности необходимых ресурсов управления, посредством которых организуется управленческое воздействие на состояние соответствующих факторов управления.

В процессе проработки направления реализации стратегии для региона разрабатывается блок инвестиционных приоритетов, ориентированных на: а) развитие «отстающих» факторов инвестиционного потенциала; б) снижение уровня рисков; в) поддержку отраслей спе-

циализации региона; г) диверсификацию структуры хозяйства региона в целях снижения зависимости от состояния доминирующих отрасли и микрорегиона.

Реализация конкретной стратегии базируется на: выделении стратегических зон инвестирования (например, объекты региональной инфраструктуры); обосновании и стимулировании образования региональных кластеров (сконцентрированная на некоторой территории группа взаимосвязанных предприятий и организаций, взаимодополняющих друг друга и усиливающих их конкурентные преимущества в отдельности и кластера в целом, в том числе путем формирования устойчивых кооперационных цепочек); идентификации наиболее благоприятных мест для достижения региональных и национальных экономических целей (полюса, центры, точки, области, локомотивы или ядра роста) — генераторов экономического роста (отрасли, подотрасли, микрзоны и отдельные предприятия, реализующие стратегически значимые в масштабе региона инвестиционные проекты и программы, способные оказать стимулирующее влияние на развитие смежных с ними территорий); учете депрессивных зон («отстающих» регионов).

Обязательным элементом региональной инвестиционной стратегии является ресурсная конкретизация, т. е. детальное описание источников инвестиционных ресурсов (необходимых для реализации региональных инвестиционных программ), условий их привлечения и использования (сроки, стоимость и др.).

Возможности реализации инвестиционной стратегии региона предопределяются величиной финансовых ресурсов, которые формируются в ходе реализации стратегии под воздействием ряда факторов: а) уровень нормы накопления и сбережения, доступные для инвестирования в регионе; б) имеющийся механизм стимулирования инвестиций и сбережений; в) процессы трансформации денежных сбережений в инвестиции; г) оптимизация источников финансирования инвестиций; д) состояние внешней среды.

Критериями оценки стратегии, направленной на повышение инвестиционной активности региона, является ее социальная, экономическая, бюджетная эффективность, экологическая безопасность, возможное развитие поддерживающей инфраструктуры региона, а также уровень риска, связанный с ней.

Реализация конкретной инвестиционной стратегии в рамках управления инвестиционной активностью позволяет решить следующие задачи социально-экономического развития региона:

- обеспечение экономического роста и социально-экономического развития региона;
- формирование оптимальной территориальной и отраслевой структуры экономики;
- развитие производственного потенциала;
- выравнивание межрайонных различий по показателям экономического, социального и научно-технического развития;
- эффективное использование природных, материальных и трудовых ресурсов региона;
- охрана окружающей среды;
- сохранение исторического наследия, укрепление культурного потенциала и др.

Таким образом, инвестиционная стратегия региона предопределяет долговременный курс его развития, направленный на комплексное решение крупномасштабных мезоэкономических задач, закрепляется в Республике Беларусь в программах социально-экономического развития региона [16; 17], его микрорегионов (АТЕ — районов, городов областного подчинения), в отраслевых программах развития, государственных программах на среднесрочную перспективу, ежегодных государственной и региональных (мезо- и микрорегионального уровня) инвестиционных программах, ежегодных планах развития регионов.

Следует отметить, что региональная инвестиционная стратегия индивидуальна в разрезе областей и г. Минска и неоднородная в республиканском аспекте, что обусловлено существенными региональными различиями в обеспеченности ресурсами, структуре хозяйства, достигнутом уровне развития различных сфер экономики, инвестиционной активности.

В ходе исследования структурированы основные этапы и комплекс действий по формированию и реализации инвестиционной стратегии на региональном уровне, ориентированной на регулирование региональной инвестиционной активности:

– 1-й этап — ретроспективный анализ тенденций развития инвестиционных процессов региона и оценка уровня его инвестиционной активности с выявлением направлений ее регулирования (повышение либо поддержание определенного уровня инвестиционной активности);

– 2-й этап — диагностика слабых и сильных сторон, возможностей и угроз развития инвестиционной активности региона на основе SWOT-анализа, исследование влияния факторов внутренней (инвестиционного потенциала) и внешней сред;

– 3-й этап — оценка стратегической позиции развития инвестиционной активности региона методом SPACE, определение приемлемого типа перспективной инвестиционной стратегии региона (консервативной, агрессивной, оборонительной, конкурентной);

– 4-й этап — анализ стратегических альтернатив и выбор приоритетного направления реализации перспективной инвестиционной стратегии региона, исходя из типовых направлений реализации стратегии, выработанных в работе [1];

– 5-й этап — определение отраслевых и микрорегиональных точек реализации конкретного приоритетного направления перспективной инвестиционной стратегии региона с точки зрения повышения (либо поддержания определенного уровня) его инвестиционной активности.

В исследовании на основе результатов оценки инвестиционной специализации региона [18], эффективности и масштабности его инвестиционной деятельности [19] детерминированы типовые точки реализации инвестиционной стратегии, представляющие собой приоритетные отрасли и микрорегионы для осуществления инвестиций, систематизированные в таблице 1.

Определение приоритетных отраслей и микрорегионов для инвестирования целесообразно для фокусирования инвестиционных ресурсов с позиции регулирования инвестиционной активности региона и предоставления льгот и преференций на реализацию инвестиций в определенных точках, приносящих максимальный мультипликационный эффект;

– 6-й этап — отбор конкретных объектов для инвестирования и инвестиционных проектов, обеспечивающих имплементацию выбранного приоритетного направления реализации инвестиционной стратегии, формирование портфеля инвестиционных ресурсов для их финансирования;

– 7-й этап — внедрение инвестиционной стратегии и мониторинг ее реализации в рамках мониторинга инвестиционной активности региона.

Практическая апробация предложенных в исследовании методических аспектов по формированию инвестиционной стратегии региона проведена на примере Брестской области. В ходе анализа текущей инвестиционной активности региона (таблица 2) и динамики его инвестиционных процессов [20] выявлена необходимость регулирования региональной инвестиционной активности на основе повышения ее уровня.

Следует отметить, что текущий инвестиционный портфель области включает проекты, реализуемые в рамках государственной и областной инвестиционных программ, государственных программ, ежегодного плана развития области, в том числе производственные проекты и проекты, реализуемые по принципу «один район — один проект», в рамках инвестиционных договоров (специальных, отдельных), интеграционные, преференциальные проекты, проекты региональной научно-технической программы и др. [17].

Т а б л и ц а 1. — Типовые отраслевые и микрорегиональные точки реализации инвестиционной стратегии региона

Направление реализации	Отраслевые точки реализации (приоритетные виды экономической деятельности для инвестирования)	Микрорегиональные точки реализации
Специализация	Отрасли текущей и перспективной инвестиционной специализации (I—IV уровни, отрасли с потенциалом инвестиционной специализации) [18], являющиеся «критическими» и «пассивными» отраслями карты специализации региона [18] (далее — карта специализации)	Уровни воздействия: задача — повышение уровня инвестиционной активности в микрорегионах (административно-территориальных единицах — АТЕ); I уровень — АТЕ группы 3 «низкая интенсивность» — низкая масштабность» матрицы распределения АТЕ
Горизонтальная диверсификация (внедрение в новые отрасли)	Отрасли перспективной инвестиционной специализации (I—IV уровни, отрасли с потенциалом инвестиционной специализации (текущей и перспективной специализации)) [18], «ленивые» отрасли карты специализации, не являющиеся отраслями инвестиционной специализации	в зависимости от интенсивности и масштабности их инвестиционной деятельности [19] (далее — матрица). Направления воздействия: – диверсификация направлений инвестирования; – значительное наращивание объемов
Концентрическая (производственная) диверсификация	Отрасли текущей и перспективной инвестиционной специализации (I—IV уровни, отрасли с потенциалом инвестиционной специализации) [18], «пассивные» отрасли карты специализации, не являющиеся отраслями текущей и перспективной инвестиционной специализации	и интенсивности привлекаемых инвестиций в АТЕ; II уровень — АТЕ группы 1 «высокая интенсивность» — низкая масштабность» матрицы. Направления воздействия: – реализация крупных знаковых для региона инвестиционных проектов; – привлечение объемных инвестиций в приоритетных отраслях;
Непроизводственная диверсификация	Отрасли текущей и перспективной инвестиционной специализации (I—IV уровни, отрасли с потенциалом инвестиционной специализации) [18], являющиеся «пассивными», «критическими» и «ленивыми» отраслями карты специализации	III уровень — АТЕ группы 4 «низкая интенсивность» — высокая масштабность» матрицы
Концентрация	Отрасли текущей и перспективной инвестиционной специализации (I и II уровня) [18], являющиеся «критическими» и «пассивными» отраслями карты специализации	
Дифференциация	I уровень воздействия — отрасли текущей и перспективной инвестиционной специализации (I—IV уровни, отрасли с потенциалом инвестиционной специализации) [18], являющиеся «ленивыми» и «активными» отраслями карты специализации; II уровень воздействия — «активные» отрасли и «ленивые» отрасли карты специализации, не являющиеся отраслями текущей и перспективной инвестиционной специализации (I—IV уровни, отрасли с потенциалом инвестиционной специализации) [18]	

Окончание табл. 1

Направления реализации	Отраслевые точки реализации (приоритетные виды экономической деятельности для инвестирования)	Микрорегиональные точки реализации
Дивестирование	Неперспективные с позиции производственной специализации «активные» отрасли и с позиции производственной и инвестиционной специализации «ленивые» отрасли карты специализации, не являющиеся отраслями текущей и перспективной инвестиционной специализации (I—IV уровни, отрасли с потенциалом инвестиционной специализации) [18]	Направление воздействия: диверсификация направлений инвестиционных вложений с увеличением количества реализуемых инвестиционных проектов.
Интеграция	Все группы отраслей («активные», «критические», «пассивные», «ленивые») карты специализации (включая отрасли инвестиционной текущей и перспективной инвестиционной специализации (I—IV уровни, отрасли с потенциалом инвестиционной специализации) [18]), за исключением перспективных с позиции производственной и инвестиционной специализаций «ленивых» отраслей карты специализации	Задача — поддержание достигнутого уровня инвестиционной активности в АТЕ; IV уровень — АТЕ группы 2 «высокая интенсивность» — высокая масштабность» матрицы.
Реструктуризация	Перспективные с позиции производственной и инвестиционной специализации «ленивые» отрасли карты специализации, являющиеся перспективными отраслями специализации (I—IV уровни, отрасли с потенциалом инвестиционной специализации) [18], «пассивные» отрасли карты специализации, не являющиеся отраслями перспективной инвестиционной специализации (I—IV уровни, отрасли с потенциалом инвестиционной специализации) [18]	Направление воздействия: привлечение инвестиций в приоритетных отраслях
Ликвидация	Неперспективные с позиции производственной и инвестиционной специализации «ленивые» отрасли карты специализации, не являющиеся отраслями текущей и перспективной инвестиционной специализации (I—IV уровни, отрасли с потенциалом инвестиционной специализации) [18]	

Примечание — Источник: собственная разработка на основе [18; 19].

Т а б л и ц а 2. — Оценка инвестиционной активности Брестской области за 2015—2023 годы

Показатель	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	Средний уровень за 2021—2023 годы
Индекс инвестиционной активности	0,84	0,85	1,31	1,30	1,15	1,06	1,19	1,09	1,42	1,22
Качественная оценка	Низкая		Выше средней		Средняя			Выше средней		
Направление регулирования инвестиционной активности	Повышение уровня инвестиционной активности									

Примечание — Источник: собственная разработка на основе [22].

Инвестиции направляются на модернизацию и обновление основных средств, создание новых производств, а также техническое переоснащение существующих с учетом сложившейся отраслевой производственной и инвестиционной специализации области [20; 21]. В настоящее время ключевыми направлениями привлечения инвесторов в Брестской области является создание новых производств: 1) в каждом микрорегионе области; 2) на условиях ведения бизнеса в свободной экономической зоне «Брест»; 3) в городах и районах с численностью населения 80 тыс. человек и более (Пинск, Барановичи); 4) в районах, отстающих по уровню социально-экономического развития (Ганцевичский, Дрогичинский, Малоритский и Столинский районы); 5) на территориях средних, малых городских поселений, сельской местности; 6) в научно-технологическом парке [17].

Базируясь на результатах анализа социально-экономического развития региона и его инвестиционных процессов [20], SWOT-анализа его инвестиционной деятельности, факторов среды и оценки стратегической позиции развития инвестиционной активности региона методом SPACE, реализованной профессионально-логическим путем, в качестве перспективной инвестиционной стратегии Брестской области определена конкурентная стратегия (рисунок 1). На основе таблицы 1 и результатов оценки инвестиционной специализации региона [18] идентифицированы следующие возможные направления ее реализации [1] в отраслевом аспекте:

– специализация — сельское, лесное и рыбное хозяйство; горнодобывающая промышленность; транспортная деятельность, складирование, почтовая и курьерская деятельность; операции с недвижимым имуществом; образование; здравоохранение и социальные услуги;

Рисунок 1. — Стратегическая позиция развития инвестиционной активности Брестской области

Примечание — Источник: собственная разработка.

– горизонтальная диверсификация (внедрение в новые отрасли) — здравоохранение и социальные услуги; горнодобывающая промышленность; водоснабжение; сбор, обработка и удаление отходов, деятельность по ликвидации загрязнений; строительство; операции с недвижимым имуществом; образование; снабжение электроэнергией, газом, паром, горячей водой и кондиционированным воздухом; транспортная деятельность, складирование, почтовая и курьерская деятельность; творчество, спорт, развлечения и отдых; обрабатывающая промышленность (подсекции, не привлекавшие внимание инвестора ранее); оптовая и розничная торговля; ремонт автомобилей и мотоциклов; услуги по временному проживанию и питанию; финансовая и страховая деятельность; профессиональная, научная и техническая деятельность; предоставление прочих видов услуг;

– концентрическая (производственная) диверсификация — сельское, лесное и рыбное хозяйство; здравоохранение и социальные услуги; деятельность в сфере административных и вспомогательных услуг; информация и связь; горнодобывающая промышленность; водоснабжение; сбор, обработка и удаление отходов, деятельность по ликвидации загрязнений; операции с недвижимым имуществом; образование; снабжение электроэнергией, газом, паром, горячей водой и кондиционированным воздухом; строительство; транспортная деятельность, складирование, почтовая и курьерская деятельность; творчество, спорт, развлечения и отдых, государственное управление;

– непроизводственная диверсификация — сельское, лесное и рыбное хозяйство; горнодобывающая промышленность; водоснабжение; сбор, обработка и удаление отходов, деятельность по ликвидации загрязнений; снабжение электроэнергией, газом, паром, горячей водой и кондиционированным воздухом; строительство; транспортная деятельность, складирование, почтовая и курьерская деятельность; операции с недвижимым имуществом; образование; здравоохранение и социальные услуги; творчество, спорт, развлечения и отдых;

– концентрация — сельское, лесное и рыбное хозяйство; горнодобывающая промышленность; операции с недвижимым имуществом; здравоохранение и социальные услуги;

– дифференциация — I уровень воздействия: информация и связь; деятельность в сфере административных и вспомогательных услуг; водоснабжение; сбор, обработка и удаление отходов; снабжение электроэнергией, газом, паром, горячей водой и кондиционированным воздухом; II уровень воздействия: строительство; творчество, спорт, развлечения и отдых; обрабатывающая промышленность; оптовая и розничная торговля; ремонт автомобилей и мотоциклов; услуги по временному проживанию и питанию; финансовая и страховая деятельность; профессиональная, научная и техническая деятельность; предоставление прочих видов услуг.

С учетом межрегионального распределения инвестиций и группировки микрорегионов (АТЕ) в рамках матриц их распределения в зависимости от интенсивности и масштабности их инвестиционной деятельности в статическом [19] и динамическом аспектах детерминированы точки реализации стратегии Брестской области в микрорегиональном аспекте, представленные несколькими уровнями воздействия:

– I уровень (группа 3 «низкая интенсивность — низкая масштабность») — Ганцевичский, Ляховичский и Пинский районы. В данных микрорегионах целесообразно повышение инвестиционной активности за счет диверсификации направлений инвестирования и значительного наращивания объемов и интенсивности привлекаемых инвестиций;

– II уровень (группа 1 «высокая интенсивность — низкая масштабность») — города Брест и Барановичи, Ивановский, Кобринский, Пружанский районы. Для указанных микрорегионов целесообразно повышение инвестиционной активности на основе реализации крупных знаковых для области инвестиционных проектов и привлечения объемных инвестиций в приоритетных отраслях;

– III уровень (группа 2 «высокая интенсивность — высокая масштабность») — остальные микрорегионы Брестской области, для которых целесообразно поддержание достигнутого уровня инвестиционной активности за счет привлечения инвестиций в приоритетных отраслях.

Следует отметить, что при выработке решения о концентрации инвестиций на микро-региональном уровне необходимо учитывать:

- принцип Парето — 20 % регионов области обеспечивают 80 % объема ее инвестиций [23];
- теорию М. Портера, проявляющуюся в системном эффекте: при формировании инвестиционной активности области самый слабый элемент экономического пространства (микро-регион) оказывает существенное влияние на состояние инвестиционной деятельности и развитие области [24].

В условиях неустойчивой экономики и недостаточности инвестиционных средств важное значение для конкретного региона приобретает конкуренция за инвестиции между различными регионами. Капитал перетекает в соответствии с законами рынка из отстающих регионов в экономически сильные, ускоренно развивающиеся регионы с более привлекательным инвестиционным потенциалом. В связи с этим основной задачей в управлении инвестиционной активностью области выступает создание более привлекательного инвестиционного потенциала ее структурных единиц и снижение их дифференциации.

Аналогична ситуация и в отраслевом аспекте распределения инвестиций.

Выбор конкретного направления и точек реализации инвестиционной стратегии определяется как прямым экономическим эффектом, так и другими видами эффектов (социальный, экологический и др.), которые по некоторым направлениям инвестиционной деятельности (образование, здравоохранение, культура, спорт, туризм, экология) могут иметь решающее значение. При отборе конкретных инвестиционных проектов также учитывается показатель бюджетной эффективности — сопоставление ассигнований из бюджета и поступлений в него в результате реализации проекта.

Формирование портфеля инвестиционных ресурсов осуществляется для конкретного инвестиционного проекта с учетом их стоимости и отдачи, условий привлечения.

Заключение. Важным условием обеспечения устойчивого экономического развития региона и его инвестиционной активности является детальное планирование направленности вложения инвестиций с учетом их результативности, отдачи, отражающихся в росте производственного и инвестиционного потенциалов региона.

Как показывает текущее исследование и полученные в работах [1; 18] выводы, на инвестиционную активность региона оказывают значительное влияние специализация и имеющийся текущий инвестиционный потенциал в регионе, что необходимо учитывать в рамках стратегического планирования при формировании его инвестиционной стратегии и инвестиционного портфеля.

Полученные в статье результаты: регламентация этапов формирования инвестиционной стратегии региона в контексте управления его инвестиционной активностью, детерминация типовых отраслевых и микрорегиональных точек реализации инвестиционной стратегии в зависимости от выбранного конкретного направления ее внедрения — являются современным организационно-экономическим инструментарием для реализации функций регулирования и планирования в рамках процесса управления инвестиционной активностью региона и предназначены для использования государственными органами управления на региональном уровне при формировании и реализации региональной инвестиционной политики. Предложенные в исследовании разработки позволили определить приоритетную с позиции регулирования инвестиционной активности инвестиционную стратегию для Брестской области и идентифицировать возможные направления ее реализации, приоритетные точки реализации стратегии в отраслевом и микрорегиональном аспектах, что, в свою очередь, предоставит возможность сфокусировать инвестиции в наиболее приоритетных отраслях и микрорегионах с учетом мультипликационного эффекта от инвестирования и влияния на развитие региональной инвестиционной активности.

Следует отметить, что регион, применяя прогрессивные инструменты управления развитием, в меньшей степени подвержен кризисным тенденциям и ориентирован на сбалансированное экономическое развитие.

Список цитируемых источников

1. Мацукевич, Н. А. Методологические аспекты управления инвестиционной активностью региона / Н. А. Мацукевич // Экономика и банки. — 2024. — № 2. — С. 65—75.
2. Головач, Э. П. Организационная надежность и устойчивость предприятий инвестиционно-строительного комплекса / Э. П. Головач. — М. : Фонд «Новое тысячелетие», 2001. — 249 с.
3. Самогородская, М. И. Управление инвестиционными процессами в регионе: механизмы совершенствования и развития : автореф. дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.05 / Самогородская Марина Игоревна ; Воронеж. гос. техн. ун-т. — Воронеж, 2005. — 44 с.
4. Ширяева, Н. В. Инвестиционные стратегии : учеб. пособие для студентов специальности 08010565 «Финансы и кредит» и направления 080100.62 «Экономика» / Н. В. Ширяева, А. В. Пострелова. — Ульяновск : УЛГТУ, 2012. — 138 с.
5. Шабурова, О. А. Государственное регулирование инвестиционных процессов на региональном уровне : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05 / Шабурова Ольга Анатольевна ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. — М., 2005. — 27 с.
6. Дзгоев, О. Ч. Региональная инвестиционная политика: формирование и реализация: на примере Республики Северная Осетия-Алания : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05 / Дзгоев Олег Черменович ; Рос. акад. наук. — СПб., 2003. — 19 с.
7. Бугаева, Т. Н. Стратегия инвестиционного развития государства и региона / Т. Н. Бугаева // Научный вестник: Финансы, банки, инвестиции. — 2016. — № 2. — С. 118—122.
8. Полятыкина, Е. В. Инвестиционная стратегия и ее роль в развитии региона / Е. В. Полятыкина // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. — 2017. — № 1 (19). — С. 286—297.
9. Каменская, М. В. Оценка внутрирегионального инвестиционного климата: теоретические и методические основы (на примере Кемеровской области) : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05 / Каменская Марина Викторовна ; ГОУ ВПО «Кемер. гос. ун-т». — Кемерово, 2006. — 27 с.
10. Воронова, Т. А. Инвестиционная активность в стратегии экономического роста (методологические аспекты) : автореф. дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.05 / Воронова Татьяна Андреевна ; Рос. экон. акад. им. Г. В. Плеханова. — М., 2004. — 40 с.
11. Полянин, А. В. Экономический рост региона (методологические подходы и механизмы его регулирования) : автореф. дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.05 / Полянин Андрей Витальевич ; ФГБОУ ВПО «Юго-Зап. гос. ун-т». — Курск, 2011. — 42 с.
12. Старостин, А. С. Пути повышения инвестиционной привлекательности региона: на примере Санкт-Петербурга : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05 / Старостин Алексей Сергеевич ; С.-Петерб. гос. ун-т экономики и финансов. — СПб., 2002. — 21 с.
13. Третьяков, А. Г. Управление инвестиционной активностью в регионе : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05 / Третьяков Александр Георгиевич ; Рос. акад. гос. службы при Президенте Рос. Федерации. — М., 2006. — 20 с.
14. Бурмистрова, Т. В. Формирование инвестиционной политики на разных уровнях управления / Т. В. Бурмистрова, Н. С. Резникова // Белорусский экономический журнал. — 2006. — № 1. — С. 117—128. — URL: <http://www.bseu.by:8080/bitstream/edoc/17877/1/Burmistrova%20T20Formirovanie%20invest.%20politiki.pdf> (дата обращения: 12.09.2025).
15. Головач, Э. П. Методы оценки и управление инвестиционной активностью строительных предприятий : монография / Э. П. Головач, Н. А. Мацукевич. — Брест : Изд-во БГТУ, 2006. — 160 с.
16. О государственном прогнозировании и государственном планировании : Закон Респ. Беларусь от 5 мая 1998 г. № 157-3 : в ред. от 12.07.2023 № 279-3 // iLex : информ. правовая система (дата обращения: 08.09.2025).
17. Министерство экономики Республики Беларусь : [сайт]. — URL: <https://economy.gov.by/ru/> (дата обращения: 10.09.2025).
18. Мацукевич, Н. А. Инвестиционная специализация регионов Республики Беларусь: оценка и направления развития / Н. А. Мацукевич // Экономика и банки. — 2025. — № 1. — С. 54—68.
19. Мацукевич, Н. А. Анализ инвестиционной активности административно-территориальных единиц Республики Беларусь в мезорегиональном контексте / Н. А. Мацукевич // Государственное регулирование экономики и повышение эффективности деятельности субъектов хозяйствования : сб. науч. ст. XIX Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. памяти проф. С. А. Пелиха, Минск, 17 апр. 2025 г. / Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь ; редкол.: О. Н. Солдатова [и др.]. — Мн., 2025. — С. 90—94.
20. Мацукевич, Н. А. Анализ инвестиционных процессов регионов Республики Беларусь: тенденции и особенности / Н. А. Мацукевич // Научные труды Республиканского института высшей школы. — Мн., 2025. — Вып. 24. — Ч. 2. — С. 181—190.
21. Мацукевич, Н. А. Специализация экономик регионов Республики Беларусь: производственная и инвестиционная / Н. А. Мацукевич // Проблемы современной экономики: глобальный, национальный

и региональный контекст : сб. науч. ст. / ГрГУ им. Янки Купалы; редкол.: М. Е. Карпицкая (гл. ред.), С. Е. Витун (зам. гл. ред.) [и др.]. — Гродно, 2025. — С. 106—116.

22. Статистические ежегодники Брестской области за 2016—2024 годы // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. — URL: <https://www.belstat.gov.by/> (дата обращения: 25.06.2025).

23. Парето и его закон // Medium. — URL: <https://medium.com/eggheado-science/-ce5ae59e72b> (дата обращения: 15.09.2025).

24. Модель анализа пяти конкурентных сил Майкла Портера // iTeam. — URL: <https://blog.iteam.ru/-model-analiza-majkla-portera/?ysclid=mgqevnlnyt595468553> (дата обращения: 20.09.2025).

Поступила в редакцию 19.11.2025.

Репозиторий БарГУ

УДК 331.5; 338.1

Е. В. Климук

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», ул. Войкова, 21,
225404 Барановичи, Республика Беларусь, +375 (29) 823 81 06, evgenya11s@mail.ru

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ МОЛОДЕЖНОГО ИННОВАЦИОННОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Статья посвящена исследованию системы мер поддержки и инструментов стимулирования в сфере молодежного инновационного предпринимательства на основе изучения зарубежного опыта. Формирующиеся тенденции современного мира: цифровизация экономики, глобализация экономических процессов — в наибольшей степени способствуют функционированию молодежного инновационного предпринимательства. В результате исследования автором систематизирована система мер поддержки и инструментов стимулирования молодежного инновационного предпринимательства в целях изучения возможностей применения и оценки потенциального эффекта от их внедрения на основе положительного зарубежного опыта.

Ключевые слова: молодежное инновационное предпринимательство; зарубежный опыт; меры поддержки; инструменты стимулирования; инновационные предпринимательские инициативы; инфраструктура поддержки и развития молодежного инновационного предпринимательства.

Табл. 1. Библиогр.: 24 назв.

E. V. Klimuk

Institution of Education "Baranavichy State University", 21 Voykova Str., 225404 Baranavichi,
the Republic of Belarus, +375 (29) 823 81 06, evgenya11s@mail.ru

FOREIGN EXPERIENCE IN YOUTH INNOVATIVE ENTREPRENEURSHIP

This article is devoted to the study of the system of support measures and incentive tools in the field of youth innovative entrepreneurship based on the study of foreign experience. The emerging trends of the modern world, such as digitalization of the economy and globalization of economic processes, are highly conducive to the functioning of youth innovative entrepreneurship. The article aims to systematize the system of support measures and tools for stimulating youth innovative entrepreneurship, explore their potential applications, and assess the potential effect of their implementation based on positive foreign experiences.

Key words: youth innovative entrepreneurship; foreign experience; support measures; incentive tools; innovative entrepreneurial initiatives; infrastructure for supporting and developing youth innovative entrepreneurship.

Table 1. Ref.: 24 titles.

Введение. Молодежное инновационное предпринимательство (далее — МИП) представляет собой важную сферу социально-экономического развития стран. Оно охватывает инициативную молодежь, которая внедряет новые идеи, создает технологически продвинутые продукты и услуги, разрабатывает уникальные бизнес-модели и реализует проекты, способные преобразовывать рынки и содействовать экономическому росту. Современные условия требуют дальнейшего совершенствования мер государственной поддержки МИП.

Изучение проблем и направлений развития МИП приобретает особую важность для формирования эффективных механизмов содействия успешной интеграции молодежи в экономику, укрепления инновационного потенциала страны и повышения общей конкурентоспособности отечественного бизнеса.

Молодежное инновационное предпринимательство за счет создания уникальной инновационной продукции или услуги позволяет молодым предпринимателям достичь высоких конкурентных преимуществ, обеспечивает условия для формирования успешной и стабильной предпринимательской среды в будущем как внутри страны, так и на международной арене.

Современные исследователи, изучающие вопросы инновационного и молодежного предпринимательства в своих исследованиях, все чаще обращают внимание на необходимость изучения МИП как отдельного, самостоятельного вида предпринимательства.

Эволюция, становление и формирование понятия МИП рассмотрено в работах [1—3], инфраструктура поддержки МИП — в [4; 5], механизмы развития МИП — в [6—9], а также в других научных работах.

Важным аспектом функционирования и развития инновационного предпринимательства среди молодежи являются существующие системы и инструменты поддержки, оказываемые как на государственном, так и на негосударственном уровне. Несмотря на развитую систему мер, программ поддержки молодежного предпринимательства, все же молодые предприниматели сталкиваются с некоторыми трудностями при создании своего бизнеса.

Материалы и методы и исследования. В исследовании использованы методы дедуктивного и индуктивного анализа, метод систематизации, сравнительного анализа, которые позволили выполнить межстрановой анализ существующих мер, инструментов поддержки в сфере МИП. Информационной базой исследования выступили научные электронные библиотеки Elibrary, «КиберЛенинка», а также веб-сайты по тематике исследования, позволившие систематизировать направления исследования авторов научных работ и зарубежный опыт МИП.

Результаты исследования и их обсуждение. Инновационное молодежное предпринимательство подразумевает под собой предпринимательскую деятельность молодых людей, осуществляющих поиск и внедрение уникальной инновационной продукции. Среди основных личностных характеристик молодых предпринимателей следует выделить креативность, гибкость, целеустремленность и создание инновационных проектов. Молодежный бизнес играет ведущую роль в решении социально-экономических проблем, таких как создание новых рабочих мест, сокращение безработицы, подготовка высококвалифицированных кадров. Расширение существующих возможностей и усиление влияния молодежного предпринимательства обуславливают необходимость использования его потенциала.

Во многих странах наблюдается значительный рост количества стартапов и инновационных проектов, инициируемых молодыми людьми. Это обусловлено развитием цифровых технологий, ростом доступности образования и ускоренным обменом информацией. Изучая опыт применения инструментов развития МИП в других странах, можно разработать на основе их анализа, оценки и адаптации к существующим условиям эффективные программы поддержки и стимулирования молодых предпринимателей.

Рассмотрим особенности функционирования и развития МИП в межстрановом разрезе.

Республика Узбекистан. Согласно статистическим данным Агентства статистики при Президенте Республики Узбекистан, на начало 2025 года численность молодежи (от 14 до 30 лет) в Узбекистане составила 9 630 556 человек, это 25,7 % от всего населения страны [10].

В рамках Постановления Президента Республики Узбекистан от 14.02.2025 № ПП-60 «О мерах по совершенствованию системы поддержки молодежного предпринимательства и бизнес-проектов, направленных на обеспечение занятости молодежи» предусмотрена реализация проекта «Инновационная молодежь», определены меры поддержки инновационного предпринимательства посредством создания венчурного фонда по финансированию перспективных стартап-проектов молодежи [11].

В соответствии с Постановлением Президента Республики Узбекистан от 14.02.2025 № ПП-62 «О дополнительных мерах поддержки по развитию молодежного предпринимательства и обеспечению занятости молодежи» предусмотрена реализация программы «Молодежный бизнес» на 2025—2027 годы, предусматривающая:

– охват 350 тыс. молодых людей, в том числе создание не менее 100 тыс. дополнительных рабочих мест для лиц от 18 до 30 лет;

– определение акционерно-коммерческого «Алокабанка» базовым «молодежным банком» в оказании комплексных услуг молодым предпринимателям, финансовой поддержки их деятельности;

– предоставление льготного финансирования стартапам и инвестиционным проектам молодежи для формирования современных предпринимательских навыков;

– поддержку инновационных проектов в различных секторах экономики, в том числе с применением цифровых технологий, а также инициатив в сфере социального предпринимательства. В рамках данной программы предусмотрена реализация следующих проектов: «Первый шаг в бизнес», «Рабочие места для молодежи», «Инновационная молодежь» [11].

В рамках проекта «Инновационная молодежь» посредством венчурных фондов молодежи оказывается поддержка в следующих направлениях:

– «внесение капитальных инвестиций для стартап-проектов молодежи;

– выделение заемных средств на развитие инфраструктуры для научных исследований, технологических разработок и стартапов;

– льготная финансовая поддержка при создании условий для ведения научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, в том числе использовании современного оборудования и лабораторий в направлении робототехники;

– вложение инвестиций в создание стартап-инкубаторов, технопарков и исследовательских центров» [11].

В качестве организационных мер поддержки выступает создание и поддержание функционирования субъектов инновационной инфраструктуры. По состоянию на 1 апреля 2025 года в стране насчитывается 28 экономических зон, 389 малых промышленных зон, 23 технопарка и 355 кластеров [12].

В Республике Узбекистан крупнейшим из технопарков является инновационный образовательно-производственный технологический парк «ИННО», который представляет собой образовательно-производственный технопарк новейшей модели, отвечающий требованиям времени и имеющий все условия для реализации и развития проектов и идей молодежи, ученых и субъектов предпринимательства. Территория данного технопарка разделена на четыре части: производственная зона, биотехнологическая лаборатория, лаборатория стандартизации, залы электроники и робототехники. Также в технопарке имеются офисы для владельцев стартапов, коворкинг-зоны, помещения для проведения семинаров и тренингов [13].

Одной из целей Стратегии развития нового Узбекистана на 2022—2026 годы является создание в четырех регионах филиалов инновационного образовательно-производственного технопарка INNO города Ташкента. Предусмотрена поэтапная организация инновационных образовательно-производственных технопарков INNO в Джизаке, Бухаре, Намангане и Нукусе. В данных технопарках планируется создание 8 стартап-акселераторов, 4 бизнес-инкубаторов, 4 производственных площадок и 12 коворкинг-центров [14].

Республика Казахстан. В Республике Казахстан с 2023 года на законодательном уровне официально установлен возраст молодежи — от 14 до 35 лет. По данным официальной статистики, на 1-й квартал 2025 года численность молодежи в Республике Казахстан составила 5 817 339 человек, или 28 % от общего количества населения [15].

Основные направления инновационного развития и поддержки предпринимательства Республики Казахстан отражены в Национальном плане развития Республики Казахстан, Концепции цифровой трансформации, развития отрасли информационно-коммуникационных технологий и кибербезопасности на 2023—2029 годы. Перечень мер государственной поддержки инновационного предпринимательства содержится в Предпринимательском кодексе. К данным мерам относится софинансирование венчурных фондов и предоставление инновационных грантов, а также оказание всесторонней поддержки в развитии бизнес-инкубирования и осуществление технологического прогнозирования.

Согласно Предпринимательскому кодексу, акционерное общество «Национальное агентство по развитию инноваций QazInnovations» предоставляет инновационные гранты, которые делятся на три направления:

- гранты на коммерциализацию технологий;
- гранты на технологическое развитие действующих предприятий;
- гранты на технологическое развитие отраслей [16].

В целях развития МИП в Республике Казахстан применяются и другие финансовые и нефинансовые методы:

1. Выделение грантов для открытия бизнеса. Данный вид гранта можно получить, приняв участие в специальных конкурсных программах, реализация которых осуществляется в рамках Государственной программы поддержки и развития бизнеса «Дорожная карта бизнеса — 2025».

2. Консультационная поддержка и обучение по основам предпринимательства в рамках проекта «Бастау Бизнес». По завершении обучения участники проекта получают сертификат, который в дальнейшем дает им возможность на участие в государственных программах льготного кредитования или выделение гранта по открытию бизнеса.

3. Гарантийная поддержка по кредитам и субсидиям молодым предпринимателям, предоставляемая акционерным обществом «Фонд развития предпринимательства “Даму”» (Фонд «Даму») в рамках реализации программы «Дорожная карта бизнеса — 2025».

4. Реализация проектов, связанных с поддержкой молодежных стартапов. В качестве организаций, способствующих развитию молодежного предпринимательства в Республике Казахстан, можно выделить следующие: бизнес-инкубатор MOST, Impact Hub, KBTU Startup Incubator и Международный технопарк IT-стартапов Astana Hub [16].

Инновационная структура Казахстана включает в себя 10 технопарков: 7 расположены на территории промышленных предприятий, 3 созданы при университетах: в Казахском национальном университете, Восточно-Казахстанском техническом университете и Satbaev University. Около 60 % технопарков сосредоточены в наиболее крупных городах, а другие осуществляют свою деятельность в средних и малых городах [17].

Международный технопарк IT-стартапов Astana Hub активно сотрудничает с рядом университетов, что дает возможность студентам пользоваться ресурсами экосистемы хаба, развивая студенческую стартап-культуру. Одной из главных целей данного технопарка является притяжение максимального количества молодых и талантливых IT-специалистов для создания новых уникальных инновационных проектов.

Российская Федерация. Инструменты и меры поддержки МИП можно дифференцировать на меры финансовой поддержки и меры организационного обеспечения. В качестве мер финансовой поддержки предусмотрено:

- предоставление субъектам малого и среднего предпринимательства налоговых и кредитных льгот;
- финансирование осуществляемых научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ;
- контрактное финансирование и субсидирование инновационных проектов;
- предоставление грантов.

В рамках национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы», а также в рамках программы «Долгосрочная программа содействия занятости молодежи на период до 2030 года» (14.12.2021 № 3581-р) в Российской Федерации реализуется программа поддержки индивидуальных предпринимателей в возрасте до 25 лет [18].

Фонд содействия инновациям осуществляет поддержку молодым предпринимателям со школьного возраста при реализации программ «ИнноШкольник», «Студенческий стартап», «Программа Умник». На федеральном уровне оказываются меры поддержки молодых

предпринимателей при реализации проектов «Страна мастеров», «Создай наше». При реализации всероссийской программы «Росмолодежь» осуществляется выполнение проектов, направленных на помощь молодежи в реализации предпринимательских компетенций: «Маркет молодых», «Бизнес.Поколение», «Росмолодежь.Гранты».

Министерство экономического развития Российской Федерации поощряет значимые инвестиционные проекты, компании и личности, которые вносят заметный вклад в развитие инвестиционного потенциала и экономического роста российских регионов. В рамках премии представлена номинация «Лучший инвестиционный молодежный стартап» для проектов предпринимателей в возрасте от 16 до 30 лет, демонстрирующих наиболее высокий инвестиционный потенциал [18].

В рамках организационных инструментов следует отметить участие государства в создании субъектов инновационной инфраструктуры и развитие венчурного финансирования. Ассоциация кластеров, технопарков и ОЭЗ России (АКИТ РФ) представляет собой общественно-деловую организацию в России, объединяющую объекты технологической и промышленной инфраструктуры, управляющие компании особых экономических зон, промышленных кластеров, технопарков и индустриальных парков.

Типология технопарков России включает в себя:

- технопарк в сфере высоких технологий;
- промышленный;
- агропромышленный;
- экотехнопарк;
- промышленный технопарк в сфере электронной промышленности.

В 2024 году, согласно данным АКИТ РФ, размещенным в бизнес-навигаторе, количество технопарков составляло 129, из них: 105 — это технопарки промышленного назначения, 24 технопарка созданы в сфере высоких технологий. Их территориальное размещение охватывает 46 регионов России [19].

В качестве еще одного организационного механизма поддержки МИП следует отметить создание малых инновационных предприятий при университетах, необходимых для практического внедрения результатов интеллектуальной деятельности. С помощью интерактивной информационной системы «Учет и мониторинг малых инновационных предприятий научно-образовательной сферы» федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Научно-исследовательский институт — Республиканский исследовательский научно-консультационный центр экспертизы» ведет учет уведомлений о созданных и действующих малых инновационных предприятиях. По состоянию на 22.10.2025 в базу данных внесено 1 199 действующих малых инновационных предприятий [20].

Для большей включенности работы бизнес-инкубаторов в учебный процесс высшие школы практикуют защиту выпускных квалификационных работ в качестве стартапов. Первый стартап (магистерская диссертация) был впервые защищен в 2016 году в Астрахани. Университетское предпринимательство не только решает задачу освоения идей, но и вовлекает молодежь в бизнес.

Популяризации инновационного предпринимательства среди молодежи способствует реализация федерального проекта «Платформа университетского технологического предпринимательства Российской Федерации на период до 2030 года». Реализация данного проекта осуществляется в рамках двух проектов: «Технологии» и «Эффективная и конкурентная экономика» [21]. Данная платформа направлена на развитие стартап-экосистемы и реализуется по трем направлениям:

- 1) вовлечение студентов в технологическое предпринимательство и формирование культуры предпринимательства;
- 2) генерация и запуск стартап-проектов;
- 3) создание механизмов привлечения инвестиций в университетские стартап-проекты.

На основе данных платформы университетского технологического предпринимательства в Российской Федерации наибольшую долю по направлениям стартап-проектов занимают цифровые технологии (2024 год — 43,3 %, 2023 — 37,3 %), креативные индустрии (2024 — 12,3 %, 2023 — 14,6 %), медицина и здоровье (2024 — 11,5 %, 2023 — 10,8 %), новые приборы и производственные технологии (2024 — 11,1 %, 2023 — 10,3 %), биотехнологии (2024 — 9,2 %, 2023 — 10,3 %).

Основными примерами мер корпоративной поддержки молодежного предпринимательства в России являются:

- корпоративные акселераторы;
- форумы молодых специалистов;
- внутренние конкурсы проектов, кейс-чемпионаты;
- технологические долины;
- партнерства во внешних мероприятиях, поддержка проектов, в том числе студенческих бизнес-инкубаторов совместно с университетами;
- внутренние образовательные мероприятия.

Китайская Народная Республика. Главной молодежной организацией Китая является Союз коммунистической молодежи Китая, который создавался как политическая организация молодежи при Коммунистической партии Китая. В эту организацию входят люди в возрасте от 14 до 28 лет. Под руководством Союза коммунистической молодежи Китая действуют более 150 тыс. молодежных организаций [22].

К основным особенностям развития современного молодежного предпринимательства в Китае исследователи относят следующие:

- 1) «значимая роль молодежного предпринимательства в Китае в снижении безработицы среди молодежи;
- 2) растущее число поступающих в университеты Китая изменяет траектории молодежного предпринимательства;
- 3) молодежное предпринимательство все более становится региональным;
- 4) многогранная правительственная поддержка и стимулирование предпринимательства среди выпускников колледжей и молодых предпринимателей;
- 5) стимулирование молодежи к участию в инновационной и предпринимательской деятельности;
- 6) упрощенное налогообложение малым организациям» [23].

Стартапы в Китае в основном сосредоточены в нескольких высокотехнологичных и инновационных отраслях. К ним относятся: высококачественное оборудование, новые транспортные средства, медицина и здравоохранение, корпоративные услуги, программные услуги, логистика цепочки поставок, электронная коммерция, финтех, новые медиа и «новое потребление» (новые типы потребительского поведения и бизнес-моделей, обусловленные цифровыми технологиями).

В Китае финансовым обеспечением госпрограмм и всесторонней поддержкой востребованных отраслей, в том числе субъектов малого предпринимательства, занимается Китайский банк развития (China Development Bank). Также создана система центров поддержки малого и среднего предпринимательства. На современном этапе функционируют примерно 1 800 подобных центров, 800 из которых выступают в качестве государственных, а 1 000 — коммерческих организаций. Данные центры предоставляют следующие услуги:

- бесплатное проведение аудита;
- всестороннее обучение персонала;
- оказание квалифицированной юридической помощи;
- технологическая поддержка.

В КНР была создана организация «Китайский молодежный бизнес» (Youth Business China). Для получения поддержки от данной организации начинающий предприниматель обязан соответствовать следующим требованиям:

- возраст 18—35 лет;
- отсутствие постоянной работы;
- невозможность получения финансирования в банках [24].

Данная поддержка оказывается тем предприятиям, которые находятся в начальной стадии развития, т. е. до достижения ими устойчивого роста (как правило, в течение первых 3 лет жизни предприятия).

Информационную поддержку субъектов малого предпринимательства в Китае осуществляет информационная служба, именуемая CSMEO, которая консультирует граждан и предпринимателей по различным вопросам функционирования малого предпринимательства через свой официальный сайт в сети Интернет.

Таким образом, проведенный анализ направлений функционирования МИП в некоторых зарубежных странах позволил систематизировать основные меры поддержки и развития МИП (таблица 1).

Т а б л и ц а 1. — Основные меры поддержки и развития МИП в страновом анализе

Страна	Меры поддержки и развития МИП
Республика Узбекистан	Программа «Молодежный бизнес»: <ul style="list-style-type: none"> – комплексные услуги для молодых предпринимателей, а также финансовая поддержка их деятельности через акционерно-коммерческий «Алоқабанк»; – предоставление льготного финансирования стартапам и инвестиционным проектам молодежи; – поддержка инновационных проектов в различных секторах экономики, в том числе с применением цифровых технологий, а также инициатив в сфере социального предпринимательства. Для развития МИП применяются следующие инструменты: <ol style="list-style-type: none"> 1) выделение кредитов; 2) предоставление компенсации; 3) выделение займов фондом, а также финансовая поддержка стартапов
Республика Казахстан	В качестве инструмента государственной поддержки молодежного предпринимательства применяются гранты на открытие бизнеса путем участия в специальных конкурсных программах в рамках Государственной программы поддержки и развития бизнеса «Дорожная карта бизнеса — 2025». Также следует выделить финансовые и нефинансовые меры государственной поддержки: <ul style="list-style-type: none"> – гранты на открытие бизнеса; – консультации и обучение; – гарантийная поддержка по кредитам; – субсидии

Окончание табл. 1

Страна	Меры поддержки и развития МИП
Российская Федерация	<p>Бюджетные научные организации и университеты имеют право на создание малых инновационных предприятий.</p> <p>В стране функционируют университетские (студенческие) бизнес-инкубаторы.</p> <p>В университетах предусмотрена возможность защиты выпускных квалификационных работ в форме студенческих стартапов.</p> <p>В стране реализуется федеральный проект «Платформа университетского технологического предпринимательства». Данная платформа направлена на развитие стартап-экосистемы.</p> <p>В стране действует программа возмещения инвестиций частным инвесторам (бизнес-ангелам) фонда «Сколково», создаются компании по инвестированию в малый бизнес</p>
Китайская Народная Республика	<ul style="list-style-type: none"> – Многогранная правительственная поддержка и стимулирование предпринимательства среди выпускников колледжей и молодых предпринимателей; – стимулирование молодежи к участию в инновационной и предпринимательской деятельности, в частности, на основе проведения Китайского молодежного конкурса; – упрощенное налогообложение малым организациям (сниженная ставка НДС). <p>В Китае функционируют Китайский банк развития, Специальное бюро по внутренним делам и делам молодежи, Комиссия по развитию молодежного предпринимательства, Китайский международный центр молодежных обменов, специальная организация «Китайский молодежный бизнес». Также создана система центров поддержки субъектов малого предпринимательства. В стране применяется система наставничества</p>

Заключение. Проведенное исследование позволило провести анализ зарубежного опыта применения комплекса мер поддержки и инструментов стимулирования МИП на примере некоторых стран. В качестве данных мер поддержки и инструментов стимулирования следует выделить:

- 1) государственные программы поддержки и стимулирования МИП на основе финансирования инновационных проектов и стартапов в форме грантов, льготного финансирования, предоставления компенсации, программы возмещения инвестиций, предоставления субсидий;
- 2) развитую инфраструктуру поддержки и стимулирования МИП, включающую технопарки, бизнес-инкубаторы, кредитно-финансовые учреждения, специализированные организации;
- 3) развитую систему поддержки и стимулирования МИП в учреждениях высшего образования на основе субъектов инфраструктуры (малые инновационные предприятия, студенческие бизнес-инкубаторы, центры, бизнес-школы), образовательных программ, курсов, акселерационных программ; направления обмена и передачи опыта (программы молодежного обмена, программы наставничества);
- 4) систему поддержки в сфере МИП со стороны некоммерческих организаций.

Изучение практики применения в некоторых странах существующих мер и инструментов поддержки МИП позволит проанализировать и оценить потенциальный экономический и социальный эффект от использования отдельных мер и инструментов на основе положительного зарубежного опыта в целях дальнейшего развития МИП в Республике Беларусь.

Список цитируемых источников

1. Климук, В. В. Теоретические подходы к исследованию инновационного молодежного предпринимательства / В. В. Климук, Е. В. Климук // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 2, Гісторыя. Эканоміка. Права. — 2024. — № 1. — С. 60—70.
2. Климук, Е. В. Трансформация эволюционных подходов: от классического предпринимательства к молодежному инновационному предпринимательству / Е. В. Климук // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D, Экономические и юридические науки. — 2025. — № 2. — С. 44—49.
3. Соколов, М. С. Роль молодежного инновационного предпринимательства в повышении конкурентоспособности субъектов Российской Федерации / М. С. Соколов // Россия: тенденции и перспективы развития. — 2021. — № 16-2. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-molodezhnogo-innovatsionnogo-predprinimatelstva-v-povyshenii-konkurentosposobnosti-subektov-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 19.10.2025).
4. Климук, В. В. Инфраструктура поддержки молодежного инновационного предпринимательства в учреждениях высшего образования Республики Беларусь / В. В. Климук, Е. В. Климук // Вестник БарГУ. Серия: Исторические науки и археология. Экономические науки. Юридические науки. — 2024. — № 2 (16). — С. 51—62.
5. Давыдова, А. В. Молодежное предпринимательство, как новый вектор развития экономики / А. В. Давыдова // Legal Bulletin. — 2019. — № 1. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/molodezhnoe-predprinimatelstvo-kak-novyy-vektor-razvitiya-ekonomiki> (дата обращения: 19.10.2025).
6. Соколов, М. С. Анализ механизмов поддержки развития молодежного инновационного предпринимательства в Союзном государстве России и Беларуси / М. С. Соколов // Инновации и инвестиции. — 2019. — № 9. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-mehanizmov-podderzhki-razvitiya-molodezhnogo-innovatsionnogo-predprinimatelstva-v-soyuznom-gosudarstve-rossii-i-belarusi> (дата обращения: 19.10.2025).
7. Дорошенко, С. В. Активизация механизмов развития молодежного предпринимательства в университетской среде / С. В. Дорошенко, Е. П. Дорошенко // Интеллект. Инновации. Инвестиции. — 2020. — № 5. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktivizatsiya-mehanizmov-razvitiya-molodezhnogo-predprinimatelstva-v-universitetskoj-srede> (дата обращения: 19.10.2025).
8. Соколов, М. С. Перспективы развития молодежного инновационного предпринимательства в условиях приграничного сотрудничества России и Беларуси / М. С. Соколов, М. Н. Сурилов // Инновации и инвестиции. — 2021. — № 3. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-razvitiya-molodezhnogo-innovatsionnogo-predprinimatelstva-v-usloviyah-prigranichnogo-sotrudnichestva-rossii-i-belarusi> (дата обращения: 19.10.2025).
9. Морозов, И. В. Направления имплементации зарубежного опыта поддержки развития молодежного инновационного предпринимательства в союзном государстве Беларуси и России / И. В. Морозов, Д. А. Марушко // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. — 2020. — № 3-2. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/napravleniya-implementatsii-zarubezhnogo-opyta-podderzhki-razvitiya-molodezhnogo-innovatsionnogo-predprinimatelstva-v-soyuznom> (дата обращения: 19.10.2025).
10. Молодежь — каждый четвертый: в Узбекистане проживает более 9,6 миллиона молодых людей. — URL: <https://nuz.uz/2025/08/04/molodyozh-kazhdyy-chetvyortyj-v-uzbekistane-prozhivaet-bolee-96-milliona-molodyh-lyudej/> (дата обращения: 19.10.2025).
11. Официальный сайт Национальной базы данных законодательства Республики Узбекистан. — URL: <https://lex.uz/docs/7387077> (дата обращения: 19.10.2025).
12. ПРЕСС-РЕЛИЗ. Деятельность Специальных экономических зон, малых промышленных зон, технопарков и кластеров в Республике Узбекистан // Национальный комитет Республики Узбекистан по статистике. — URL: https://docs.yandex.by/docs/view?tm=1761378818&tld=by&lang=ru&name=miz_ru_p70773 (дата обращения: 20.10.2025).
13. Официальный сайт технопарка ИННОПРОМ в Республике Узбекистан. — URL: <https://innotechnopark.com/ru/about-us> (дата обращения: 20.10.2025).
14. Шермухамедов, А. Т. Инновационное развитие технопарков в Узбекистане / А. Т. Шермухамедов, Б. М. Холбоев // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. — 2023. — № 3 (69). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnoe-razvitie-tehnoparkov-v-uzbekistane> (дата обращения: 19.10.2025).
15. Официальный сайт Единой платформы интернет-ресурсов государственных Республики Казахстан. — URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/mam/documents/details/888035?lang=ru> (дата обращения: 19.05.2025).
16. Сағынтай, М. Т. Современное состояние и перспективы развития молодежного предпринимательства в Казахстане / М. Т. Сағынтай // Наука без границ. — 2021. — № 5 (57). — С. 85—94. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-sostoyanie-i-perspektivy-razvitiya-molodezhnogo-predprinimatelstva-v-kazahstane> (дата обращения: 19.10.2025).
17. 10 технопарков работают в Казахстане. — URL: <https://24.kz/ru/news/social/653194-10-tehnoparkov-rabotayut-v-kazahstane> (дата обращения: 19.05.2025).
18. Цифровая платформа МСП как экосистема поддержки бизнеса. — URL: <https://kontur.ru/articles/> (дата обращения: 19.05.2025).

19. Технопарки России — 2024: ежегодный бизнес-навигатор / К. В. Емельянов, А. И. Зайончковский, А. М. Занята [и др.] ; редкол.: А. Н. Козловский, И. А. Куликов, М. А. Лабудин ; Ассоц. кластеров, технопарков и ОЭЗ России. — М. : АКИТ РФ, 2024. — 100 с.

20. Федеральное государственное бюджетное научное учреждение Научно-исследовательский институт — Республиканский исследовательский научно-консультационный центр экспертизы [сайт]. — URL: <https://mir.extech.ru/index.php> (дата обращения: 20.10.2025).

21. Платформа университетского технологического предпринимательства РФ [сайт]. — URL: <https://uni-verttechpred.ru> (дата обращения: 20.10.2025).

22. *Абдулхаев, А.* Механизм реализации молодежной политики Китая / А. Абдулхаев // ORIENSS. — 2023. — № 8. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mehanizm-realizatsii-molodezhnoy-politiki-kitaya> (дата обращения: 21.05.2025).

23. Эволюция и трансформации молодежного предпринимательства в Китае: социологический анализ / П. П. Дерюгин, Ж. К. Симтиков, Ц. Чжао, Д. А. Лебединцев // Социодинамика. — 2024. — № 2. — URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69751 (дата обращения: 19.05.2025).

24. *Соловьева, А. А.* Сравнительный анализ мер государственной поддержки субъектов малого предпринимательства в Российской Федерации и Китайской Народной Республике: перспективы рецепции управленческого опыта / А. А. Соловьева // Научные записки молодых исследователей. — 2019. — № 1. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnyy-analiz-mer-gosudarstvennoy-podderzhki-subektov-malogo-predprinimatelstva-v-rossiyskoy-federatsii-i-kitayskoy-narodnoy> (дата обращения: 25.10.2025).

Поступила в редакцию 19.11.2025.

УДК 657.421.32

Н. Г. КотУчреждение образования «Брестский государственный технический университет»,
ул. Московская, 267, 224017 Брест, Республика Беларусь, +375 (29) 728 26 45, kotofeika1981@mail.ru

ФИНАНСОВЫЙ ЭФФЕКТ ОТ ПЕРЕОЦЕНКИ ОСНОВНЫХ СРЕДСТВ ДЛЯ СУБЪЕКТА ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ

На основе введения обязательного проведения переоценки, к которой относятся как с положительной, так и с отрицательной стороны, в статье рассматривается влияние переоценки на результаты финансовой деятельности предприятия. Правильное и своевременное проведение процедуры переоценки основных средств предполагается использовать в качестве механизма гармонизации экономических интересов хозяйствующего субъекта. В статье рассмотрели методы проведения переоценки основных средств, а также сравнили проводимую переоценку основных средств в Республике Беларусь с международными стандартами финансовой отчетности. Приводится расчет финансового эффекта переоценки основных средств на примере субъекта хозяйствования.

Ключевые слова: переоценка основных средств; переоцененная стоимость; амортизация; финансовый эффект; налоговый эффект.

Табл. 2. Библиогр.: 8 назв.

N. H. KotInstitution of Education "Brest State Technical University",
267 Moskovskaya Str., 224017 Brest, the Republic of Belarus, +375 (29) 728 26 45, kotofeika1981@mail.ru

FINANCIAL EFFECT OF THE REVALUATION OF FIXED ASSETS FOR THE BUSINESS ENTITY

Based on the introduction of mandatory revaluation, which includes both positive and negative aspects, the article examines the impact of revaluation on the financial performance of the enterprise. The correct and timely implementation of the procedure for revaluation of fixed assets is supposed to be used as a mechanism for harmonizing the economic interests of a business entity. The article discusses the methods of revaluation of fixed assets, as well as a comparison of the revaluation of fixed assets in the Republic of Belarus with IFRS standards. The article provides a calculation of the financial effect of revaluation of fixed assets using the example of a business entity.

Key words: revaluation of fixed assets; overvalued cost; depreciation; financial effect; tax effect.

Table 2. Ref.: 8 titles.

Введение. Переоценка основных средств представляет собой процедуру, которую предприятие проводит в целях приведения учетных данных к фактической рыночной стоимости. Можно отметить, что переоценка фондов — это система мер, направленных на улучшение экономического состояния предприятия через применение особых методик по выравниванию уровня цен основных средств предприятия относительно их фактической рыночной стоимости [1]. Оценивать основные средства следует своевременно и правильно, поскольку в настоящее время в Республике Беларусь распространяется государственное регулирование ценообразования с установлением предельных величин торговой надбавки и (или) рентабельности, что может привести к резкому снижению стоимости товара или услуги. В результате занижения величины себестоимости единицы продукции предприятие реализует продукцию по ценам, не соответствующим действительности, тем самым уменьшает свой финансовый результат, ухудшаются показатели финансового состояния.

Материалы и методы исследования. Согласно определению, предоставленному в энциклопедическом словаре экономики и права, под переоценкой основных средств понимается изменение первоначальной стоимости основных средств в связи с изменением цен на материалы, ростом производительности труда и другими факторами, влияющими на сопоставимость цен на основные средства.

При переоценке основные средства оцениваются по восстановительной стоимости, которая учитывает все произошедшие изменения процесса воспроизводства [2].

Переоценка основных средств дает возможность узнать их текущую рыночную (справедливую) стоимость. В международных стандартах финансовой отчетности (далее — МСФО), в бухгалтерском учете Республики Беларусь под переоценкой основных средств понимается доведение (доценка или уценка) их учетной балансовой стоимости до стоимости, соответствующей рыночной на текущую отчетную дату.

В соответствии с МСФО (IFRS) 16 «Основные средства» для учета основных средств используются следующие виды стоимостей: балансовая и первоначальная стоимость, стоимость, специфичная для организации, справедливая стоимость и ликвидационная стоимость актива [3].

В соответствии с МСФО справедливая стоимость основных средств за минусом накопленной амортизации и накопленных убытков от обесценения представляет собой переоцененную стоимость.

Модель учета по переоцененной стоимости предполагает, что переоценка должна производиться с достаточной регулярностью, чтобы не допустить существенного отличия балансовой стоимости от той, которая была бы определена с использованием справедливой стоимости по состоянию на дату окончания отчетного периода.

Частота проведения переоценки зависит от изменения справедливой стоимости переоцениваемых объектов основных средств. Если справедливая стоимость переоцененного актива существенно отличается от его балансовой стоимости, требуется дополнительная переоценка. Некоторые объекты основных средств характеризуются значительными и волатильными изменениями справедливой стоимости, что вызывает необходимость в проведении ежегодной переоценки. Проведение таких частых переоценок не требуется для объектов основных средств, справедливая стоимость которых подвергается лишь незначительным изменениям. В таких случаях необходимость переоценки может возникать только каждые 3—5 лет. Стоит отметить, что если переоценивается какой-либо объект основных средств, то переоценке подлежат все активы, относящиеся к тому же классу основных средств, что и данный актив.

Переоценка объектов, относящихся к одному и тому же классу основных средств, выполняется одновременно. Тем не менее активы какого-либо класса могут переоцениваться в определенной очередности при условиях, что переоценка этого класса активов выполняется в пределах короткого промежутка времени, результаты переоценки обновляются.

Класс основных средств представляет собой группу активов, имеющих сходные признаки, включая их основные свойства и характер использования в деятельности организации. В Республике Беларусь используются группы основных средств. Сравнительная характеристика классов основных средств по МСФО и групп основных средств согласно законодательству Республики Беларусь представлена в таблице 1.

Как видно из таблицы 1, группировка основных средств по МСФО и по законодательству Республики Беларусь имеет много общих характеристик, однако есть различия. Так, в МСФО в отдельные группы выделены водные и воздушные суда, тогда как в Республике Беларусь они объединены в одну группу — «Транспортные средства». В то же время группы «Инструмент» и «Инвентарь и принадлежности» имеют более широкую классификацию, чем классы «Мебель и встраиваемые элементы» и «Офисное оборудование». Группы «Основные средства прочие, используемые в сельском и лесном хозяйстве» и «Основные средства прочие» отсутствуют в МСФО, что позволяет сделать вывод о том, что в законодательстве Республики Беларусь представлена более полная и широкая классификация основных средств.

Т а б л и ц а 1. — Группировка основных средств по МСФО и по законодательству Республики Беларусь

Классы основных средств по МСФО	Группы основных средств согласно законодательству Республики Беларусь
Земля. Земля и здания	Здания. Сооружения. Передаточные устройства
Машины и оборудование	Машины и оборудование
Водные суда. Воздушные суда. Автотранспортные средства	Транспортные средства
Мебель и встраиваемые элементы. Офисное оборудование	Инструмент. Инвентарь и принадлежности
—	Основные средства прочие, используемые в сельском и лесном хозяйстве. Основные средства прочие

Примечание — Источник: собственная разработка на основе [4].

В своей учетной политике организация должна выбрать либо модель учета по первоначальной стоимости, либо модель учета по переоцененной стоимости и применять выбранную политику ко всему классу основных средств. При учете по первоначальной стоимости после признания объекта основных средств в качестве актива он должен учитываться по своей первоначальной стоимости за вычетом сумм накопленной амортизации и накопленных убытков от обесценения. При учете по переоцененной стоимости после признания в качестве актива объект основных средств подлежит учету по переоцененной стоимости, представляющей собой его справедливую стоимость на дату переоценки за вычетом последующей накопленной амортизации и последующих накопленных убытков от обесценения. Частота проведения переоценки зависит от изменения справедливой стоимости переоцениваемых объектов основных средств. Если справедливая стоимость переоцененного актива существенно отличается от его балансовой стоимости, требуется дополнительная переоценка.

Если в результате переоценки балансовая стоимость актива увеличивается, то сумму данного увеличения следует признать в составе прочего совокупного дохода и отражать накопительным итогом в составе собственного капитала под заголовком «Прирост стоимости от переоценки». Если в результате переоценки балансовая стоимость актива уменьшается, то сумму данного уменьшения следует признать в составе прибыли или убытка. Сумма прироста стоимости объекта основных средств от его переоценки, включенная в состав собственного капитала, может быть перенесена непосредственно в состав нераспределенной прибыли в момент прекращения признания соответствующего актива. В то же время часть суммы прироста стоимости от переоценки может переноситься в состав нераспределенной прибыли по мере использования актива организацией. Перенос сумм со счета прироста стоимости от переоценки на счет нераспределенной прибыли не может осуществляться через прибыль или убыток.

Если объекты основных средств отражаются по переоцененной стоимости, то необходимо раскрыть следующую информацию в дополнение к раскрытиям, требуемым МСФО (IFRS) 13 «Оценка справедливой стоимости»:

- дату, по состоянию на которую проводилась переоценка;
- привлекался ли к оценке независимый оценщик;
- применительно к каждому классу переоцененных основных средств — балансовую стоимость, в которой признавались бы эти активы, если бы они учитывались с использованием модели учета по первоначальной стоимости;

– прирост стоимости от переоценки с указанием изменения его величины за период и с указанием ограничений по его распределению.

Пользователи финансовой отчетности также могут счесть полезной информацию о балансовой стоимости временно простаивающих основных средств, валовой балансовой стоимости находящихся в эксплуатации полностью амортизированных основных средств и справедливой стоимости основных средств, если таковая существенно отличается от балансовой стоимости, в том случае, когда используется модель учета по первоначальной стоимости. Следовательно, организациям рекомендуется раскрывать указанные суммы.

Переоценке подлежат в том числе здания, сооружения и передаточные устройства, которые являются объектами налогообложения налогом на недвижимость в Республике Беларусь. Следовательно, при дооценке стоимости основных средств, полученной в ходе проведения переоценки, увеличивается налогооблагаемая база и, как правило, налог на недвижимость. При оценке основных средств наблюдается противоположная ситуация.

С увеличением переоцененной стоимости возрастают суммы амортизационных отчислений, которые формируют затраты предприятия, учитываемые при налогообложении прибыли, тем самым уменьшая налогооблагаемую прибыль. Дооценка основных средств позволяет субъекту хозяйствования минимизировать платежи в разрезе налога на прибыль.

Налоговый эффект, возникающий в результате переоценки основных средств, заключается в получении организацией налогооблагаемого притока экономических выгод, при этом сумма, которая будет подлежать вычету в налоговых целях, будет отличаться от суммы указанных экономических выгод.

Согласно законодательству Республики Беларусь, переоценка рассматривается как подход к восстановлению стоимости имущества, изменение стоимости [5].

Порядок проведения переоценки основных средств регулируют три основных нормативных правовых акта:

1) Указ Президента Республики Беларусь от 20.10.2006 № 622 «О вопросах переоценки основных средств, доходных вложений в материальные активы, объектов незавершенного строительства и оборудования к установке» [5];

2) постановление Министерства экономики, Министерства финансов и Министерства архитектуры и строительства Республики Беларусь от 05.11.2010 № 162/131/37 «О порядке проведения переоценки основных средств, доходных вложений в материальные активы, оборудования к установке», которым утверждена Инструкция о порядке переоценки основных средств, доходных вложений в материальные активы, оборудования к установке [6];

3) Указ Президента Республики Беларусь 8 января 2024 года № 12 «Об изменении Указа Президента Республики Беларусь от 20 октября 2006 г. № 622 “О вопросах переоценки основных средств, доходных вложений в материальные активы, объектов незавершенного строительства и оборудования к установке”» [7].

Переоценка основных средств — это приведение первоначальной стоимости объектов основных средств к ее рыночному уровню [8]. Переоценке подлежат числящиеся в бухгалтерском учете основные средства, доходные вложения в материальные активы, оборудование к установке. Переоценка проводится за период, прошедший с даты предыдущей переоценки, по 31 декабря отчетного года с отражением ее результатов на 31 декабря отчетного года. С 1 января 2024 года вводится обязательная ежегодная переоценка зданий, сооружений и передаточных устройств. Переоценка других групп имущества производится по решению организации.

Переоценка может проводиться одним из следующих методов: метод прямой оценки, метод пересчета валютной стоимости, индексный метод.

Метод прямой оценки заключается в пересчете стоимости объектов имущества с использованием документов и материалов, подготовленных самостоятельно организацией или субъектом, занимающимся оценочной деятельностью.

В случае проведения переоценки самостоятельно переоцененная стоимость подтверждается на 1 января года, следующего за отчетным, на основании одного из следующих документов и материалов, датированных на декабрь отчетного года:

- об уровне цен на новое аналогичное имущество от организаций-изготовителей;
- об уровне цен на новое аналогичное имущество от торговых организаций;
- об уровне цен на новое аналогичное имущество, опубликованных в СМИ и специализированных изданиях.

Переоцененная стоимость определяется с учетом фактических затрат на их приобретение, создание, доставку, установку и монтаж в размере, рассчитанном как удельный вес этих затрат в первоначальной (переоцененной) стоимости.

В случае проведения переоценки методом прямой оценки с привлечением субъекта, занимающегося оценочной деятельностью, подтверждением переоцененной стоимости имущества является заключение об оценке. Переоцененная стоимость определяется на основании остаточной стоимости и фактической степени износа объекта, определенной оценщиком.

Метод пересчета валютной стоимости заключается в пересчете стоимости объектов имущества в иностранной валюте по официальному курсу Национального банка Республики Беларусь.

Метод может применяться как при наличии подтвержденных сведений о стоимости в иностранной валюте, так и при их отсутствии. При наличии подтвержденных сведений производится пересчет стоимости затрат на приобретение, создание, доставку, установку и монтаж, которые осуществлялись в белорусских рублях, кроме обособленно учитываемых затрат, возникших после ввода объекта в эксплуатацию, в иностранную валюту по курсу Национального банка на дату их осуществления, затем осуществляется суммирование стоимости затрат и стоимости объекта в иностранной валюте, после чего стоимость пересчитывается в белорусские рубли по курсу Национального банка на 31 декабря отчетного периода.

При отсутствии документально подтвержденных сведений о стоимости объекта иностранного происхождения в иностранной валюте стоимость объекта в белорусских рублях на дату их принятия к бухгалтерскому учету пересчитывается в иностранную валюту по курсу Национального банка на указанную дату, а затем рассчитанная стоимость в иностранной валюте пересчитывается в белорусские рубли по курсу Национального банка на 31 декабря отчетного года.

Если по объектам имеются обособленно учитываемые затраты, произведенные в течение периода, прошедшего с даты предыдущей переоценки, в качестве переоцененной стоимости основных средств принимается наибольшая из двух стоимостей:

- стоимость основных средств в белорусских рублях, рассчитанная в соответствии с Инструкцией по проведению переоценки основных средств, доходных вложений в материальные активы, оборудования к установке № 162/131/37 [7];
- стоимость, числящаяся в учете до переоценки с включением указанных затрат в стоимость основных средств.

Индексный метод заключается в пересчете стоимости объектов имущества с использованием коэффициентов изменения их первоначальной и остаточной стоимости, дифференцированных по периодам принятия объектов на бухгалтерский учет.

Стоимость имущества определяется путем умножения первоначальной стоимости имущества, по которой оно числится в бухгалтерском учете на 1 января текущего года, на соответствующие коэффициенты, определяемые Национальным статистическим комитетом. Коэффициент приводится по видам (группам) основных средств и дате принятия имущества к бухгалтерскому учету. Применяемый при переоценке коэффициент выбирается из таблицы коэффициентов изменения стоимости основных средств по состоянию на 1 января года, следующего за отчетным.

При переоценке основных средств, первоначальная (переоцененная) стоимость которых увеличена на стоимость затрат на их реконструкцию (модернизацию, реставрацию), в течение периода, прошедшего после предыдущей переоценки:

– к первоначальной (переоцененной) стоимости, числившейся в учете до переоценки, применяется коэффициент за декабрь года, предшествующего дате предыдущей переоценки;

– к стоимости затрат применяется коэффициент, соответствующий месяцу ввода в эксплуатацию основных средств после их завершения.

Переоцененная стоимость определяется путем суммирования рассчитанной стоимости и стоимости затрат.

Таким образом, учет основных средств согласно МСФО и согласно законодательству Республики Беларусь довольно близки по своему содержанию. Однако существуют участки учета, которые более подробно изложены в МСФО, и участки учета, которые более подробно изложены в законодательстве Республики Беларусь. В связи с этим можно использовать положения МСФО (IAS) 16 «Основные средства» для улучшения бухгалтерского учета в Республике Беларусь.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что операции с основными средствами имеют место практически на любом предприятии, в связи с чем правильное ведение бухгалтерского учета важно для организации. Правильному ведению бухгалтерского учета способствует обширная нормативно-правовая база из законов и постановлений, которые своевременно обновляются и дополняются, следуя тенденциям изменения бухгалтерского учета, а для его улучшения можно использовать положения МСФО. Эффект от переоценки рассмотрим на примере данных отчетности ОАО «Переоценщик» (название реального субъекта хозяйствования изменено в связи с конфиденциальностью данных, содержащихся в отчетности) (таблица 2).

Т а б л и ц а 2. — Эффект от переоценки на ОАО «Переоценщик»

Показатель	Значение за 2024 год	Значение за 2024 год без учета переоценки	Изменение
1. Долгосрочные активы, тыс. руб.	397 646	379 839	x
2. Среднегодовая стоимость основных средств, тыс. руб.	203 794	194 890,5	x
3. Краткосрочные активы, тыс. руб.	287 714	287 714	x
4. Собственный капитал, тыс. руб.	448 071	430 264	x
5. Долгосрочные обязательства, тыс. руб.	54 467	54 467	x
6. Краткосрочные обязательства, тыс. руб.	182 822	182 822	x
7. Валюта баланса, тыс. руб.	685 360	667 553	x
8. Выручка от реализации, тыс. руб.	1 193 273	1 193 273	x
9. Чистая прибыль, тыс. руб.	58 854	58 854	x
10. Среднесписочная численность работников, тыс. руб.	2 400	2 400	x

Окончание табл. 2

Показатель	Значение за 2024 год	Значение за 2024 год без учета переоценки	Изменение
11. Коэффициент обеспеченности собственными оборотными средствами ((стр. 4 + стр. 5 – стр. 1) / стр. 3)	0,3646	0,3646	—
12. Коэффициент обеспеченности обязательств имуществом ((стр. 6 + стр. 5) / стр.7)	0,3462	0,3555	–0,0093
13. Коэффициент финансовой независимости (стр. 4 / стр. 7)	0,6538	0,6445	0,0093
14. Коэффициент финансового левериджа ((стр. 5 + стр. 6) / стр. 4)	0,5296	0,5515	–0,0219
15. Фондоотдача (стр. 8 / стр. 2)	5,8553	6,1228	–0,2675
16. Фондоемкость (стр. 2 / стр. 8)	0,1708	0,1633	0,0075
17. Фондовооруженность (стр. 2 / стр. 10)	84,9142	81,2044	3,7098
18. Фондорентабельность, % (стр. 9 / стр. 2)	28,88	30,20	–1,32
19. Рентабельность собственного капитала, % (стр. 9 / стр. 4)	13,13	13,68	–0,55
20. Рентабельность активов, % (стр. 9 / стр. 7)	8,59	8,82	–0,23

Примечание — Источник: собственная разработка на основе отчетности ОАО «Переоценщик».

Так как коэффициент обеспеченности собственными оборотными средствами характеризует долю собственных средств в общей величине источников организации, а при проведении переоценки значение показателя не изменилось и составляет 0,3646, то можно сделать вывод, что переоценка не влияет на долю собственных средств предприятия в общем объеме источников.

Коэффициент обеспеченности обязательств имуществом характеризует способность организации рассчитаться по своим финансовым обязательствам после реализации имущества. Без учета переоценки показатель составляет 0,3555, а при проведении переоценки снижается на 0,0093 и составляет 0,3462. Нормативное значение коэффициента — не более 0,85, исходя из чего видно, что снижение коэффициента после проведения переоценки является позитивным эффектом, который говорит об увеличении способности организации рассчитаться по своим обязательствам имуществом, что свидетельствует об увеличении финансовой устойчивости предприятия.

Коэффициент финансовой независимости показывает долю активов организации, которые обеспечиваются собственными средствами. Так, без проведения переоценки коэффициент составляет 0,6445, а с проведением переоценки увеличивается на 0,0093 и составляет 0,6538, что говорит об увеличении удельного веса активов, которые обеспечиваются собственными средствами. Изменение коэффициента финансовой независимости равняется изменению коэффициента обеспеченности обязательств имуществом с противоположным знаком. Такое увеличение, в свою очередь, говорит о повышении финансовой устойчивости предприятия.

Коэффициент финансового левириджа характеризует сумму кредитного капитала, привлеченного предприятием, в расчете на единицу собственного капитала. Без переоценки значение показателя составляет 0,5515, а с переоценкой снижается на 0,0219 и составляет 0,5296. Это говорит о том, что организация стала менее зависимой в своем развитии от заемного капитала, финансовая устойчивость увеличилась, что также было видно исходя из коэффициента финансовой независимости и коэффициента обеспеченности обязательств имуществом.

Фондоотдача показывает, какую сумму выручки получает организация на каждый рубль стоимости основных средств. Без переоценки значение показателя составляло 6,1228, т. е. с одного рубля основных средств предприятие получало бы 6,12 руб. выручки. С проведением переоценки показатель снизился на 0,2675 и равен 5,8553, т. е. сумма выручки, получаемой с одного рубля основных средств, снижается до 5,86 руб., что является негативным эффектом, свидетельствующим о падении прибыльности основных средств.

Фондоемкость показывает величину стоимости основных средств, приходящуюся на единицу продукции, выпущенную предприятием. Без переоценки показатель составлял бы 0,1633, т. е. на единицу продукции приходилось бы 0,16 руб. основных средств. После проведения переоценки показатель увеличился на 0,0075 и составил 0,1708, т. е. на единицу продукции приходится 0,17 руб. основных средств, что также является негативным эффектом, который говорит об увеличении себестоимости и падении прибыльности основных средств.

Фондовооруженность показывает уровень технического оснащения предприятия в расчете на одного сотрудника. Без проведения переоценки показатель равен 81,2044, а с переоценкой увеличивается на 3,7098 и составляет 84,9142, что говорит о повышении уровня технического оснащения работников предприятия.

Фондорентабельность показывает, сколько рублей прибыли приходится на один рубль основных средств. Без проведения переоценки показатель составляет 30,20 %, а с проведением переоценки показатель снижается на 1,32 п. п. и составляет 28,88 %. Это является негативным эффектом, свидетельствующим о падении прибыльности основных средств, что также было видно из показателя фондоотдачи и фондоемкости.

Рентабельность собственного капитала показывает, сколько возвращает каждый рубль, вложенный собственником в предприятие. Без переоценки значение показателя составляет 13,68 %, а после проведения переоценки снижается на 0,55 п. п. и составляет 13,13 %. Снижение рентабельности собственного капитала говорит о снижении прибыли, приходящейся на один рубль собственного капитала, что является негативным эффектом.

Рентабельность предприятия показывает эффективность работы всей организации. До проведения переоценки показатель равнялся 8,82 %, а после проведения переоценки снизился на 0,23 п. п. и составил 8,59 %. Снижение рентабельности предприятия также является негативным эффектом, который говорит о падении прибыльности предприятия в целом.

Заключение. Переоценка неоднозначно влияет на показатели, рассчитываемые по балансу. Так, переоценка приводит к увеличению финансовой устойчивости предприятия, что свидетельствует о снижении зависимости от внешних источников финансирования.

Проведение переоценки также приводит к увеличению фондовооруженности. В то же время увеличение стоимости основных средств при проведении переоценки приводит к падению всех видов рентабельности, что говорит о снижении прибыльности как отдельных статей баланса, так и предприятия в целом. О падении прибыльности также говорит снижение фондоотдачи и повышение фондоемкости. Несмотря на неоднозначное влияние переоценки на рассчитываемые показатели, переоценка всего имущества позволяет отразить его справедливую стоимость на дату составления отчетности. Применение различных способов переоценки основных средств значительно влияет на итоговую стоимость основных средств, их годовой размер амортизационных отчислений, как следствие, размер затрат и налог на прибыль.

Список цитируемых источников

1. Соколов, Я. В. Бухгалтерская (финансовая) отчетность : учеб. пособие / Я. В. Соколов. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Магистр. НИЦ ИНФРА, 2015. — 512 с
2. Кураков, Л. П. Экономика и право : сл.-справ. / Л. П. Кураков, В. Л. Кураков, А. Л. Кураков. — М. : Вуз и шк., 2004. — 685 с.
3. О введении в действие на территории Республики Беларусь международных стандартов финансовой отчетности и их разъяснений, принимаемых фондом международных стандартов финансовой отчетности : постановление Совета Министров Респ. Беларусь и Нац. банка Респ. Беларусь от 19 авг. 2016 г. № 657/20 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 05.04.2025).
4. Об установлении нормативных сроков службы основных средств и признании утратившими силу некоторых постановлений Министерства экономики Республики Беларусь : постановление М-ва экономики Респ. Беларусь от 10 апр. 2017 г. № 9 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 05.04.2025).
5. О вопросах переоценки основных средств, доходных вложений в материальные активы, объектов незавершенного строительства и оборудования к установке : Указ Президента Респ. Беларусь от 20 окт. 2006 г. № 622 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. — 2006. — № 622. — 1/931.
6. О порядке проведения переоценки основных средств, доходных вложений в материальные активы, оборудования к установке : постановление М-ва экономики Респ. Беларусь, М-ва финансов Респ. Беларусь, М-ва строительства и архитектуры Респ. Беларусь от 30 июля 2024 г. № 9/45/84 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 20.04.2025).
7. О вопросах переоценки основных средств, доходных вложений в материальные активы, объектов незавершенного строительства и оборудования к установке : Указ Президента Респ. Беларусь от 20 окт. 2006 г. № 622 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. — 2024. — № 12. — 1/931.
8. Толкун, И. Переоценка основных средств по состоянию на 01.01.2025 и начисление амортизации в 2025 году: 7 актуальных вопросов / И. Толкун // Главный бухгалтер. — 2025. — № 10. — С. 21—23.

Поступила в редакцию 10.11.2025.

УДК 338.22

О. А. Лабейко, кандидат экономических наук, доцент
Академия управления при Президенте Республики Беларусь, ул. Московская, 17, 220007 Минск,
Республика Беларусь, +375 (44) 541 76 45, Olgalabeyko@bk.ru

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПОДХОДЫ К УПРАВЛЕНИЮ РЕАБИЛИТАЦИЕЙ И АБИЛИТАЦИЕЙ ЛЮДЕЙ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ В КОНТЕКСТЕ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

В статье изучается инвалидность как комплексная проблема нарушения здоровья и необходимости оказания медицинской помощи, ограничений жизнедеятельности, требующих конкретных мер по реабилитации и абилитации людей с инвалидностью, создания необходимых условий для их интеграции в социально-экономическое пространство страны. Проанализированы международные подходы к решению данной проблемы, в том числе обеспечению прав и равных возможностей для людей с инвалидностью, развитию реабилитации, инклюзивной занятости и социальной интеграции. На основе обобщения и синтеза международных норм сформулированы концептуальные основы механизма управления реабилитацией и абилитацией людей с инвалидностью, включающие цель, принципы и функции управления.

Ключевые слова: нарушения здоровья; ограничения жизнедеятельности; качество жизни; реабилитация и абилитация; управление; интеграция.

Библиогр.: 9 назв.

O. A. Labeyko, PhD in Economics, Associate Professor
Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus, 17 Moskovskaya Str.,
220007 Minsk, the Republic of Belarus, +375 (44) 541 76 45, Olgalabeyko@bk.ru

INTERNATIONAL APPROACHES TO MANAGING REHABILITATION AND HABILITATION OF PEOPLE WITH DISABILITIES IN THE CONTEXT OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT

This article examines disability as a complex problem of health impairment and the need for medical care, as well as limitations in daily activities, requiring specific measures for the rehabilitation and habilitation of people with disabilities and the creation of the necessary conditions for their integration into the country's socioeconomic space. International approaches to addressing this issue are analyzed, including ensuring the rights and equal opportunities for people with disabilities, developing rehabilitation, inclusive employment, and social integration. Based on the generalization and synthesis of international norms, the conceptual foundations of a management mechanism for the rehabilitation and habilitation of people with disabilities are formulated, including the goal, principles, and functions of management.

Key words: health impairment; disabilities; quality of life; rehabilitation and habilitation; management; integration.
Ref.: 9 titles.

Введение. Чтобы определить актуальность и практическую значимость развития реабилитации и абилитации людей с инвалидностью, следует обратиться к Повестке дня в области устойчивого развития на период до 2030 года (Повестка в области устойчивого развития — 2030), которая была принята Организацией Объединенных Наций (далее — ООН) в качестве стратегического плана действий для всех стран мира [1]. Среди 17 целей в области устойчивого развития 8 из них касаются обеспечения равных возможностей и предоставления дополнительных гарантий людям с инвалидностью. В Повестке в области устойчивого развития — 2030 особое внимание уделено ликвидации нищеты во всех ее формах и проявлениях путем внедрения на национальном уровне системы социальной защиты уязвимых групп населения. Указывается на необходимость обеспечения всеобщего охвата услугами здравоохранения, доступности медико-санитарных услуг и лекарственных средств, вакцин для всех. Важным условием обеспечения устойчивого поступательного развития

является предоставление для людей с инвалидностью равного доступа к получению образования, возможностей приобретения профессионально-технических навыков. Необходимо обеспечить полную и производительную занятость, достойную работу для молодых людей с инвалидностью. Цели 9 и 10 Повестки в области устойчивого развития — 2030 предполагают создание доступного общественного транспорта, трансграничной и региональной инфраструктуры, а также стимулирование к активному участию людей с инвалидностью в экономической, политической, социальной сферах в целях достижения их благополучия. Важно обеспечить равный доступ всех граждан к правосудию. Повестка в области устойчивого развития — 2030 закрепляет целевые ориентиры решения проблем инвалидности и вместе с тем акцентирует внимание мирового сообщества на необходимость формирования общих подходов к управлению реабилитацией и абилитацией людей с инвалидностью, создания условий для их полной интеграции в общество [2, с. 124].

Материалы и методы исследования. В процессе исследования использовались общенаучные методы познания: анализ, синтез, сравнение и сопоставление, системный и комплексный подходы. Теоретико-методологическую основу работы составили документы международных организаций, научные труды белорусских и зарубежных авторов.

Результаты исследования и их обсуждение. В международном сообществе современный взгляд на реабилитацию и абилитацию людей с инвалидностью начал формироваться с принятием ООН Конвенции о правах инвалидов (Конвенция) [3]. Именно этот стратегический документ дал старт не только переходу от медицинской к социальной модели инвалидности, но и формированию целостной системы реабилитации и абилитации. Конвенция определяет три основных компонента современной системы реабилитации и абилитации людей с инвалидностью: 1) восстановление в полном объеме физических, умственных, профессиональных и социальных способностей; 2) обеспечение возможностей достижения и сохранения максимальной степени независимости; 3) включение во все главные сферы жизни. Здоровоохранение, образование, занятость, социальное обслуживание выделяются как ключевые области, где должны быть организованы реабилитационные и абилитационные услуги и программы. К числу основных принципов реабилитации и абилитации отнесены:

- полное и эффективное вовлечение и включение в общество;
- равенство возможностей;
- раннее начало реализации, основанное на многопрофильной оценке потребностей и сильных сторон лиц с инвалидностью;
- добровольность и доступность на уровне местного сообщества, в том числе в сельских районах.

В Конвенции государствам указывается на необходимость финансового, кадрового, ресурсного обеспечения реабилитации и абилитации, расширения практики реализации комплексных услуг и программ, развития ассистивных устройств, технологий и др. [3]. Таким образом, формируется контур современного подхода к управлению реабилитацией и абилитацией людей с инвалидностью, включающий управляющую подсистему (государство) и объект управления (организационно-экономические отношения, возникающие в процессе реабилитации и абилитации людей с инвалидностью).

Наряду с ООН существенный вклад в развитие реабилитации и абилитации внесен Всемирной организацией здравоохранения (далее — ВОЗ), Международной организацией труда. Так, в 2010 году ВОЗ представила международному сообществу «Руководство по реабилитации на уровне общины» (далее — РУО), в котором обобщена передовая практика реализации программ реабилитации более чем за 30 лет [4]. Представляя РУО как стратегию инклюзивного развития общины, специалистами определена цель реабилитации — сокращение бедности, удовлетворение основных потребностей и повышение качества жизни инвалидов и их семей путем обеспечения доступности здравоохранения, образования, самообеспечения,

социальных услуг. Реализация РУО основывается на ключевых положениях социальной модели инвалидности, представленной в Конвенции ООН о правах инвалидов, детализируя некоторые из них следующим образом. Инвалидность является общественной проблемой, организационные решения которой должны быть сфокусированы на устранении социальных барьеров, полноценном участии инвалидов в жизни общества, равенстве возможностей. Инклюзивное развитие может быть достигнуто только путем включения в национальные программы, планы вопросов инвалидности, реализации адресной реабилитации.

Определены пять направлений реализации реабилитации на уровне общины: здоровье, образование, самообеспечение, социальные вопросы, расширение прав и возможностей. Каждое направление имеет свои уровни или этапы исполнения: в сфере образования — раннее детство, начальное, среднее и высшее, неформальное образование; в сфере самообеспечения определяется необходимость предоставления реабилитационных услуг и расширения возможностей по развитию навыков, самозанятости, наемного труда, предоставления финансовых услуг, социальной защиты. При этом в РУО указывается, что каждое из представленных направлений реабилитации реализуется самостоятельно, направления не пересекаются.

Отдельно следует остановиться на функциях управления программами реабилитации на уровне местного сообщества. Несмотря на то, что программы могут быть национальными, региональными или локальными, в указанном международном документе представлен универсальный цикл управления, включающий реализацию четырех функций: анализ ситуации, разработка дизайна программы реабилитации, внедрение и мониторинг, оценка. На первом этапе особое внимание уделено анализу положения инвалидов в конкретном сообществе и тех проблем, которые непосредственно необходимо решать. Анализ включает сбор фактов и цифр о численности и половозрастной структуре инвалидов, условиях их проживания, показателях здоровья и преобладающих формах инвалидности, показателях образования, источниках доходов и др. Необходимо выявить и идентифицировать заинтересованные стороны (инвалиды и члены их семей, гражданское общество, организации инвалидов, органы власти), которые могут оказать пользу, внести свой вклад в разработку и реализацию программ реабилитации. Второй этап универсального цикла управления предполагает разработку плана и дизайна программы реабилитации. План программы реабилитации состоит из таких компонентов, как цель, идеи, результаты, необходимые кадровые, материальные, финансовые ресурсы и источники их получения. Составляется соответствующая смета затрат на реализацию программы реабилитации. Третий этап включает введение в действие плана программы реабилитации и осуществления постоянного мониторинга реализации мероприятий. Заключительным этапом цикла управления реабилитацией является оценка достигнутых результатов. На этом этапе может быть принято решение о продолжении, изменении или приостановке реализации программы РУО [4]. Представленное РУО имеет важное методологическое значение. В нем выделены функции управления реабилитацией и абилитацией людей с инвалидностью, показаны этапы и механизмы реализации на уровне местного сообщества.

В 2012 году ООН приняла Инчхонскую стратегию обеспечения реальных прав инвалидов в Азиатско-Тихоокеанском регионе (Инчхонская стратегия), направленную на улучшение положения людей с инвалидностью во всех главных сферах жизни [5, с. 4]. Целью указанного документа является инклюзивный рост и устойчивое развитие путем предоставления лицам с инвалидностью дополнительных гарантий, возможностей получения профессионального образования и соответствующих рабочих мест на открытом рынке труда. Это один из самых эффективных способов повышения уровня благосостояния и снижения бедности среди населения.

Структура Инчхонской стратегии представляется достаточно прогрессивной, поскольку содержит помимо целей перечень необходимых для решения задач и направлений реализации государственной политики в сфере реабилитации. Так, достижение целей возможно путем повышения доступности физической среды крупных городов, удобства использования общественного транспорта, доступности информационно-коммуникационных услуг, обеспе-

чения людей с инвалидностью ассистивными устройствами и продуктами. Оптимизация уровня независимости в повседневной жизни людей с инвалидностью является одной из ключевых задач, обозначенных в Инчхонской стратегии. Важным аспектом является предоставление им минимального уровня социальной защиты в системе здравоохранения, пенсионного обеспечения, услуг персонального ассистента и консультирования.

В указанном документе внимание международного сообщества направлено на несколько приоритетных направлений государственной политики. Во-первых, необходимость удовлетворения базовых потребностей людей с инвалидностью с опорой на своевременный анализ актуальных и полных данных об инвалидности. Во-вторых, усиление роли координации, консультирования, сотрудничества, межсекторального взаимодействия по вопросам реализации программ развития, ориентированных на социально-экономическую интеграцию людей с инвалидностью. В-третьих, национальные стратегии и программы развития необходимо направить на обеспечение доступности физической среды, общественного транспорта, связи и коммуникаций для людей с инвалидностью, используя для этого потенциал научно-технических достижений и универсального дизайна [5, с. 44]. Следует отметить достаточно широкий спектр новых направлений и способов решения проблем инвалидности, представленных в Инчхонской стратегии. Ее цели и задачи согласованы с показателями оценки и сроками реализации, что способствует прогрессу и получению конкретных результатов.

В 2014 году принят Глобальный план действий ВОЗ по инвалидности на 2014—2021 годы (Глобальный план действий ВОЗ) [6]. В документе сосредоточено внимание международного сообщества на взаимообусловленности инвалидности и бедности. Бедность увеличивает вероятность плохого питания, недополучения медицинского обслуживания, вредных и опасных условий труда, приводящих в совокупности к ухудшению состояния здоровья и инвалидности. Инвалидность, в свою очередь, обуславливает снижение возможности получения образования, работы, увеличение расходов на медицинское обслуживание, что приводит к снижению уровня и качества жизни. В таких условиях Глобальный план действий ВОЗ направлен на улучшение здоровья, расширение возможностей функционирования и повышение благополучия всех людей с инвалидностью. Государства-участники, а также международные организации должны мобилизовать все имеющиеся ресурсы и силы для достижения поставленной цели — достойной жизни для людей с инвалидностью и их семей с равными правами и возможностями.

Глобальный план действий ВОЗ опирается на следующие принципы: соблюдение прав человека, охват всех этапов жизни, всеобщее медицинское страхование, дифференциация направлений реабилитации, универсальный дизайн. К основным задачам государственной политики отнесено развитие и укрепление комплексной реабилитации, абилитации людей с инвалидностью, расширение использования ассистивных технологий, обеспечение доступности реабилитации на уровне местного сообщества. Медицинская помощь, терапия, вспомогательные технологии должны оказываться как можно раньше и как можно ближе к местам проживания людей с инвалидностью и их семей, расширяя их возможности независимого функционирования и участия в главных сферах жизни. Инвестиции в реабилитацию и абилитацию оправданы, поскольку позволяют наращивать человеческий потенциал данной группы населения, при этом государства играют важную роль в обеспечении финансового механизма реализации реабилитационных и абилитационных услуг, программ, планов.

Выполненный анализ положений международных документов показал, что реализация государственной политики по повышению уровня и качества жизни людей с инвалидностью обеспечивается на основе реабилитации и абилитации [7, с. 121]. Именно она является практическим механизмом по восстановлению функционального здоровья, формированию профессиональных способностей и навыков, созданию условий для осуществления трудовой деятельности и включения в общественную жизнь людей с инвалидностью. В настоящее время в международной практике реализуется целый ряд инициатив «Реабилитация 2030:

призыв к действиям» (2017), «Реабилитация в системах здравоохранения: руководства к действиям» (2019), «Укрепление реабилитации в системах здравоохранения» (2022), направленных на расширение, развитие и укрепление реабилитации и абилитации как содержательной основы деятельности государства по нивелированию последствий инвалидности населения. Реабилитационные мероприятия наряду с мерами по профилактике и укреплению здоровья должны оказываться не только людям с инвалидностью, но и всем лицам, имеющим нарушения функционального здоровья. Очевидно, что в перспективе реабилитационные программы станут неотъемлемой частью стратегий развития образования, рынка труда, социальной сферы.

На национальном уровне концептуальные положения управления реабилитацией и абилитацией людей с инвалидностью имеют свое практическое закрепление в нормативных правовых актах, государственных стратегических документах. Так, в Законе Республики Беларусь «О правах инвалидов и их социальной интеграции» определено, что реабилитация включает комплекс мер, направленных на полное или частичное восстановление нарушенных и (или) компенсацию утраченных функций органов или систем организма, способностей, навыков к бытовой, общественной, профессиональной и иной деятельности и их поддержание. Абилитация людей с инвалидностью направлена на формирование, развитие и поддержание отсутствовавших ранее функций органов или систем организма, способностей, навыков к бытовой, общественной, профессиональной и иной деятельности. Функции управления реабилитацией и абилитацией людей с инвалидностью нашли практическое отражение в Государственной программе «Социальная защита» на 2021—2025 годы, Государственной программе «Рынок труда и содействие занятости» на 2021—2025 годы, Национальном плане действий по реализации в Республике Беларусь положений Конвенции о правах инвалидов на 2017—2025 годы.

Проведенное научное исследование позволило определить концептуальные основы управления реабилитацией и абилитацией людей с инвалидностью, включающие цель, функции и принципы управления. В соответствии с положениями международных документов система реабилитации и абилитации людей с инвалидностью решает комплекс задач: 1) восстановление в полном объеме физических, умственных, профессиональных и социальных способностей; 2) обеспечение возможностей достижения и сохранения максимальной степени независимости; 3) включение во все главные сферы жизни; 4) сокращение бедности, удовлетворение основных потребностей и повышение качества жизни [8, с. 57]. На основе обобщения и синтеза основных решаемых задач нами сформулирована цель управления реабилитацией и абилитацией людей с инвалидностью — восстановление физического здоровья, компенсация ограничений жизнедеятельности и интеграция в социально-экономическое пространство страны людей с инвалидностью на основе согласования, реализации и развития каждого из направлений реабилитации и абилитации.

Основу механизма управления реабилитацией и абилитацией людей с инвалидностью составляют принципы управления объектом и его звеньями (направлениями реабилитации), которые включают:

- полное и эффективное вовлечение и включение в главные сферы жизни общества;
- равенство возможностей;
- добровольность и раннее начало реализации реабилитации и абилитации, основанное на многопрофильной оценке потребностей, сильных сторон лиц с инвалидностью;
- доступность реабилитационных и абилитационных услуг на региональном и национальном уровнях;
- обеспечение устойчивости программ реабилитации и абилитации людей с инвалидностью;
- охват всех этапов жизни людей с инвалидностью;
- дифференциация направлений реабилитации и абилитации;

- универсальный дизайн;
- международное сотрудничество.

Комплекс современных общих и специфических функций управления реабилитацией и абилитацией людей с инвалидностью включает: 1) планирование и координацию направлений, объемов, сроков, ответственных исполнителей программ, мероприятий реабилитации и абилитации людей с инвалидностью; 2) ресурсное (финансовое, кадровое, организационно-методическое, информационное, нормативное и правовое) обеспечение процессов реабилитации и абилитации; 3) стимулирование (мотивацию) организаций, индивидуальных предпринимателей, общественных объединений инвалидов по их участию в планировании и реализации отдельных направлений реабилитации и абилитации; 4) обеспечение доступности получения реабилитационных и абилитационных услуг, включая территориальное размещение организаций и учреждений, оказывающих услуги, согласование последовательности оказания услуг, их стоимость и качество; 5) мониторинг охвата реабилитационными услугами целевых групп и изменения их функционального состояния; 6) контроль за реализацией программ реабилитации и абилитации людей с инвалидностью.

Заключение. Долгосрочное устойчивое развитие стран возможно исключительно на условиях качественного развития человеческого потенциала и достижения высоких жизненных стандартов всех (в том числе социально уязвимых) групп населения. В международном сообществе реабилитация и абилитация признаны действенным механизмом восстановления функционального здоровья, формирования профессиональных способностей и навыков, создания условий для осуществления трудовой деятельности и включения в общественную жизнь людей с инвалидностью. На основе обобщения и синтеза положений современных международных документов обоснованы концептуальные основы механизма управления реабилитацией и абилитацией людей с инвалидностью, включающие цель, функции и принципы управления. Представленная концептуальная составляющая отражает содержание комплексного подхода к управлению реабилитацией и абилитацией людей с инвалидностью, определяет векторы ее дальнейшего развития.

Работа выполнена при финансовой поддержке БРФФИ (НИР «Комплексная оценка человеческого потенциала людей с инвалидностью в Республике Беларусь: теория и практика», договор № Г25-011 от 02.05.2025).

Список цитируемых источников

1. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года : принята резолюцией 70/1 Генер. Ассамблеи от 25 сен. 2015 г. // Организация Объединенных Наций. — URL: <https://docs.un.org/ru/A/RES/70/1> (дата обращения: 18.09.2025).
2. Стофарандова, В. В. Основные особенности и перспективы индекса человеческого развития в Российской Федерации / В. В. Стофарандова, Р. А. Абдусаламова // Экономика: вчера, сегодня, завтра. — 2022. — Т. 12, № 9-1. — С. 122—130.
3. Конвенция Организации Объединенных Наций о правах инвалидов : принята резолюцией 61/106 Генер. Ассамблеи от 13 дек. 2006 г. // Организация Объединенных Наций. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml (дата обращения: 18.09.2025).
4. Руководство по реабилитации на уровне общины : подписано в печать 19 мая 2010 г. Всемир. организаций здравоохранения. — URL: https://iris.who.int/bitstream/handle/10665/44405/9789241548052_introductory_rus.pdf?sequence=30 (дата обращения: 18.09.2025).
5. Инчонская стратегия обеспечения реальных прав инвалидов в Азиатско-Тихоокеанском регионе : принята Экон. и соц. комиссией для Азии и Тихого океана. — Бангкок : Организация Объедин. Наций, 2013. — 60 с.
6. Глобальный план действий ВОЗ по инвалидности на 2014—2021 гг. : принят резолюцией WHA67.7 Всемир. ассамблеи здравоохранения от 24 мая 2014 г. // Всемирная организация здравоохранения. — URL: https://docs.yandex.by/docs/view?tm=1758196137&tld=by&lang=ru&name=A67_16-ru.pdf&text=реабилитация%20на%20уровне%20общины&url=https%3A%2F%2Fapps.who.int%2Fgb%2Febwha%2Fpdf_files%2FWHA67%2FA67_16-ru.pdf&lr=21015&mime=pdf&l10n=ru&sign=0b0280c3cc4f8fc2c173a3f4c2bbdd5b&keyno=0&nosw=1&serp-Params=tm%3D1758196137%26tld%3Dby%26lang%3Dru%26name%3DA67_16-ru.pdf%26text%3D%25D1%2580%-

25D0%25B5%25D0%25B0%25D0%25B1%25D0%25B8%25D0%25BB%25D0%25B8%25D1%2582%25D0%25B0-%25D1%2586%25D0%25B8%25D1%258F%2B%25D0%25BD%25D0%25B0%2B%25D1%2583%25D1%2580%25D0%25BE%25D0%25B2%25D0%25BD%25D0%25B5%2B%25D0%25BE%25D0%25B1%25D1%2589%25D0%25B8%25D0%25BD%25D1%258B%26url%3Dhttps%253A%2F%2Fapps.who.int%2Fgb%2Febwha%2Fpdf_files%2FWHA67%2FA67_16-ru.pdf%26lr%3D21015%26mime%3Dpdf%26l10n%3Dru%26sign%3D0b0280c3cc4f8fc2c173a3f4c2bb-dd5b%26keyno%3D0%26nosw%3D1 (дата обращения: 18.09.2025).

7. *Воронина, Н. Ф.* Важность оценки человеческого потенциала в устойчивом развитии общества / Н. Ф. Воронина // Вестник Института дружбы народов Кавказа (Теория экономики и управления народным хозяйством). Экономические науки. — 2019. — № 3 (51). — С. 119—122.

8. *Лабейко, О. А.* Инвалидность населения и проблемы социальной реабилитации / О. А. Лабейко // Экономический бюллетень Научно-исследовательского экономического института Министерства экономики Республики Беларусь. — 2025. — № 6 (336). — С. 53—58.

9. О правах инвалидов и их социальной интеграции : Закон Респ. Беларусь от 30 июня 2022 г. № 183-3 // ЭТАЛОН : информ.-правовая система (дата обращения: 11.10.2025).

Поступила в редакцию 10.11.2025.

Репозиторий БарГУ

УДК 336.6

О. М. Смолякова, кандидат экономических наук, доцентМинский филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения
высшего образования «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
ул. Радиальная, 40, 220070 Минск, Республика Беларусь, omsmolyakova@reu.by

ОЦЕНКА ФИНАНСОВОЙ СОСТОЯТЕЛЬНОСТИ СУБЪЕКТОВ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ С УЧЕТОМ ФАКТОРОВ ВРЕМЕНИ И ДЕНЕЖНОЙ ДОСТАТОЧНОСТИ

В статье рассматривается методика проведения анализа финансовой состоятельности субъектов хозяйствования с использованием новых подходов к оценке имущества и обязательств. В работе использованы как традиционные показатели, такие как коэффициенты текущей ликвидности, обеспеченности обязательств имуществом, так и разработаны новые подходы с использованием корректировок данных исходя из оборачиваемости активов и сроков погашения обязательств. Внимание уделяется также анализу денежных потоков, в частности, их достаточности для обеспечения текущей деятельности. Предложенные подходы позволяют учитывать специфику современного бизнеса и повышают точность прогнозирования финансовых рисков. Вариативность расчета показателей представлена на примере конкретного субъекта хозяйствования. Результаты исследования могут быть использованы руководителями, специалистами по финансовому менеджменту и аналитиками для повышения эффективности управления финансами и предотвращения возможных кризисных ситуаций. Работа также способствует развитию теоретических основ оценки финансового состояния и предлагает практические инструменты для их реализации в условиях современной экономики.

Ключевые слова: финансовое состояние; платежеспособность; анализ рисков; банкротство; ликвидность; оценка активов; оборачиваемость; дисконтирование; обязательства; денежные потоки.

Табл. 5. Библиогр.: 6 назв.

O. M. Smaliakova, PhD in Economics, Associate ProfessorMinsk branch of the Plekhanov Russian University of Economics,
40 Radialnaya Str., 220070 Minsk, the Republic of Belarus, omsmolyakova@reu.by

ASSESSMENT OF THE FINANCIAL VIABILITY OF BUSINESS ENTITIES TAKING INTO ACCOUNT THE FACTORS OF TIME AND CASH SUFFICIENCY

The methodology for analyzing the financial viability of business entities using new approaches for assessing assets and liabilities is discussed in this article. The work uses both traditional indicators, such as current liquidity ratios, security of liabilities with assets, and new approaches have been developed using data adjustments based on asset turnover and maturity of liabilities. Attention is also paid to the analysis of cash flows, in particular, their sufficiency to ensure the current operations. The proposed approaches allow taking into account the specifics of modern business and increase the accuracy of forecasting financial risks. The variability of the calculation of indicators is presented using the example of a specific business entity. The results of the study can be used by managers, financial specialists and analysts to improve the efficiency of financial management and prevent possible crisis situations. The work also contributes to the development of theoretical foundations for assessing the financial condition and offers practical tools for their implementation in the modern economy.

Key words: financial condition; solvency; risk analysis; bankruptcy; liquidity; asset valuation; turnover; discounting; liabilities; cash flows.

Table 5. Ref.: 6 titles.

Введение. Современная экономика характеризуется высокой динамичностью и неопределенностью, что требует от субъектов хозяйствования постоянного мониторинга и оценки своего финансового состояния. Своевременное выявление потенциальных рисков неплатежеспособности и банкротства является важным условием обеспечения устойчивости и конкурентоспособности. Традиционные методы анализа, основанные на использовании стандарт-

ных коэффициентов и финансовых показателей, зачастую не позволяют полностью учесть все аспекты финансового положения. В связи с этим актуальной становится разработка и внедрение новых подходов в экономическом анализе, которые позволят более точно диагностировать риски, связанные с финансовой несостоятельностью.

Цель работы — развитие теоретических основ оценки финансового состояния субъектов хозяйствования и создание практических рекомендаций по использованию новых подходов для повышения эффективности управления финансами.

Материалы и методы исследования. Методологической основой исследования явились материалы, включающие финансовую отчетность, статистические данные и аналитические отчеты, а также нормативно-правовые документы, регулирующие вопросы финансового анализа и управления. Теоретические аспекты анализа финансового состояния и оценки рисков банкротства включают мониторинг экономической литературы, монографий, научных трудов отечественных и зарубежных ученых, экономистов. Методы исследования включают анализ и синтез данных, методы индукции и дедукции, сравнительный анализ традиционных и новых подходов к оценке финансового состояния субъектов хозяйствования. В работе использовались статистические методы анализа данных (расчет дисперсии, вариации), а также методы финансового анализа (расчет коэффициентов ликвидности, платежеспособности и оборачиваемости активов, дисконтирование финансовых потоков).

Результаты исследования и их обсуждение. До недавнего времени в Республике Беларусь применялась единая методология проведения анализа финансового состояния и платежеспособности субъектов хозяйствования; действовали нормативные правовые акты, определявшие перечень показателей платежеспособности, ликвидности, методику их расчета, а также закреплявшие нормативные значения, выполнение которых позволяло сделать выводы о финансовом состоянии: постановление Совета Министров Республики Беларусь от 12.12.2011 № 1672 «Об определении критериев оценки платежеспособности субъектов хозяйствования» [1] и постановление Министерства финансов Республики Беларусь и Министерства экономики Республики Беларусь от 27.12.2011 № 140/206 «Об утверждении инструкции о порядке расчета коэффициентов платежеспособности и проведения анализа финансового состояния и платежеспособности субъектов хозяйствования» [2].

С принятием в 2022 году Закона Республики Беларусь «Об урегулировании неплатежеспособности» [3] указанные документы утратили силу. В настоящее время нормативным документом, регулирующим порядок оценки риска банкротства субъектов хозяйствования в Республике Беларусь, является постановление Министерства экономики Республики Беларусь, Министерства финансов Республики Беларусь от 07.08.2023 № 16/46 «Об оценке степени риска наступления банкротства» [4]. В указанном документе для оценки степени риска наступления банкротства предложено использовать два показателя: коэффициент обеспеченности обязательств имуществом и коэффициент просроченных обязательств. Проведение финансовой диагностики требует комплексного подхода и использования более широкого спектра показателей. Поэтому специалисты, как правило, применяют дополнительные критерии, опираясь на упомянутые выше, но утратившие юридическую силу нормативные документы, а также на методики, рекомендованные приказом Министерства финансов Республики Беларусь от 14.10.2021 № 351 «Об утверждении методических рекомендаций по проведению комплексной системной оценки финансового состояния организации» [5].

Анализ как действующих, так и утративших силу документов показывает, что применяемые методики оценки платежеспособности, финансового состояния и риска банкротства базируются в основном на показателях соотношения различных видов имущества и обязательств. При этом игнорируются сроки погашения задолженностей, фактическая ликвид-

ность активов, а также движение денежных средств, что может привести к неверным выводам, так как значения показателей будут вполне приемлемыми, но субъект хозяйствования не будет иметь реальных возможностей рассчитываться по своим обязательствам.

Проведем анализ на примере ОАО «Климовичский ликеро-водочный завод», в отношении которого по данным Единого государственного реестра сведений о банкротстве [6] в 2017 году было возбуждено производство по делу об экономической несостоятельности (банкротстве), находящегося с 2018 года по настоящее время в стадии санации. Все расчеты в исследовании проведены на основании открытых данных (финансовая отчетность данного субъекта хозяйствования). В первую очередь оценим его платежеспособность и риски банкротства за период с 2017 по 2024 год (таблицы 1, 2).

Анализ показал, что, согласно действовавшим на момент признания субъекта хозяйствования несостоятельным методикам, его неплатежеспособность приобрела устойчивый характер. Если обратиться к современным подходам оценки финансовой состоятельности, то степень риска его банкротства за период с 2018 по 2023 год может быть оценена от низкой до высокой (в зависимости от доли просроченных долгов). В период с 2023 года по настоящее время она не может быть диагностирована выше средней (вне зависимости от наличия просроченной задолженности).

Значимым недостатком обоих подходов является непринятие во внимание фактической ликвидности имущества и сроков погашения обязательств. На практике часть имущества может формально относиться к группе высоколиквидных активов, но таковой фактически не являться (труднореализуемые продукция и товары, сомнительная дебиторская задолженность, неиспользуемые материалы). Ликвидность активов субъекта хозяйствования предлагаем определять исходя из скорости их оборота (таблица 3).

Т а б л и ц а 1. — Оценка платежеспособности ОАО «Климовичский ликеро-водочный завод» за 2017—2024 годы

Показатель	Норматив	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Коэффициент текущей ликвидности K1	Не менее 1,7	0,63	1,56	2,18	2,22	1,90	2,00	1,74	1,21
Коэффициент обеспеченности собственными оборотными средствами K2	Не менее 0,3	-0,59	0,36	0,54	0,55	0,47	0,50	0,43	0,18
Коэффициент обеспеченности обязательств активами K3	Не более 0,85	0,85	0,81	0,76	0,71	0,85	0,72	0,65	0,58
Заключение о платежеспособности		Н / пл	Н / пл	Пл	Пл	Пл	Пл	Пл	Пл

Примечание — Использованы методики, рекомендованные постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 12 декабря 2011 года № 1672 [1] и постановлением Министерства финансов Республики Беларусь и Министерства экономики Республики Беларусь от 27 декабря 2011 года № 140/206 [2] (по состоянию на 2025 год утратили юридическую силу).

Т а б л и ц а 2. — Оценка степени риска банкротства ОАО «Климовичский ликеро-водочный завод» за 2017—2024 годы

Показатель	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Коэффициент обеспеченности обязательств имуществом	0,85	0,81	0,76	0,71	0,85	0,72	0,65	0,58
Коэффициент просроченных долгов	Данных нет в свободном доступе							

Примечание — Использованы методики, установленные постановлением Министерства экономики Республики Беларусь и Министерства финансов Республики Беларусь от 7 августа 2023 года № 16/46 [4].

Т а б л и ц а 3. — Показатели оборачиваемости задолженности и активов ОАО «Климовичский ликеро-водочный завод» за 2017—2024 годы, дни

Показатель	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Оборачиваемость краткосрочной дебиторской задолженности*	378	309	288	233	216	214	262	270
Оборачиваемость запасов*	165	171	191	178	147	103	120	116
Оборачиваемость совокупных активов**	683	618	511	381	276	281	375	388

Примечания: * — для расчета показателей использованы методики, рекомендованные приказом Министерства финансов Республики Беларусь от 14 октября 2021 года № 351 [5].

** — расчет произведен исходя из среднегодовой стоимости всех активов и всех доходов по текущей и инвестиционной деятельности.

На наш взгляд, стоимость активов, оборачиваемость которых превышает год, должна быть уменьшена с учетом их оборачиваемости (стоимость данного вида активов умножается на коэффициент их оборачиваемости):

$$A_{\text{ск}} = \sum A_{\text{вл}}^i + \sum (A_{\text{нл}}^i K_{\text{об}}^i), \quad (1)$$

где $A_{\text{ск}}$ — скорректированная стоимость активов;

$A_{\text{вл}}^i$ — стоимость i -й группы активов, период оборота которых составляет менее года (высоколиквидные активы);

$A_{\text{нл}}^i$ — стоимость i -й группы активов, период оборота которых составляет более года (низколиквидные активы);

$K_{\text{об}}^i$ — коэффициент оборачиваемости i -й группы активов (количество дней отчетного периода / период оборачиваемости i -й группы активов).

Сроки погашения обязательств также должны приниматься во внимание при оценке платежеспособности субъекта хозяйствования, так как возможности по погашению долгосрочных обязательств заведомо шире. В связи с этим в отношении данной группы обязательств предлагается использовать метод дисконтирования:

$$O_{\text{ск}} = \text{КО} + \text{ДО} / (1 + r / 12)^{12} \quad (2)$$

где $O_{\text{ск}}$ — скорректированная величина обязательств;

КО — величина краткосрочных обязательств (по данным бухгалтерского баланса, строка 690);

ДО — величина долгосрочных обязательств (по данным бухгалтерского баланса, строка 590);

r — ставка дисконта (в качестве дисконта может применяться ставка рефинансирования Национального банка Республики Беларусь).

Произведем перерасчет показателей платежеспособности и степени риска банкротства ОАО «Климовичский ликеро-водочный завод» за период с 2017 по 2024 год с использованием скорректированной стоимости активов и обязательств по (1) и (2). Расчеты показали, что при принятии во внимание оборачиваемости активов и при дисконтировании долгосрочных обязательств значения критериев финансовой состоятельности субъекта хозяйствования меняются: несмотря на позитивную динамику показателей, рассчитанных по традиционным методикам, результаты предлагаемого варианта анализа демонстрируют наличие у исследуемого субъекта хозяйствования периодических проблем с текущей платежеспособностью, а также значительных рисков банкротства, что объясняется, прежде всего, низкой оборачиваемостью его активов (таблица 4).

Т а б л и ц а 4. — Показатели платежеспособности и риска банкротства ОАО «Климовичский ликеро-водочный завод» (с учетом сроков погашения обязательств и оборачиваемости активов) за 2017—2024 годы

Показатель	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Коэффициент текущей ликвидности $K1$	0,61	1,56	2,18	2,22	1,90	2,00	1,74	1,21
Коэффициент обеспеченности обязательств активами $K3$ / коэффициент обеспеченности обязательств имуществом	1,59	0,77	1,00	1,44	1,85	1,47	1,54	1,63

Примечание — Для расчета дисконта применена ставка рефинансирования Национального банка Республики Беларусь 9,75 %; величина активов скорректирована с учетом их оборачиваемости (см. таблицу 3).

Поскольку в бухгалтерском учете Республики Беларусь используется метод начисления (т. е. доходы и расходы находят отражение в учете и отчетности не по факту поступления и расходования денежных средств, а по мере их признания таковыми), то для комплексной оценки платежеспособности субъектов хозяйствования необходимо проанализировать его денежные потоки. Традиционная методика анализа движения денежных средств предполагает расчет показателей общего чистого денежного потока, чистого денежного потока по текущей деятельности, свободного денежного потока [5].

Показатели общего чистого денежного потока и свободного денежного потока могут демонстрировать как ложноположительное (например, за счет получения заемных средств или недофинансирования инвестиционной деятельности), так и ложноотрицательное (например, при направлении значительных денежных средств на приобретение долгосрочных активов или финансовые вложения) значения. Показатель чистого денежного потока по текущей деятельности не учитывает изменение деловой активности субъекта хозяйствования: при ее росте чистый денежный поток по текущей деятельности может существенно не изменяться, но при этом оставаться положительным. Однако эта диспропорция в перспективе может привести к кассовым разрывам и неплатежеспособности.

Поскольку стабильно функционирующий субъект хозяйствования генерирует основной положительный денежный поток за счет выручки от реализации продукции, товаров (выполнения работ, оказания услуг), то наиболее объективным представляется использование критерия достаточности выручки для финансирования текущей деятельности. Показатель возможно рассчитать на основе данных отчета о движении денежных средств как отношение сумм поступлений от покупателей продукции, товаров (заказчиков работ, услуг) (строка 021) к сумме средств, направленных на финансирование текущей деятельности (строка 030):

$$K_{\text{дост. выр}} = \frac{\text{Денежные средства, полученные от покупателей продукции (товаров, работ, услуг)}}{\text{Денежные средства, направленные на финансирование текущей (основной) деятельности}}. \quad (3)$$

При сопоставлении значений традиционных показателей движения денежных средств и предложенного критерия — коэффициента достаточности выручки (3) — можно прийти к определенным выводам (таблица 5). Во-первых, показатели чистого денежного потока и свободного денежного потока демонстрируют флуктуацию (рост за счет вливания положительного денежного потока от выбытия инвестиционных активов, получения кредитных средств, затем снижения за счет выплат процентов по вновь полученным заемным ресурсам и т. д.). Во-вторых, при сравнении значений традиционных показателей движения денежных средств между собой можно наблюдать, что в отдельные периоды одни из них демонстрируют недостаток у субъекта хозяйствования денежных ресурсов, в то время как другие — их профицит (например, в 2018 году). В-третьих, предложенный показатель доста-

точности финансирования текущей деятельности не подвержен влиянию единичных финансовых событий: его среднее квадратическое отклонение за семь исследованных периодов составляет менее 0,06, а коэффициент вариации — 5,6 %, что можно признать незначительными колебаниями.

Рекомендуемое значение показателя достаточности выручки — более единицы, поскольку положительный денежный поток от реализации продукции (товаров, работ, услуг) призван в полном объеме финансировать текущую деятельность и обновление долгосрочных активов. При величине предложенного критерия менее единицы для обеспечения текущей деятельности субъекты хозяйствования вынуждены прибегать ко внешним заимствованиям, реализации иных активов (запасов, долгосрочных активов), изъятию средств из финансовых вложений.

Тот факт, что у исследуемого субъекта хозяйствования значение показателя достаточности финансирования текущей деятельности за счет поступлений от покупателей и заказчиков ненамного превышает требуемое значение, а в некоторые периоды даже не достигает данной отметки, свидетельствует о том, что до настоящего момента ОАО «Климовичский ликеро-водочный завод» продолжает испытывать денежный дефицит при финансировании текущей деятельности и обновлении своих производственных фондов. Эти же выводы подтверждаются ранее произведенным расчетом показателей платежеспособности и риска банкротства с учетом фактора времени.

Т а б л и ц а 5. — Показатели движения денежных средств ОАО «Климовичский ликеро-водочный завод» за 2017—2024 годы

Показатель	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Общий чистый денежный поток, тыс. руб.	*	44	797	2 895	3 831	-7 265	720	3 859
Чистый денежный поток по текущей деятельности, тыс. руб.	*	457	3 019	7 749	9 359	-1 157	7 866	11 361
Свободный денежный поток, тыс. руб.	*	-29	2 535	7 129	8 765	-1 700	7 110	10 324
Коэффициент достаточности выручки	*	0,94	0,97	1,06	1,07	0,98	1,06	1,08

Примечание — * — нет возможности рассчитать показатель в связи с отсутствием информации в открытом доступе.

Заключение. Результаты исследования продемонстрировали, что для комплексной оценки финансовой состоятельности субъектов хозяйствования необходимо учитывать не только его бухгалтерские показатели, но и применять их экономическую интерпретацию. В ходе исследования были разработаны и апробированы подходы, которые позволят объективно оценивать и своевременно идентифицировать потенциальные риски, связанные с низкой ликвидностью, проблемной платежеспособностью и возможностью банкротства. Использование инновационных подходов, таких как корректировка традиционных коэффициентов с учетом специфики активов и обязательств конкретного субъекта хозяйствования, оценка достаточности денежных потоков, призвано значительно повысить качество диагностики его финансового состояния. Внедрение предложенных методов направлено на снижение вероятности возникновения непредвиденных кризисных ситуаций, а также развитие теоретической базы финансового анализа и повышение его эффективности в условиях современной экономики.

Список цитируемых источников

1. Об определении критериев оценки платежеспособности субъектов хозяйствования : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 12 дек. 2011 г. № 1672 // iLex : информ. правовая система (дата обращения: 10.07.2025).
2. Об утверждении Инструкции о порядке расчета коэффициентов платежеспособности и проведения анализа финансового состояния и платежеспособности субъектов хозяйствования : постановление М-ва финансов Респ. Беларусь и М-ва экономики Респ. Беларусь от 27 дек. 2011 г. № 140/206 // iLex : информ. правовая система (дата обращения: 10.07.2025).
3. Об урегулировании неплатежеспособности : Закон Респ. Беларусь от 13 дек. 2022 г. № 227-3 // iLex : информ. правовая система (дата обращения: 20.07.2025).
4. Об оценке степени риска наступления банкротства : постановление М-ва экономики Респ. Беларусь, М-ва финансов Респ. Беларусь от 7 авг. 2023 г. № 16/46 // iLex : информ. правовая система (дата обращения: 20.07.2025).
5. Об утверждении Методических рекомендаций по проведению комплексной системной оценки финансового состояния организации : приказ М-ва финансов Респ. Беларусь от 14 окт. 2021 г. № 351 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 20.07.2025).
6. Единый государственный реестр сведений о банкротстве : [сайт]. — Мн., 2014—2025. — URL: <https://bankrot.gov.by/> (дата обращения: 25.07.2025).

Поступила в редакцию 10.11.2025.

УДК 330.342.24

К. И. Шарова, кандидат экономических наук, доцент
Учреждение образования «Барановичский государственный университет», ул. Войкова, 21,
225404 Барановичи, Республика Беларусь, kseniya86@mail.ru

ЭКОНОМИКА ЗНАНИЙ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И ЭВОЛЮЦИЯ КОНЦЕПЦИЙ

В статье рассматривается эволюция концепции экономики знаний в контексте возникновения и распространения технологий искусственного интеллекта. Анализируются ключевые теоретические подходы к пониманию постиндустриального общества, информационной, инновационной и креативной экономики. Обосновывается тезис о том, что современный этап экономики знаний характеризуется симбиозом человеческого и искусственного интеллекта при сохранении ведущей роли знаний как базового фактора общественного производства. Предлагается уточнённая периодизация экономики знаний, подчёркивается необходимость формирования интеллектуальной инфраструктуры для её развития.

Ключевые слова: знания; экономика знаний; искусственный интеллект; информационно-коммуникационные технологии; человеческий капитал.

Библиогр.: 22 назв.

K. I. Sharova, PhD in Economics, Associate Professor
Institution of Education "Baranavichy State University", 21 Voikova Str.,
225404 Baranavichy, the Republic of Belarus, kseniya86@mail.ru

KNOWLEDGE ECONOMY: THEORETICAL FOUNDATIONS AND EVOLUTION OF CONCEPTS

The article examines the evolution of the knowledge economy concept in the context of the emergence and proliferation of artificial intelligence (AI) technologies. It analyzes key theoretical approaches to understanding post-industrial society, information, innovation and creative economies. The central argument is that the current stage of the knowledge economy is characterized by a symbiosis of human and artificial intelligence, while knowledge remains the foundational factor of social production. The paper proposes an updated periodization of the knowledge economy and emphasizes the need for developing intellectual infrastructure for its advancement.

Key words: knowledge; knowledge economy; artificial intelligence; information and communication technologies; human capital.

Ref.: 22 titles.

Введение. В современном мире важнейшую роль играют знания, информация, интеллектуальный человеческий капитал, информационные технологии. Они генерируют научные исследования, обеспечивают функционирование инновационных производств, повышают конкурентоспособность субъектов хозяйствования. Именно персонал с его знаниями обеспечивает динамичное развитие компаний, их устойчивость на рынке и высокую адаптивность к меняющимся условиям хозяйствования. Традиционные факторы производства, такие как земля, капитал, по-прежнему играют важную роль, однако их значение в успешном функционировании и отдельных компаний, и экономики в целом постепенно снижается и переходит к знаниям, расширенное воспроизводство которых в системе постиндустриальных общественно-экономических отношений становится все более актуальным. Данный процесс сопровождается появлением технологий искусственного интеллекта, которые оказывают беспрецедентное влияние на мировую экономику, рынок труда в целом, на каждого субъекта рынка труда в частности.

Это требует переосмысления подходов к экономике знаний, ее периодизации, поскольку появление технологий искусственного интеллекта значительно меняет ее движущие силы на современном этапе.

Материалы и методы исследования. Значительный вклад в осмысление современных тенденций развития общества внесли З. Бауман, Д. Белл, П. Друкер, В. Л. Иноземцев, М. Кастельс, Ж.-Ф. Лиотар, Ф. Махлуп, М. Порат, П. Ромер, Э. Тоффлер, А. Турен, которые рассматривали повышение роли знаний, появление высокотехнологичных отраслей, расширение сферы услуг, внедрение информационных сетевых технологий, а также прогресс сферы услуг как закономерные явления эволюции экономической системы. Отечественная и зарубежная теория и практика располагают различными подходами к формированию концепций нового этапа экономического развития. Проблемы формирования и развития экономики знаний исследовались в трудах российских и белорусских исследователей: А. В. Бондаря, А. В. Данильченко, Ю. И. Енина, Л. Н. Давыденко, Г. Б. Клейнера, М. М. Ковалева, П. С. Лемещенко, В. Л. Макарова, М. В. Мясниковича, Л. Н. Нехорошевой, П. Г. Никитенко. В их работах знания рассматриваются в качестве ресурса современного общества, обоснована их роль в темпах роста национального богатства страны, выявляются проблемы развития белорусской экономики в условиях становления постиндустриального общества и экономики знаний.

Вместе с тем до настоящего времени отсутствует четкая идентификация категории «экономика знаний», а также комплексная теоретическая концепция экономики знаний в постиндустриальном обществе, не выявлены факторы ее развития. Осознание знаний в качестве базового фактора производства требует формирования новых представлений об эволюции экономики, а появление искусственного интеллекта и вовсе требует пересмотра периодизации экономики знаний и выработку новых механизмов ее регулирования. Недостаточная научная разработанность указанных проблем, их важное практическое значение обусловили необходимость дальнейшего развития теоретических основ экономики знаний.

В данной статье используются общенаучные методы исследования. Информационной базой послужили научные труды и статьи современных отечественных и зарубежных ученых.

Результаты исследования и их обсуждение. Осмысление перемен мирового социально-экономического развития второй половины XX и начала XXI века позволило социологам и экономистам, в числе которых следует отметить Д. Белла, Дж. Гэлбрейта, В. Иноземцева, Э. Тоффлера, М. Пората, З. Баумана, Ж.-Ф. Лиотара, П. Друкера, М. Кастельса, А. Турена, Ф. Махлупа, создать концепции, отражающие данный этап общественной динамики и его ближайшие перспективы. В основу концепций положена гипотеза об исключительной роли интеллектуализации, знаний и информации, образования и науки в современном мире.

Так, по мнению Д. Белла, успехи того или иного общества все в большей мере определяются инновациями и нововведениями, которые непосредственно являются продуктом теоретической науки. Ученый подчеркивает, что теоретическое знание становится главным ресурсом нового общества [1, с. 17—18].

На кодифицированных знаниях в форме информации базируется концепция информационного общества, утверждающая доминирование производства информационного продукта над производством материальных ценностей [2—4].

Представитель теории постмодернизма Ж.-Ф. Лиотар отмечал, что «по мере вхождения общества в эпоху, называемую постиндустриальной, изменяется статус знания» [5, с. 14].

На новый тип личности и индивидуализацию обращает внимание в своей доктрине индивидуализированного общества З. Бауман [6].

В. Иноземцевым в рамках концепции постэкономического общества сделан вывод о роли науки и знаний в развитии современного производства и формировании новых качеств работника [7, с. 28].

В известной теории общества третьей волны Э. Тоффлера переход к постиндустриальному этапу объясняется влиянием технологической революции [8].

Таким образом, переход от индустриальной к постиндустриальной парадигме развития, где знания, информация и инновации выступают основными источниками экономического

роста, требует глубокого теоретического осмысления и выработки адекватного методологического инструментария.

Закономерно появляются концепции постиндустриальной экономики, экономики знаний, информационной экономики, сетевой экономики, новой экономики и др.

Стоит отметить, что термин «экономика знаний» впервые встречается в работах Ф. Махлупа, который выделил производство и распространение знаний как ключевой сектор экономики [9]. Данное определение в узком плане представляет собой совокупность экономических секторов, специализирующихся на информационных и телекоммуникационных технологиях, которые сегодня определяются термином «цифровая экономика».

В то же время целесообразно предположить, что экономику знаний следует рассматривать, обозначая тип экономики в целом, который присущ стране, где знания играют решающую роль, а производство знаний становится источником роста.

При этом многие авторы делают попытки разграничить понятия постиндустриальной, инновационной, креативной экономики и экономики знаний.

Так, М. Кудина утверждает, что экономику знаний можно трактовать как высший этап развития постиндустриальной (инновационной) экономики, где главным фактором и целью развития и роста становятся знания и человеческий капитал [10, с. 31].

Н. И. Хасанхонова отмечает, что экономика знаний отличается от инновационной экономики, которая также базируется на знаниях и инновациях, тем, что она включает в себя более глубокую интеграцию научных исследований, образования и производства. То есть экономика знаний — это высшая ступень инновационной экономики, позволяющая максимально эффективно использовать интеллектуальный потенциал страны и создавать новые продукты и услуги с высокой добавленной стоимостью [11, с. 468].

В последние годы появилась концепция креативной экономики, которая фокусирует внимание на вопросах возникновения экономических систем, в которых главным драйвером развития является творчество.

Так, А. В. Данильченко выделяет креативную экономику как следующий этап после экономики знаний, подчеркивая, что ключевой ресурс в ней — знания и творчество человеческого и искусственного интеллекта [12, с. 67]. Под знаниями понимается симбиоз машины и человека.

Действительно, в современном мире на передовые позиции выходят технологии искусственного интеллекта, которые наряду со знаниями и интеллектуальным капиталом составляют основу общественного развития. Более того, некоторые экономисты, например британский экономист Р. Бутл, называют грядущие десятилетия «экономикой искусственного интеллекта» [13].

Тем не менее стоит указать на тот факт, что искусственный интеллект был порождением естественного, человеческого интеллекта, а значит, в основе лежат знания носителей человеческого капитала. Искусственный интеллект — это материализованное знание, результат фундаментальных исследований, которые лежат в основе теории постиндустриального общества.

Г. Б. Клейнер как современный этап развития выделяет интеллектуальную экономику. Он подчеркивает, что «наряду с *homoeconomicus* и *homoinstitutionis* должна быть существенно расширена популяция *homointellectualis* — работников творческого интеллектуального труда, для которых труд является не столько источником материальных благ, сколько смыслом существования» [14].

При этом работник творческого интеллектуального труда четко коррелирует с работником знания Друкера [15]. Работник знания обладает способностью к креативу, творчеству, при этом способен постигать новые технологии, в том числе искусственный интеллект и др. Эти работники становятся основным фактором производства экономики знаний, при этом способны работать удаленно, имея лишь технологическую базу и объем накопленных знаний в определенной области. Такие работники получают больший доход или отдачу от своего

интеллектуального капитала. Это расходится с представлениями о традиционных специалистах, которые могут на протяжении всей жизни не обновлять знания, полученные традиционной системой образования [16, с. 86].

В данной связи «интеллектуальность» и «креативность» логично вписываются в рамках концепции экономики знаний как современного типа экономической системы постиндустриального общества. Именно использование термина «знание» как результата сформированного интеллекта и как фактора общественного производства предполагается наиболее логичным к употреблению в новую эпоху. Экономику знаний целесообразно считать высшей формой проявления всех изменений, связанных с постоянными инновациями, информацией, креативностью и культурой, что позволяет положить эту концепцию в основу «моделирования» нового типа экономики [17, с. 86].

Согласно исследованиям А. В. Данильченко и С. А. Харитоновича, с 2000 года лидером по упоминанию в литературе становится термин «экономика знаний», а использование информационной и постиндустриальной экономики у авторов и исследователей снижается. При этом, как верно подчеркивают ученые, «основой “экономики знаний” стало развитие постиндустриального и информационного общества... данное понятие эволюционирует на технологиях и социально-экономических институтах предшествующих укладов» [12, с. 66].

Таким образом, концепция экономики знаний наиболее логично ложится в рамках методологии постиндустриального общества как общественного строя в современном мире.

На сегодня наиболее четкая периодизация экономики знаний представлена в трудах профессора А. В. Бондаря, который выделяет три этапа ее формирования. Первый этап характеризуется становлением постиндустриального общества и связан с глубоким проникновением науки в производство (50—70-е годы), второй этап характеризуется становлением концепций «информационного общества, вытекающих из широкого оснащения производства компьютерной техникой и информационно-коммуникационными технологиями» (70—90-е годы), третий этап рассматривается в контексте теорий «инновационно ориентированного, сетевого, глобального общества» (90-е годы и по настоящее время) [18, с. 30].

В то же время наступает новая фаза экономики знаний, в основу которой положен созданный человеческим интеллектом генеративный искусственный интеллект. И если ранее знания создавались человеком, ученым, который обрабатывает информацию, делает выводы, принимает решения, то теперь знания создаются тандемом «человек и искусственный интеллект». В экономике знаний роль искусственного интеллекта заключается в стимулировании и масштабировании научных исследований и разработок за счет, например, анализа больших данных, генерации новых гипотез, возможностей проводить эксперименты и симуляции без особых затрат. Искусственный интеллект сегодня становится соисследователем и усилителем когнитивных способностей человека. А главной чертой нового этапа экономики знаний является ускорение генерации новых научных знаний за счет искусственного интеллекта.

При этом необходимо подчеркнуть, что знание как результат познавательной деятельности людей остается основным фактором общественного производства, поскольку именно в эпоху повсеместного распространения и использования искусственного интеллекта требуется большее вовлечение и участие человека, контроль со стороны человека за этическими и правовыми рамками, системный анализ и системное знание — то, что неподвластно искусственному интеллекту. Возрастает роль неявных знаний, к которым следует относить и эмоциональный интеллект, и владение информационными технологиями, в том числе беглое понимание и владение технологиями искусственного интеллекта.

Все это определяет по-прежнему ведущую роль знаний и человеческого капитала в современной экономике. Неоспоримо, что экономика знаний основана на человеческом потенциале, на знаниях, способностях и компетенциях человека, его квалификации [19, с. 8].

А. В. Бондарь отмечает, что, воплощаясь в человеческом и в первую очередь в интеллектуальном капитале, знания проявляются как следствие достижения личностью высокого интеллектуального уровня [18, с. 31]. Позднее он подчеркивает, что в конечном итоге чело-

веческий интеллектуальный капитал лежит в основе практически всех процессов социально-экономического прогресса в экономике знаний [20, с. 89].

В то же время вполне закономерно, что современный подход к человеческому капиталу должен учитывать не только традиционные аспекты здоровья, образования и квалификации, но и способность человека к быстрой адаптации и обучению в условиях цифровой трансформации экономики [21, с. 69].

Система управления знаниями и интеллектуальным человеческим капиталом также претерпевает изменения с возросшей ролью искусственного интеллекта. Основной задачей в современных условиях становится интеграция человеческого капитала с искусственным интеллектом. Для эффективного накопления интеллектуального человеческого капитала в современных условиях необходимо научиться объединять возможности чат-ботов, генераторов изображений, аудио и видео для решения конкретных задач, а также развивать навык создавать цепочки запросов к нейросервисам. Это определяет новое понимание к элементам накопления человеческого интеллектуального капитала в условиях цифровой трансформации общества [22, с. 233].

Таким образом, человеческий интеллектуальный капитал в сочетании с искусственным интеллектом становится основополагающим фактором общественного производства экономики знаний. А для успешного становления экономики знаний должна быть сформирована определенная интеллектуальная инфраструктура. Наиболее важным в современном мире представляется повышение цифровой грамотности через популяризацию нейросетей через СМИ и образовательные программы, запуск национальных проектов по обучению населения работе с нейросетями, внедрение систем материального и морального стимулирования использования цифровых технологий с доминантой искусственного интеллекта.

Заключение. Становление теории экономики знаний происходило на основе развития и сложных комбинаций разнообразных теоретических моделей. Экономика знаний является вполне исчерпывающим определением современного типа экономической системы с четкой периодизацией и выделением таких черт нынешнего этапа ее становления, как появление искусственного интеллекта, расширение креативности и творчества работников и т. д. Факторы производства в экономике знаний трансформируются, значительную долю начинают занимать нематериальные активы, интеллектуальный капитал, человеческий и искусственный интеллект. Использование знаний как основного ресурса и воплощение их в человеческом интеллектуальном капитале дало свое проявление в виде создания искусственного интеллекта, причем последний выступает генератором повышения эффективности всех факторов производства. В целом экономическая политика государства, направленная на развитие экономики знаний, включает в себя мероприятия по созданию интеллектуальной среды, повышения цифровой грамотности, стимулирования научной активности, внедрения знаний и искусственного интеллекта во все сферы экономики. Только тогда можно с уверенностью говорить о полномасштабном становлении экономики знаний.

Список цитируемых источников

1. *Белл, Д.* Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл ; пер. с англ. — М. : Academia, 1999. — 956 с.
2. *Кастельс, М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс ; пер. с англ. ; под ред. О. И. Шкаратана. — М. : ГУ ВШЭ, 2000. — 608 с.
3. *Porat, M.* The Information Economy: Development and Measurement / M. Porat, M. Rubin. — Wash., 1978. — 135 с.
4. *Masuda, Y.* The information Society as Post-Industrial Society / Y. Masuda. — Wash., 1981. — 215 с.
5. *Лиотар, Ж.-Ф.* Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар ; пер. с фр. Н. А. Шматко. — М. : Ин-т эксперимент. социологии ; СПб. : Алетейя, 1998. — 160 с.
6. *Бауман, З.* Индивидуализированное общество / З. Бауман ; пер. с англ. ; под ред. В. Л. Иноземцева. — М. : Логос, 2002. — 390 с.

7. *Иноземцев, В. Л.* Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы : учеб. пособие для студентов вузов / В. Л. Иноземцев. — М. : Логос, 2000. — 304 с.
8. *Тоффлер, Э.* Третья волна / Э. Тоффлер ; пер. с англ. — М. : АСТ: МОСКВА, 2010. — 795 с.
9. *Махлуп, Ф.* Производство и распространение знаний в США / Ф. Махлуп. — М. : Прогресс, 1996. — 462 с.
10. *Кудина, М. В.* Инновационная экономика : учебник / М. В. Кудина. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 2018. — 272 с.
11. *Хасанхонова, Н. И.* Экономика знаний как высшая ступень развития инновационной экономики / Н. И. Хасанхонова // *Yashili qtisodiyot va taraqqiyot*. — 2023 — № 10. — URL: <https://yashil-iqtisodiyot-taraqqiyot.uz> (дата обращения: 20.05.2025).
12. *Данильченко, А. В.* Экономика знаний как этап развития постиндустриального общества / А. В. Данильченко, С. А. Харитонович // *Экономическая наука сегодня* : сб. науч. ст. / БНТУ ; редкол.: С. Ю. Солодовников. — 2018. — Вып. 8. — С. 63.
13. *Бутл, Р.* Искусственный интеллект и экономика: работа, богатство и благополучие в эпоху мыслящих машин / Р. Бутл ; пер. с англ. — М. : Альпина ПРО. — 424 с.
14. *Клейнер, Г. Б.* Многоуровневая интеллектуальная экономика XXI в. // *Стратегическое планирование и развитие предприятий* : материалы XXV Всерос. симп., Москва, 9—10 апр. 2024 г. / под ред. чл.-корр. РАН Г. Б. Клейнера. — Электрон. текст. дан. (8,0 Мб). — М. : ЦЭМИ РАН, 2024. — С. 94—96. — DOI: 10.34706/978-5-8211-0822-7-s1-19.
15. *Drucker, P. F.* Age of social transformation / P. F. Drucker // *The Atlantic Monthly*. — 1994. — Nov.
16. *Шарова, К. И.* Экономика знаний и роль искусственного интеллекта в ее развитии / К. И. Шарова // *Вестник БарГУ. Серия «Исторические науки и археология. Экономические науки. Юридические науки»*. — 2025. — № 1 (17). — С. 84—90.
17. *Рябова, К. И.* Теоретико-методологические основы становления экономики знаний / К. И. Рябова, Ляо Ваньбо // *Новатор-2021* : материалы III Баранович. науч.-образоват. форума, 14 окт. 2021 г. / М-во образования Респ. Беларусь, Баранович. гос. ун-т ; редкол.: В. В. Климук (гл. ред.). — Барановичи : БарГУ, 2021. — С. 85—86.
18. *Бондарь, А. В.* Экономика знаний: содержание, этапы, условия и перспективы развертывания / А. В. Бондарь // *Научные труды Белорусского государственного экономического университета* / М-во образования Респ. Беларусь, Бел. гос. экон. ун-т ; редкол.: В. Н. Шимов (гл. ред.) и др. — Минск : БГЭУ, 2015. — Вып. 8. — С. 27—33.
19. *Павлова, О. Н.* Экономика знаний / О. Н. Павлова. — СПб. : Ун-т ИТМО, 2017. — 123 с.
20. *Бондарь, А. В.* Трансформация человеческого капитала в экономике знаний / А. В. Бондарь // *БЭЖ*. — 2023. — № 4. — С. 83—92.
21. *Шарова, К. И.* Искусственный интеллект в контексте динамики человеческого капитала / А. В. Бондарь, К. И. Шарова // *Белорусский экономический журнал*. — 2025. — № 2. — С. 67—77.
22. *Шарова, К. И.* Взаимодействие искусственного интеллекта и интеллектуального капитала в современном обществе в эпоху цифровизации / К. И. Шарова // *Вестник Брестского государственного технического университета*. — 2025. — № 1 (136). — С. 231—235.

Поступила в редакцию 19.11.2025.

LAW

УДК 342.951

А. А. Бань

Белорусский государственный университет,
пр-т Независимости, 4, 220030 Минск, Республика Беларусь, law.ban@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ КОНСТРУКЦИЙ СОСТАВОВ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В ЧАСТИ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

В статье проведен анализ составов административных правонарушений главы 16 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях на основе правовой доктрины с определением конструктивных особенностей и признаков противоправных деяний в области охраны окружающей среды. Определена роль установленного факта вреда, причиненного окружающей среде, как детерминанты в разграничении административной и уголовной ответственности, а также зафиксирована общая субъектность исследуемой группы составов с невесомой частью формы вины как элемента конструкции. Кроме того, отмечена бланкетность диспозиции составов административных деликтов с отсутствием упорядочивания в пределах «родо-видового» блока антиобщественных деяний сферы охраны окружающей среды. Выполненное исследование позволило сформулировать предложения по совершенствованию закона, предусматривающего административную ответственность.

Ключевые слова: административное правонарушение; состав правонарушения; признаки правонарушения; конструкция составов; охрана окружающей среды.

Библиогр.: 20 назв.

A. A. Ban

Belarusian State University, 4 Nezavisimosti Ave., 220030 Minsk, the Republic of Belarus, law.ban@mail.ru

FEATURES OF THE STRUCTURES OF ADMINISTRATIVE OFFENSES IN TERMS OF ENVIRONMENTAL PROTECTION

This article analyzes the composition of administrative offenses in Chapter 16 of the Code of the Republic of Belarus on Administrative Offenses based on legal doctrine with the definition of structural features and indicators of unlawful acts in the field of environmental protection. The role of the established fact of harm caused to the environment as a determinant in distinguishing administrative and criminal liability is determined, and the general subjectivity of this group of offenses with the immaterial element of the form of guilt as a structural element is established. Furthermore, the blanket nature of the disposition of the composition of administrative offenses, with a lack of ordering within the “generic-specific” block of antisocial acts in the field of environmental protection, is noted. The conducted research allowed us to formulate proposals for improving the law providing for administrative liability.

Key words: administrative offense; composition of the offense; indicators of the offense; design of compositions; environmental protection.

Ref.: 20 titles.

Введение. Безошибочное определение состава правонарушения является сложнейшим вопросом в установлении административной ответственности и апофеозом в разграничении смежных составов административных деликтов в области охраны окружающей среды.

Кроме того, выявление специфичности состава дает прерогативу для правильной дифференциации административного правонарушения исследуемой сферы от иных групп родовых деликтов, что позволяет установить причины и условия совершения конкретного противоправного деяния и, в свою очередь, влечет возможность изыскания путей минимизации антиобщественного поведения. Определение конструктивных элементов составов админи-

стративных правонарушений в части охраны окружающей среды обуславливает справедливость административной ответственности и в конечном итоге позволяет реализовать конституционные права граждан на благоприятную для жизни и здоровья окружающую среду.

Методология и методы исследования. Методологическую основу работы составили общенаучные и частнонаучные (специальные) методы. Из общенаучных методов необходимо выделить формально-юридический и структурно-функциональный, из частнонаучных (специальных) — сравнительно-правовой. Также при исследовании использованы предписания нормативных правовых актов и научные труды ученых по анализируемому предмету.

Результаты исследования и их обсуждение. Родовая группа главы 16 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее — КоАП Республики Беларусь) объединяет три видовых блока административных деликтов: против экологической безопасности, окружающей среды и порядка природопользования.

Объективная сторона всех административных правонарушений в области охраны окружающей среды, как и остальных деликтов в иных сферах, характеризуется актом внешнего поведения правонарушителя, выражающимся в действии или бездействии.

Из данной парадигмы в юридической литературе исходит классическое выражение объективной стороны административного деликта, под которым понимается конкретное действие или бездействие, причинившее вред общественным отношениям [1].

На такие признаки объективной стороны экологических деликтов, как время, место, способ, орудие и средства совершения, обращалось внимание в трудах известных ученых [2, с. 391; 3, с. 176].

Отметим, что указанные факультативные признаки правонарушений экологической направленности характерны только для административных составов против порядка природопользования, в особенности в части незаконной охоты, а также нарушения правил ведения рыболовного хозяйства и рыболовства, заготовки, сбора или закупки грибов, других дикорастущих растений или их частей.

Повторность, как конструктивный элемент деликта, свойственна также правонарушениям, определяющим санкцию в области природопользования, за исключением состава ст. 16.42 КоАП Республики Беларусь, относящегося к противоправным деяниям против экологической безопасности. При этом квалифицирующее основание — повторность — присуще только для пяти составов административных деликтов.

Немаловажной частью объективной стороны административного деликта экологической направленности, если не сказать о главенствующей роли, но, бесспорно, специфичностью являются вредные последствия и причинно-следственная связь между наступившим ущербом и противоправным деянием. При этом от наличия вреда и его суммы зависит правильная квалификация административного деликта и его разграничение от уголовно наказуемых преступлений.

Однако акцентируем внимание, что зачастую наступление отрицательных последствий в природоохранной области производит отложенный эффект, что приводит к проявлению отрицательного воздействия на компоненты природной среды в результате антропогенного противоправного деликта, выражающегося через некоторые промежутки времени. Данное обстоятельство является ключевым для правильного установления административного нарушения.

Анализ всех трех подгрупп административных экологических деликтов позволяет заключить, что субъектами правонарушений являются юридические и физические лица, индивидуальные предприниматели, также отмечается специальный субъект по некоторым составам (например, ст. 16.14, ч. 4 и 5 ст. 16.16, ст. 16.18, ч. 1 и 2 ст. 16.44, ст. 16.32 и 16.42 КоАП Республики Беларусь).

Интересным представляется юридическое лицо как субъект экологических правонарушений в системе административно-деликтной санкции.

На страницах изданий, в кругу правоведов, преимущественно российских, ведутся дискуссии о целесообразности установления административной ответственности юридических лиц, рациональности определения их вины [4, с. 6; 5, с. 17; 6, с. 42].

Так, Д. М. Осинцев прямо указывает, что «следовало бы устранить из структуры составов административных правонарушений еще один элемент, попавший в нее по недоразумению, — ответственность юридических лиц» [7, с. 46].

Возражая такой позиции, Е. О. Адарченко придерживается принципа, согласно которому «ответственность юридических лиц публичного права — это форма ответственности государства за деятельность его представителей» [8, с. 894].

При этом Л. А. Терехова дает дефиницию административной ответственности юридических лиц, под которой определяет разновидность юридической ответственности, выражающейся в применении уполномоченным органом или должностным лицом административного взыскания к юридическому лицу, совершившему правонарушение [9, с. 90].

Как отмечает В. Д. Сорокин, введение института административной ответственности юридических лиц «возникло под влиянием изменяющихся общественных отношений, экономических условий, вызванных возвращением частной собственности» [10, с. 26].

Т. А. Цыганова также подмечает, что «только перестройка экономики, развитие института частной собственности, в том числе в производственной сфере, обусловили необходимость применения административной ответственности к юридическим лицам» [11, с. 226].

Следует подчеркнуть, что КоАП Республики Беларусь 2021 года исключил вину юридического лица, в отличие от кодифицированного закона об административных правонарушениях 2003 года, что является свидетельством факта дискреции белорусского законодателя по данному вопросу внимания и попыткой решить стоящий вопрос относительно вины рассматриваемого субъекта.

На современном этапе юридическое лицо несет административную ответственность, если данным лицом не соблюдены нормы (правила), за нарушение которых предусмотрена санкция, т. е. необходимо наличие, по сути, факта противоправного деяния.

Справедливым будет указать на тот момент, что институт ответственности юридического лица в системе административной санкции в области охраны окружающей среды в белорусских реалиях является обоснованным прежде всего с практической точки зрения.

Бесспорным является тот факт, что действующее природоохранное законодательство устанавливает необходимость преодоления «разрешительного барьера», который выражается в необходимости получения от государственных органов определенного пакета документов для осуществления хозяйственной деятельности юридическими лицами.

Например, во исполнение требований пп. 2 и 3 ст. 31 Закона Республики Беларусь от 20.07.2007 № 271-З «Об обращении с отходами» производители отходов производства либо уполномоченные ими субъекты хозяйствования обязаны получить разрешение на хранение и захоронение отходов производства либо комплексное природоохранное разрешение, выдаваемые территориальными органами Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды.

Нарушение указанных норм в области обращения с отходами будет влечь административную ответственность по ч. 3 ст. 16.44 КоАП Республики Беларусь.

Принимая во внимание обстоятельство в виде необходимости получения разрешительного пакета документов для субъектов хозяйствования в процессе экономической деятельности, вполне обоснованным и справедливым видится установление административной ответственности для юридических лиц при невыполнении ими регламентированных норм и правил, т. е. осуществления производственного цикла без соответствующих разрешений.

Конечно, противники административной санкции в отношении юридических лиц могут возразить, что в таком случае усматривается вина непосредственно должностных лиц, которые должны были выполнить определенные административные процедуры, однако не стоит

забывать, что получение разрешения является платным ресурсом, в связи с чем, как показывает практика, игнорирование наличия необходимых документов является финансовой экономией и напрямую не связано с трудовой функцией ответственных лиц организации.

Субъективная сторона правонарушений в области охраны окружающей среды по общему правилу характеризуется виновным совершением противоправного деяния в форме как умысла, так и неосторожности.

В отдельных правонарушениях анализируемой группы специально предусмотрена форма вины [12, с. 176].

В частности, по ст. 16.42 КоАП Республики Беларусь деликтом признается только умышленное деяние, искажение и (или) несвоевременная передача сведений о состоянии и загрязнении окружающей среды, об источниках ее загрязнения, о состоянии природных ресурсов, об их использовании и охране.

По мнению О. Н. Якубы, «в административном правонарушении форма вины не имеет квалифицирующего значения, учитывается лишь при относительно-определенной санкции, в отличие от преступления, где формы вины являются обязательным признаком состава преступления, отграничивают один вид преступления от другого, являются отягчающим или смягчающим обстоятельством» [13, с. 136].

С данной точкой зрения необходимо согласиться, анализируя группу деликтов природоохранной направленности, где не фиксируется тенденция на указание формы вины при совершении антиобщественного поступка.

Множество составов деликтов рассматриваемых трех групп являются формальными, только чуть более 30 составов анализируемых правонарушений, по оценке автора, влекут последствия в виде вреда, причиненного окружающей среде.

По степени обобщения признаков антиобщественных деяний составы административных правонарушений анализируемой родовой группы являются как казуальными, так и обобщенными, при этом какой-либо закономерности по такому основанию в видовой структуре исследователем не отмечено.

По количеству признаков составы правонарушений в 40 % случаев, по оценке автора, являются альтернативными, в 60 % — однозначными, определенной системности их закрепления в той или иной видовой группировке не установлено.

Одновременно общим правилом конструирования диспозиции статей главы 16 КоАП Республики Беларусь выделена их бланкетность, что подмечается некоторыми авторами [14, с. 298; 15, с. 18].

Так, А. В. Никишкин и В. И. Селезнев рассуждают о том, что «по способам изложения бланкетный способ заключается в том, что статья отсылает не к конкретной статье, а к целому виду других нормативных правовых актов, правил» [16, с. 113].

В теории права отмечается «бланкетный способ — в статье нормативного акта закрепляется сам факт существования правила поведения (диспозиция) и определяются юридически значимые последствия реализации или нарушения субъектом этого правила (санкция). При этом непосредственно в статье не содержится информации о сущности и содержании самого правила либо о выходных данных документа, это правило содержащего. Предполагается, что правоприменитель должен обладать необходимой информацией в силу собственной профессиональной компетенции» [17, с. 85].

Имеется утверждение о том, что «под бланкетной диспозицией понимается такая форма изложения уголовно-правовой нормы, которая предполагает детализацию признаков состава преступления с помощью нормативных предписаний других отраслей права» [18, с. 34].

Следовательно, можно констатировать, что для уяснения норм диспозиции статей природоохранной тематики КоАП Республики Беларусь необходима детализация иных нормативных правовых актов, в первую очередь отраслевой направленности.

Красноречивым представляется высказывание А. В. Никишкина и В. И. Селезнева, что в такой ситуации «бланкетные правовые нормы отражают процесс делегирования законодательной властью своих полномочий на формирование составов административных правонарушений органам исполнительной власти. Таким образом, органы исполнительной власти практически формируют содержание состава административного правонарушения в бланкетных нормах особенной части» [16, с. 113].

Применительно к составу преступления В. Н. Кудрявцев добавляет: «Признаки состава должны быть указаны в законе или однозначно вытекать из него. Кроме законодателя никто не может добавить или исключить тот или иной признак из состава преступления» [19, с. 94].

С таким подходом по большей части согласимся ввиду того, что правовые предписания в области охраны окружающей среды, неисполнение которых влечет административную санкцию, содержатся не только в кодифицированных законах и иных законодательных актах, но и в ряде подзаконных актов, начиная от постановлений Совета Министров Республики Беларусь и заканчивая ведомственными нормативными актами, включая технические нормативные правовые акты [20, с. 256], что дает юридическое основание формировать органам исполнительной власти содержание материально-правовой нормы деликтолизации деяний.

Выделенные нами три группы видовых административных правонарушений также позволяют заключить о непоследовательности размещения составов в пределах главы 16 КоАП Республики Беларусь, если не сказать о «внутреннем разбросе» статей, что наталкивает на необходимость систематизации деликтов природоохранной области, исходя из законодательного разделения на противоправные деяния против экологической безопасности, окружающей среды и порядка природопользования, что является прежде всего практико-ориентированной потребностью, а также для более доступного восприятия простым обывателем.

Последовательная иерархия по предмету посягательства в пределах «родо-видовой совокупности» административных деликтов также позволит более четко воспринять объект в конструкции правонарушения, а следом и элементы состава в целом.

Заключение. Проведенный анализ составов административных правонарушений экологической направленности раскрывает следующие их конструктивные особенности:

1) типичность наличия факультативных признаков правонарушений (время, место, способ, орудие, средства совершения) для административных деяний против порядка природопользования с учетом пяти составов деликтов с квалифицирующим основанием в виде повторности;

2) специфичность установления факта вреда, причиненного окружающей среде, и его размера как условия отграничения правонарушений от преступлений;

3) присущая административно-деликтному закону общая субъектность юридической ответственности при незначительности роли формы вины в качестве элемента правонарушения;

4) бланкетный способ изложения диспозиции составов административных деяний природоохранного блока открывает дискрецию для введения деликтолизации органами исполнительной власти;

5) отсутствие иерархичности в структуре главы 16 КоАП Республики Беларусь создает проблемы для восприятия объекта и объективной стороны как существенных деталей в различии составов административных правонарушений об охране окружающей среды.

Кроме того, выявленные конструктивные особенности и признаки противоправных деяний в области охраны окружающей среды позволяют сформулировать предложения по совершенствованию закона, устанавливающего административную ответственность.

В частности, в главе 16 КоАП Республики Беларусь усматривается необходимость ранжировать составы противоправных деяний относительно их родовой группы, вначале скон-

центрировав административные статьи против экологической безопасности, затем против окружающей среды, порядка природопользования.

Вдобавок в рамках представляемой категоризации видовой группы административных правонарушений предлагается их упорядочить по предмету посягательства, т. е. сосредоточить сферы особо охраняемых природных территорий, охраны атмосферного воздуха и озонового слоя, обращения с отходами, а также области охраны и использования земель и недр, вод, лесов, объектов растительного и животного мира в пределах деликтов против окружающей среды и порядка природопользования соответственно.

Также в целях улучшения восприятия элементов объективной стороны и усиления значимости предусмотренных диспозиций главы 16 КоАП Республики Беларусь в границах предложенного ранжирования видится практическая ценность о расстановке статей, начиная с формальных составов и заканчивая материальными.

Список цитируемых источников

1. Пинчук, А. П. Понятие состава административного правонарушения / А. П. Пинчук, Г. Е. Решетников // Отечественная юриспруденция. — 2019. — № 7 (39). — С. 68—70.
2. Василевич, Г. А. Административно-деликтное право : учеб. пособие / Г. А. Василевич, С. Г. Василевич, С. В. Добрян. — Мн. : Адукацыя і выхаванне, 2013. — 648 с.
3. Административно-деликтное и процессуально-исполнительное право : учеб. пособие : в 2 ч. / Л. М. Рябцев [и др.] ; под общ. ред. Л. М. Рябцева, О. И. Чуприс. — Мн. : Выш. шк., 2017. — Ч. 2, Процессуально-исполнительное право. — 239 с.
4. Россинский, Б. В. Почему в Российской Федерации утвердился институт административной ответственности юридических лиц и пришло ли время его ликвидировать? / Б. В. Россинский // Административное право и процесс. — 2018. — № 1. — С. 5—13.
5. Конджакулян, К. М. Юридическое лицо и вина: вопросы соотношения практики и теории через призму ответственности / К. М. Конджакулян // Российская юстиция. — 2017. — № 11. — С. 16—18.
6. Кисин, В. Р. Некоторые размышления о положении юридического лица как субъекта административно-деликтного отношения / В. Р. Кисин // Административное право и процесс. — 2019. — № 1. — С. 41—44.
7. Осинцев, Д. В. Административная ответственность: юридическая конструкция и реалии юридической практики / Д. В. Осинцев // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». — 2015. — № 4. — С. 32—51.
8. Адарченко, Е. О. Административная ответственность юридических лиц публичного права / Е. О. Адарченко // Административное и муниципальное право. — 2013. — № 9. — С. 893—897.
9. Терехова, Л. А. Особенности административной ответственности юридических лиц / Л. А. Терехова // Вестник Омского университета. Серия «Право». — 2014. — № 4 (41). — С. 89—93.
10. Сорокин, В. Д. Комментарий избранных мест Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях / В. Д. Сорокин // Юридическая мысль. — 2002. — № 4 (10). — С. 26—27.
11. Цыганова, Т. А. Механизм привлечения к административной ответственности юридических лиц в странах Европы / Т. А. Цыганова // Проблемы экономики и юридической практики. — 2018. — № 2. — С. 225—228.
12. Административно-деликтное и процессуально-исполнительное право : учеб. пособие : в 2 ч. / Л. М. Рябцев [и др.] ; под ред. Л. М. Рябцева, О. И. Чуприс. — Мн. : Выш. шк., 2017. — Ч. 1, Административно-деликтное право. — 327 с.
13. Советское административное право. Методы и формы государственного управления / С. Г. Березовская, Р. Ф. Васильев, М. И. Еропкин [и др.] ; редкол.: Ю. М. Козлов, Б. М. Лазарев, А. Е. Лунев, М. И. Пискотин. — М. : Юрид. лит. — 1977. — 336 с.
14. Шахрай, И. С. Некоторые проблемы административной ответственности за правонарушения в экологической сфере / И. С. Шахрай // Динамика правоустановления и правореализации в сфере публично-правовых отношений : сб. науч. ст. / Нац. центр законодательства и правовой информ. Респ. Беларусь ; под ред. Е. В. Семашко, Е. П. Гуйда, О. В. Гришкевич. — Мн. : ИВЦ Минфина, 2019. — С. 297—307.
15. Легашова, Е. С. Оценка изменений правовых норм в сфере административной ответственности за нарушения природоохранного законодательства / Е. С. Легашова // Петербург. Юрист. — 2017. — № 1. — С. 17—27.
16. Никишкин, А. В. Составы административных правонарушений в диспозициях бланкетных норм / А. В. Никишкин, В. И. Селезнев // Юридическая наука: история и современность. — 2019. — № 7. — С. 111—116.

17. Ромашов, Р. А. Теория государства и права: функции государства, правовое государство, система законодательства, законность и правопорядок : пособие для подгот. к экзаменам по теории государства и права студентам сред. и высш. учеб. заведений / Р. А. Ромашов. — 2-е изд. — СПб. : Питер, 2010. — 301 с.

18. Пикуров, Н. И. Особенности квалификации преступлений с бланкетными признаками состава / Н. И. Пикуров // Российское правосудие. — 2008. — № 7 (27). — С. 34—39.

19. Кудрявцев, В. Н. Общая теория квалификации преступлений / В. Н. Кудрявцев. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Юрист, 2004. — 304 с.

20. Бань, А. А. Административные правонарушения против окружающей среды / А. А. Бань // Право. Экономика. Социальное партнерство : сб. науч. тр. / Междунар. ун-т «МИТСО» ; редкол.: В. Ф. Ермолович (гл. ред.) [и др.]. — Мн. : Междунар. ун-т «МИТСО», 2023. — С. 255—257.

Поступила в редакцию 19.11.2025.

Репозиторий БарГУ

УДК 347.775:621.311.1

С. Ю. ВоробьевНаучно-исследовательское и проектно-изыскательское республиканское унитарное предприятие
«Белэнергопроект», 1-й Твердый пер., 5, 220037 Минск, Республика Беларусь**ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ МЕРОПРИЯТИЙ ПО ЗАЩИТЕ СВЕДЕНИЙ,
СОСТАВЛЯЮЩИХ КОММЕРЧЕСКУЮ ТАЙНУ, НА ПРЕДПРИЯТИЯХ
И В ОРГАНИЗАЦИЯХ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ОТРАСЛИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

Энергетика, как неотъемлемая часть белорусской экономики, переживает совместно с последней процесс цифровизации. Кибератаки при воздействии на информационные системы организаций и предприятий энергетической сферы представляют опасность как при производстве (передаче) электроэнергии, так и для сведений, содержащих коммерческую тайну. Применение мер по защите информации в соответствии с требованиями национального законодательства позволит минимизировать риск разглашения коммерчески ценных сведений, избежать судебных тяжб и минимизировать финансовые издержки.

Ключевые слова: энергетика; цифровизация; коммерческая тайна; защита информации; кибератаки.

Библиогр.: 30 назв.

S. Yu. VorobyovResearch and Design and Survey Republican Unitary Enterprise "Belenergoetproekt",
5 1st Hard lane, 220037 Minsk, the Republic of Belarus**IMPLEMENTATION OF MEASURES TO PROTECT INFORMATION CONSTITUTING
A COMMERCIAL SECRECY AT ENTERPRISES AND ORGANIZATIONS
OF THE ENERGY SECTOR OF THE REPUBLIC OF BELARUS**

The energy sector, as an integral part of the Belarusian economy, is undergoing a digitalization process together with the latter. Cyberattacks affecting the information systems of organizations and enterprises in the energy sector pose a danger both to the production (transmission) of electricity and to information containing a commercial secret. The application of information protection measures in accordance with the requirements of national legislation will minimize the risk of disclosure of commercially valuable information, avoid litigation and minimize financial costs.

Key words: energy; digitalization; commercial secrets; information protection; cyber attacks.

Ref.: 30 titles.

Введение. Белорусская энергетика, будучи одной из основных отраслей национальной экономики, полностью подвержена процессам, протекающим в последней, в том числе цифровизации. Ахиллесовой пятой цифровизации является чувствительность к кибератакам, которые путем воздействия на автоматизированные системы объектов энергетической отрасли могут не только «отключать» от энергоснабжения предприятия и организации промышленности, социальные объекты (а то и целые регионы), но и «похищать» и (или) блокировать доступ к сведениям, составляющим коммерческую тайну (далее — КТ).

Проблемам противодействия кибератакам на объекты энергетической отрасли и минимизации их последствий посвящены работы белорусских и российских авторов С. Ю. Воробьева, Е. А. Ханчевского, А. И. Белоуса, И. А. Костомахи, И. Н. Колоска, Е. С. Коркиной, М. Г. Головенчик, Г. Г. Краско, Г. Г. Головенчик, В. А. Северина, Д. Хитрых [1—7]. Вопросы обеспечения защиты сведений, содержащих КТ [в том числе от воздействия кибератак и их последствий в информационных системах (далее — ИС) организаций и предприятий], подымались в работах Д. А. Колбасина, А. М. Бокшиц, Р. Н. Ключко, Д. А. Бондарь, Г. Г. Камаловой, Н. М. Имомовой, И. В. Муравьева [8—13].

Вместе с тем в настоящее время отсутствует комплексное исследование, посвященное проблематике защиты информации, содержащей сведения, являющиеся КТ, на предприятиях и организациях энергетической отрасли.

Целью данной статьи является исследование текущего состояния защиты КТ на предприятиях и в организациях сферы национальной энергетики, проблемных вопросов, а также предложение мероприятий по повышению состояния защищенности коммерчески ценных сведений.

Материалы и методы исследования. При написании данной статьи использовались сравнительно-правовой, формально-юридический и методы системного анализа.

Были изучены и проанализированы работы по информационному, уголовному, гражданскому праву и нормативные правовые акты (в том числе технические нормативные правовые акты).

Результаты исследования и их обсуждение. Предприятия и организации, входящие в систему Министерства энергетики Республики Беларусь, при осуществлении производственной, хозяйственной, научной, проектной, а также иных видов деятельности создают, обрабатывают и хранят в ИС значительное количество сведений, содержащих КТ. Активно протекающий процесс цифровизации белорусской энергетики ставит перед собой в том числе прикладную задачу по обеспечению защиты информации, содержащей КТ, от кибератак, осуществляемых в отношении организаций.

Под кибератакой в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 14.02.2023 № 40 «О кибербезопасности» (Указ № 40) понимается целенаправленное воздействие программных и (или) программно-аппаратных средств на объекты информационной инфраструктуры, сети электросвязи, используемые для организации взаимодействия таких объектов, в целях нарушения и (или) прекращения их функционирования и (или) создания угрозы безопасности обрабатываемой такими объектами информации. Аналогичная дефиниция содержится и в Концепции информационной безопасности Республики Беларусь, утвержденной постановлением Совета Безопасности Республики Беларусь от 18.03.2019 № 1.

Таким образом, вредоносное программное обеспечение, используемое в качестве орудия при проведении таргетированной, тщательно подготовленной кибератаки в отношении конкретной организации, может не только осуществить хищение информации, содержащей КТ, из ИС организации (т. е. совершить коммерческий шпионаж), но и модифицировать (изменить) содержимое данных сведений либо заблокировать к ним доступ.

Первые два десятилетия XXI века ознаменовались не только цифровизацией «всего и вся», но и стойкой милитаризацией цифрового пространства: государства активно и целенаправленно создают в составе национальных вооруженных сил структуры информационной безопасности, включая киберподразделения, основной задачей которых является проведение киберопераций. К текущему моменту реальный «боевой» опыт в киберпространстве имеют подразделения вооруженных сил США, Китая, КНДР, Ирана, Украины и др. Подразделение радиоэлектронной разведки «8200» Армии обороны Израиля (Цахал) известно не только участием в успешных кибератаках на иранские объекты атомной энергетической отрасли, но также и тем, что «питомцы» из «8200» являются зачинателями многочисленных прибыльных стартапов в сфере информационной безопасности, например, Check Point Software Technologies Ltd [14; 15].

Военно-политический блок НАТО, который является ударным тараном «Коллективного Запада», в 2016 году в Варшаве официально объявил киберпространство новой сферой проведения военных операций наряду с воздушной, сухопутной и морской [16]. Менее чем в 900 км от Минска (Таллин, Эстония) функционирует Центр передового опыта по

совместной киберзащите НАТО, на базе которого в рамках многочисленных учений и тренировок не только отрабатываются сценарии по действиям в киберпространстве, но и проводятся реальные операции.

США рассматривают киберпространство как поле боя и направляют усилия в рамках реализации своей государственной политики на полный контроль этой сферы [17]. В Соединенных Штатах циркулирует концепция так называемой «дешевой войны» (War on the Cheap), приверженцы которой утверждают, что один миллион долларов и 20 человек, проводя компьютерные атаки, могут обеспечить успех, сопоставимый с действиями многотысячной группировки войск [18].

В Америке крайне скрупулезно относятся к защите электроэнергетической системы от киберугроз в связи с чрезвычайной значимостью данного сектора национальной инфраструктуры. Министерство энергетики Соединенных Штатов наряду с такими «мощными» спецслужбами, как Центральное разведывательное управление, Федеральное бюро расследований, Агентство национальной безопасности, разведывательное управление Министерства обороны, входит в состав разведывательного сообщества США. В составе Министерства энергетики США действует Управление разведки и контрразведки, основными задачами которого являются научно-техническая разведка в ядерной области и защита ядерных секретов. В феврале 2016 года Министерство энергетики США официально объявило о создании Управления по кибербезопасности, энергетической безопасности и экстренному реагированию (структурно вошло в состав Управления разведки и контрразведки) [2].

Президент Республики Беларусь неоднократно обращал внимание на особую опасность такого элемента гибридной войны, используемого против Республики Беларусь, как кибератаки, их направленность на энергетические объекты, предприятия, банковскую систему, основные пункты жизнеобеспечения, отмечал, что целью кибератак является нанесение максимального ущерба экономике и дестабилизация общества [19—21]. Глава белорусского государства считает необходимым принятие международного правового акта о кибернападении, который предполагает как отказ от применения кибероружия, так и формирование системы контроля за его разработкой и использованием [22].

Необходимо отметить существенно возросшее количество киберпреступлений: ИС и ресурсы не только стали предметом преступлений, но и средством совершения последних. Так, цифровизация и виртуализация пространства способствовали как формированию преступности цифрового мира, так и отдельному типу злоумышленника, использующего новейшие информационно-коммуникационные технологии [23].

Белорусское законодательство содержит в себе целый ряд нормативных правовых актов, регулирующих вопросы защиты информации и информационной безопасности. Непосредственно правоотношения, связанные с правовой охраной и режимом КТ, регулируются Законом Республики Беларусь от 05.01.2013 № 16-З «О коммерческой тайне» (Закон о КТ), который под КТ понимает сведения технического, производственного, организационного, коммерческого, финансового и иного характера, в том числе секреты производства (ноу-хау), соответствующие требованиям Закона о КТ, в отношении которых установлен режим КТ — правовые, организационные, технические и иные меры, принятые в целях обеспечения конфиденциальности данных сведений. Последний возлагает на владельца информации, содержащей КТ, обязанность по принятию необходимых и достаточных мер для обеспечения конфиденциальности вышеуказанных сведений. Под защитой информации в соответствии с Законом Республики Беларусь от 10.11.2008 № 455-З «Об информации, информатизации и защите информации» (далее — Закон № 455) понимается комплекс правовых, организационных и технических мер, направленных на обеспечение конфиденциальности, целостности, подлинности, доступности и сохранности информации. При этом ст. 17 Закона № 455 относит КТ к информации, распространение и (или) предоставление которой ограничено.

Таким образом, информация, обрабатываемая в объектах информационной инфраструктуры предприятий национальной энергетической отрасли и содержащая КТ, должна быть надежно защищена как от внешних, так и от внутренних угроз. Правовые и организационные основы технической и криптографической защиты информации подобного рода изложены в Указе Президента Республики Беларусь от 16.04.2013 № 196 «О совершенствовании государственного регулирования в области защиты информации» [в редакции Указа Президента Республики Беларусь от 09.12.2019 № 449 (Указ № 196)] меры по реализации последнего содержатся в приказе Оперативно-аналитического центра при Президенте Республики Беларусь (ОАЦ) от 20.02.2020 № 66 «О мерах по реализации Указа Президента Республики Беларусь от 9 декабря 2019 г. № 449» (Приказ № 66).

Регулятором в лице ОАЦ устанавливаются более жесткие требования по защите ИС, в которых обрабатывается служебная информация ограниченного распространения (ДСП — для служебного пользования), по сравнению с ИС, в которых обрабатывается КТ (пп. 6.4, 6.6, 7.7, 7.17, 7.18 приложения 3 к Положению о порядке технической и криптографической защиты информации в информационных системах, предназначенных для обработки информации, распространение и (или) предоставление которой ограничено, утвержденному Приказом № 66), несмотря на то, что КТ и ДСП Законом № 455 отнесены к информации, распространение и (или) предоставление которой ограничено.

Национальным законодательством предусмотрена ответственность за нарушение конфиденциальности сведений, составляющих КТ. Так, к работнику организации могут быть применены следующие виды ответственности: дисциплинарная, материальная, гражданско-правовая, административная, уголовная.

При этом привлечение к административной или уголовной ответственности не исключает наложения на виновное лицо дисциплинарного взыскания с одновременным привлечением к материальной или гражданско-правовой ответственности. Контрагентов и иных третьих лиц возможно привлечь к гражданско-правовой, административной и уголовной ответственности соответственно. Представляет интерес тот факт, что в случае разглашения ДСП виновный работник организации может быть привлечен к дисциплинарной ответственности, а за аналогичные действия в отношении КТ — к административной или уголовной.

Правоприменительная практика привлечения к ответственности за разглашение КТ в Республике Беларусь сформирована слабо, что, по мнению правоохранительных органов, обусловлено правовой неграмотностью лиц, отвечающих за соблюдение режима КТ [24]. Как правило, руководители не предпринимают надлежащих мер для введения во вверенном предприятии (организации) режима КТ, не разрабатывают механизма по соблюдению работниками последнего. Это приводит к тому, что разнообразные сведения, связанные с производством, технологией, инновациями и другими вопросами деятельности предприятия, на разработку которых затрачены значительные денежные средства и ресурсы, становятся достоянием конкурентов [25]. Так, в 2023 году работниками правоохранительных органов было предотвращено разглашение коммерческих сведений о препаратах, на разработку и испытание которых было потрачено в общей сложности более 1 млн белорус. руб. [26].

В целях надлежащего обеспечения безопасности сведений, включающих в себя КТ, в организации необходимо выполнить требования, содержащиеся в Законе о КТ:

- определить состав сведений, подлежащих охране в режиме КТ;
- установить порядок обращения с носителями КТ, а также контроль за соблюдением данного порядка;
- вести учет лиц, получивших доступ к КТ;
- истребовать обязательства о неразглашении КТ у работников, получающих доступ к последней;

- заключить соглашения о конфиденциальности с контрагентами (при необходимости);
- определить работников, ответственных за принятие мер по обеспечению конфиденциальности сведений, составляющих КТ.

Вышеперечисленные требования относятся к режиму установления КТ, алгоритм которого подробно описан в источнике [27].

Закон о КТ позволяет владельцу тайны применять технические средства и иные методы для обеспечения защиты коммерчески ценных сведений. Наиболее подходящим решением данной задачи является применение системы предотвращения утечек конфиденциальной информации (DLP-система) [28; 29]. Так как DLP-система является средством защиты информации (СЗИ), то в соответствии с техническим регламентом Республики Беларусь «Информационные технологии. Средства защиты информации. Информационная безопасность» должно быть осуществлено подтверждение данного СЗИ соответствию в Национальной системе подтверждения соответствия Республики Беларусь.

Так, ИС, в которых обрабатывается КТ, согласно Указу № 196 и Закону № 455, должны иметь аттестованную в соответствии с Приказом № 66 систему защиты информации.

Практика показывает, что в организациях и на предприятиях энергетической отрасли сталкиваются с затруднениями при работе с коммерчески ценными сведениями, отнесенными к КТ. Наибольшее затруднение вызывает отнесение информации к категории «Коммерческая тайна»: зачастую под данную категорию относят сведения, перечисленные в ст. 17 Закона № 455, но не являющиеся КТ (например, персональные данные, служебная информация ограниченного распространения). Нередки случаи расширительного включения под вышеуказанную категорию любой информации, имеющей отношение к деятельности организации, но не соответствующей требованиям, предъявляемым Законом о КТ, к данным сведениям (например, нередкими являются случаи отнесения к категории КТ сведений, составляющих размер заработной платы работников, их численность или данные бухгалтерской отчетности). Также не всегда истребуются у работников, получивших доступ к КТ, обязательства о неразглашении, с контрагентами не заключаются соглашения о конфиденциальности, не определяются работники, ответственные за принятие мер по обеспечению конфиденциальности сведений, составляющих КТ.

В настоящее время не все организации белорусской энергетики осуществили комплекс мероприятий по технической и криптографической защите информации, что приводит к тому, что КТ обрабатывается в ИС с не аттестованной установленным ОАЦ порядке системой защиты информации (нельзя забывать про персональную ответственность, возложенную Указом № 40 на руководителей организации, в части обеспечения кибербезопасности последней) [30].

Предупреждение нарушения требований законодательства, регулирующего вопросы защиты информации в части обработки конфиденциальной информации (в том числе сведений, содержащих КТ) в ИС, а также утечки данных сведений, достигается путем выполнения комплекса организационных, правовых и технических мероприятий. В качестве примера приведем обстановку, сложившуюся по состоянию на текущий момент времени на одном из предприятий, структурно входящем в государственное производственное объединение электроэнергетики «Белэнерго» Министерства энергетики Республики Беларусь. В рамках производственной деятельности в ИС предприятия накапливается значительное количество проектной, технической и технологической, изыскательской, коммерческой, научной и иной информации, представляющей коммерческую ценность для предприятия, прежде всего в силу ее неизвестности третьим лицам в энергетической отрасли.

Так, на предприятии действует Положение о коммерческой тайне, разработанное и утвержденное в 2013 году, с изменениями и дополнениями 2015 года. Данным документом закреплен Перечень сведений, составляющих коммерческую тайну предприятия, а также Обязательство работника предприятия о неразглашении сведений, содержащих коммер-

ческую тайну (Обязательство). Требования данного положения доводятся до каждого вновь принимаемого работника под роспись с истребованием Обязательства о неразглашении сведений, содержащих коммерческую тайну предприятия.

С положительной стороны представляется целесообразным отметить пункт Обязательства, в котором работник предприятия обязуется в случае необходимости пройти психофизиологическое исследование с использованием полиграфа в целях контроля лояльности к предприятию, профилактики хищений, сговоров, несанкционированной передачи КТ.

В настоящее время осуществляется разработка редакции Положения (проект) с актуализированным Перечнем сведений, составляющих коммерческую тайну предприятия. В проекте будут конкретизированы должностные лица и структурные подразделения предприятия, участвующие в обеспечении применения мероприятий по защите сведений, содержащих КТ, закреплено типовое соглашение о конфиденциальности (с контрагентами).

В целях повышения состояния защищенности ИС предприятия, контроля за неукоснительным исполнением работниками требований законодательства и локальных правовых актов, регулирующих вопросы информационной безопасности и защиты информации, запланированного отнесения ИС предприятия к классу 3-дсп (ИС, в которых обрабатывается служебная информация ограниченного распространения и которые подключены к открытым каналам передачи данных) намечена к приобретению и внедрению DLP-система.

Заключение. Белорусская энергетика проходит процесс цифровой трансформации вместе с иными отраслями национальной экономики. Угрозу данному процессу представляет милитаризация цифрового пространства, создание странами киберподразделений в составе национальных вооруженных сил, осуществление кибератак в отношении экономических объектов суверенного миролюбивого белорусского государства и прежде всего в отношении объектов энергетической отрасли. Глава белорусского государства уделяет самое непосредственное внимание вопросам информационной безопасности и противодействию кибератакам.

Организации и предприятия, входящие в Белорусскую энергетическую систему, в процессе практической деятельности осуществляют обработку информации, представляющей коммерческую ценность, которая в соответствии с действующим законодательством относится к информации ограниченного распространения — КТ. Применение правовых, организационных и технических мер защиты последней имеет ряд особенностей (отнесение сведений, содержащих конфиденциальную, коммерчески ценную информацию, к вышеуказанной категории, обеспечение действия режима КТ, аттестация ИС, в которых обрабатывается последняя, и т. д.). Применение режима КТ в деятельности организаций национальной энергетики имеет ряд проблемных вопросов, отсутствие своевременного решения которых может привести к наступлению неблагоприятных последствий за необеспечение законодательных требований, регулирующих сферу защиты информации по данному вопросу. По мнению правоохранительных органов, основной причиной привлечения за разглашение сведений, составляющих КТ организаций, причин и условий, способствующих совершению правонарушений в данной сфере, является правовая неграмотность должностных лиц [24].

На предприятии проводится комплекс мероприятий организационного, нормативного и технического характера, направленных на предупреждение нарушений, связанных с обеспечением режима КТ.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что корректное применение норм действующего законодательства Республики Беларусь, регулирующего вопросы защиты информации и информационной безопасности, а также мероприятий, предусмотренных в них, в том числе повышение правовой грамотности лиц, отвечающих за соблюдение режима КТ, позволит защитить организациям энергетической отрасли коммерчески ценную информацию, избежать судебных тяжб, сохранить деловую репутацию, избежать финансовых издержек и проверок правоохранительных органов, а также укрепить дисциплинированность и правопослушное поведение работников.

Список цитируемых источников

1. Воробьёв, С. Ю. Кибератаки на критически важные объекты энергетики как источник угроз национальной безопасности / С. Ю. Воробьёв, Е. А. Ханчевский // Энергетическая стратегия. — 2024. — Т. 102, № 6. — С. 33—36.
2. Белоус, А. И. Кибербезопасность объектов топливно-энергетического комплекса. Концепции, методы и средства обеспечения / А. И. Белоус. — М. ; Вологда : Инфра-Инженерия, 2020. — 644 с.
3. Костомаха, И. А. Методы удалённого проникновения злоумышленника в технологические сегменты сети предприятий электроэнергетики / И. А. Костомаха // Энергетик. — 2024. — № 8. — С. 19—22.
4. Колосок, И. Н. Анализ кибербезопасности объектов энергетики с учётом механизма и кинетики нежелательных процессов / И. Н. Колосок, Е. С. Коркина // Энергетик. — 2024. — № 2. — С. 3—8.
5. Головенчик, М. Г. Проблемы кибербезопасности умных городов / М. Г. Головенчик, Г. Г. Краско, Г. Г. Головенчик // Наука и инновации. — 2020. — № 12 (214). — С. 51—57.
6. Северин, В. А. Проблемы правового регулирования и методического обеспечения защиты информации в организациях ТЭК / В. А. Северин // Проблемы экономики и юридической практики. — 2022. — Т. 18, № 2. — С. 96—103.
7. Хитрых, Д. О цифровой трансформации энергетической отрасли / Д. Хитрых // Энергетическая политика. — 2021. — № 10 (164). — С. 76—89.
8. Колбасин, Д. А. Теоретико-правовая характеристика защиты коммерческой тайны, ее характерные особенности / Д. А. Колбасин, А. М. Бокшиц // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. — 2017. — Т. 33, № 1. — С. 148—151.
9. Ключко, Р. Н. Информационный суверенитет государства: от доктринальных подходов к уголовно-правовым гарантиям обеспечения / Р. Н. Ключко // Юстиция Беларуси. — 2024. — № 9. — С. 43—46.
10. Бондарь, Д. А. Новації законодавства Республики Беларусь о кибербезопасности в контексте охраны коммерческой тайны и противодействия коммерческому шпионажу / Д. А. Бондарь // Стратегия развития экономики Беларуси: вызовы, инструменты и перспективы : сб. науч. ст. Междунар. науч.-прак. конф. : в 2 т. — Мн., 2024. — С. 493—498.
11. Камалова, Г. Г. Правовое обеспечение конфиденциальности информации в условиях развития информационного общества : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.13 / Камалова Гульфия Гафиятовна ; Ин-т государства и права РАН. — М., 2020. — 52 с.
12. Имомова, Н. М. Особенности правового регулирования коммерческой тайны в зарубежных странах / Н. М. Имомова // Вестник Таджикского национального университета. Серия социально-экономических и общественных наук. — 2024. — № 7. — С. 235—240.
13. Муравьев, И. В. Коммерческая тайна как объект гражданского права / И. В. Муравьев // Вестник Могилевского института МВД. — 2024. — № 1 (9). — С. 55—59.
14. Белоус, А. И. Кибероружие и кибербезопасность. О сложных вещах простыми словами / А. И. Белоус, В. А. Солодуха. — М. ; Вологда : Инфра-Инженерия, 2020. — 692 с.
15. Фасман, Д. Общество контроля : как сохранить конфиденциальность в эпоху тотальной слежки / Д. Фасман. — М. : Эксмо, 2023. — 368 с.
16. Белоус, А. И. Основы кибербезопасности. Стандарты, концепции, методы и средства обеспечения / А. И. Белоус, В. А. Солодуха. — М. : Техносфера, 2021. — 482 с.
17. Харрис, Ш. Кибервойна@: Пятый театр военных действий / Ш. Харрис ; пер. с англ. — М. : Альпина нон-фикшн, 2020. — 390 с.
18. Бартош, А. А. Гибридная война : учеб. пособие / А. А. Бартош. — М. : КНОРУС, 2023. — 306 с.
19. Встреча с руководящим и оперативным составом органов госбезопасности // Официальный сайт Президента Республики Беларусь. — URL: <https://president.gov.by/ru/events/vstrecha-s-rukovodyashchim-i-operativnym-sostavom-organov-gosbezopasnosti> (дата обращения: 20.04.2025).
20. Совещание по теме кибербезопасности // Официальный сайт Президента Республики Беларусь. — URL: <https://president.gov.by/ru/events/soveshchanie-po-teme-kiberbezopasnosti> (дата обращения: 20.04.2025).
21. Встреча с активом Могилевской области // Официальный сайт Президента Республики Беларусь. — URL: <https://president.gov.by/ru/events/vstrecha-s-aktivom-mogilevskoj-oblasti> (дата обращения: 20.04.2025).
22. II Минская международная конференция по евразийской безопасности // Официальный сайт Президента Республики Беларусь. — URL: <https://president.gov.by/ru/events/ii-minskaa-mezdunarodnaa-konferenciapro-evrazijskoj-bezopasnosti> (дата обращения: 20.04.2025).
23. Стальбовский, В. В. Дуализм криминологической модели личности преступника: реальное и виртуальное измерение / В. В. Стальбовский, Т. И. Вишневецкая // Юстиция Беларуси. — 2025. — № 1. — С. 52—60.
24. Александров, В. Промышленный шпионаж. Впервые за 10 лет дело дошло до суда / В. Александров // Аргументы и факты в Беларуси. — 2017. — 5 дек. — С. 12.
25. Коммерческий шпионаж и преступления против информационной безопасности: прокуратура Партизанского района Минска поддержала обвинение по уголовному делу // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Республики Беларусь. — URL: <https://prokuratura.gov.by/ru/media/novosti/nadzor-za-resheniyami-po->

ugolovnym-i-grazhdanskim-delam/kommercheskiy-shpionazh-i-prestupleniya-protiv-informatsionnoy-bezopasnosti-prokuratura-partizanskog/ (дата обращения: 20.04.2025).

26. Коммерческую тайну фармпредприятия на сумму более Br1 млн едва не вывезла за границу борисовчанка // Белорусское телеграфное агентство. — URL: <https://belta.by/regions/view/kommercheskuju-tajnu-farmpredpriyatija-na-summu-bolee-br1-mln-edva-ne-vyvezla-za-granitsu-borisovchanka-601981-2023/> (дата обращения: 20.04.2025).

27. Алгоритм установления режима коммерческой тайны в организации // iLex : информ. правовая система. — URL: <https://ilex-private.ilex.by/view-document/БЕРБИ/82303/%D0%BA%D0%BE%D0%BC%D0%BC%D0%B5%D1%80%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F%20%20%D1%82%D0%B0%D0%B9%D0%BD%D0%B0?searchKey=prfq&docSwitcherKey=88vi&searchPosition=4#M100121> (дата обращения: 20.04.2025).

28. Глушков, В. А. Проблема легализации данных собранных с использованием систем DLP, SIEM и DСАР на предприятии и организации / В. А. Глушков // Юридическая наука и практика. — 2024. — № 4. — С. 50—57.

29. Тищенко, А. П. Коммерческая тайна и технологии ее защиты / А. П. Тищенко // Молодая аграрная наука : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Майкоп, 16 мая 2024 г. — Майкоп : Магарин Олег Григорьевич, 2024. — С. 392—395.

30. Мячин, И. В. Юридическая ответственность владельцев критически важных объектов информации: проблемы эффективности и пути совершенствования / И. В. Мячин // Предварительное расследование. — 2024. — № 1 (15). — С. 54—60.

Поступила в редакцию 10.11.2025.

Репозиторий БарГУ

УДК 34.096

О. С. КобзарьБелорусский государственный университет, ул. Ленинградская, 8,
220030 Минск, Республика Беларусь, olga.s.kobzar@gmail.com

СПОРТИВНАЯ ЮСТИЦИЯ БРАЗИЛИИ: МОДЕЛЬ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ СУДОВ КАК СПОСОБ РАЗРЕШЕНИЯ СПОРТИВНЫХ СПОРОВ

В статье рассматривается уникальная система спортивной юстиции Федеративной Республики Бразилии, включающая в себя спортивные суды, действующие отдельно от судов общей юрисдикции. Начиная с уровня Конституции страны, анализируется нормативная правовая база, структура и компетенция спортивных судов, а также их виды. Внимание в работе также уделено антидопинговым спортивным судам, самостоятельным и независимым остальным органам спортивной юрисдикции. Автор обращает внимание на актуальные проблемы юрисдикции и дискуссии по ним в науке бразильского спортивного права, место спортивных судов в правовой системе государства и перспективы применения опыта Бразилии в других странах. В заключении автором дается оценка правовой природы спортивных судов Бразилии и предлагаются рекомендации по возможной имплементации правовых решений в белорусскую систему спортивного законодательства.

Ключевые слова: спорт; спортивные споры; спортивные конфликты; спортивная юстиция Бразилии; спортивные суды Бразилии.

Библиогр.: 10 назв.

O. S. KobzarBelarusian State University, 8 Leningradskaya Str.,
220030 Minsk, the Republic of Belarus, olga.s.kobzar@gmail.com

SPORTS JUSTICE IN BRAZIL: THE SPECIALISED COURTS MODEL AS A WAY TO RESOLVING SPORTS DISPUTES

Federative Republic of Brazil, which includes sports courts operating separately from courts of general jurisdiction. Starting from the level of the country's Constitution, the regulatory framework, structure and competence of sports courts, as well as their types, are analyzed. Attention in the work is also paid to anti-doping sports courts, independent and independent of other bodies of sports jurisdiction. The author draws attention to current issues of jurisdiction and discussions on them in the science of Brazilian sports law, the place of sports courts in the legal system of the state and the prospects for applying Brazil's experience in other countries. In conclusion, the author assesses the legal nature of sports courts in Brazil and offers recommendations on the possible implementation of legal decisions in the Belarusian system of sports legislation.

Key words: sport; sport disputes; sport conflicts; sport justice in Brazil; sport courts in Brazil.

Ref.: 10 titles.

Введение. Государства с развитыми системами спортивного законодательства ограниченно используют систему государственных судов как способ разрешения спортивных споров. Основные законы стран, как правило, содержат нормы о праве на судебную защиту, при наличии системы органов, полномочных разрешать спортивные споры, такие как арбитраж, медиация или схожие с ними, приоритет отдается последним. Законодатели зачастую отделяют спортивные споры из других категорий споров, передают их на рассмотрение специальным органам по причине особой специфики таких дел, которой судьи государственных судов не всегда владеют, что может повлечь за собой ошибки и необоснованные решения.

Материалы и методы исследования. Многие государства уделяют особое внимание деятельности Международного спортивного арбитражного суда, фактически делегируя ему полномочия в разрешении спортивных споров, связанных с иностранным элементом.

Федеративная Республика Бразилия здесь отличается уникальной системой специальных спортивных судов, сочетающей в себе принципы автономности спортивных органов, разрешающих спортивные споры, и принцип обязательности рассмотрения спортивных споров, установленный государством. Такая система имеет мало аналогов в мире, и автор настоящей статьи ставит перед собой цель рассказать о ее особенностях, проблемных вопросах, а также проанализировать перспективы.

Результаты исследования и их обсуждение. Объем нормативных актов спортивного законодательства Бразилии весьма обширен. Из него можно выделить следующие акты, регулирующие порядок разрешения спортивных споров:

- Конституция Федеративной Республики Бразилии;
- Закон № 9.615/1998, известный под неофициальным названием *Lei Pele* в честь знаменитого футболиста Пеле (Эдсон Арантис ду Насименту), занимавшего во время принятия акта должность министра спорта Бразилии (далее — Закон Пеле);
- Бразильский кодекс спортивной юстиции (*Codigo Brasileiro de Justica Desportiva*, далее — *CBJD*).

Высший уровень регулирования разрешения спортивных споров предусмотрен в Конституции, согласно параграфу 1 ст. 217 которой общие судебные органы рассматривают споры, касающиеся дисциплинарных и соревновательных вопросов, только после исчерпания всех инстанций спортивной юстиции, регулируемых законодательством. Норма создает правовую основу деятельности спортивных судов, отдавая им приоритет над судами общими в разрешении спортивных споров, но не отменяя полностью возможность их участия.

Полагаем, разрешение спортивных споров становится двухступенчатым: в виде органов спортивной юстиции — первой, общих судов — второй «суперинстанцией».

В параграфе 2 вышеуказанной статьи определен максимальный срок для вынесения решения по спору органами спортивной юстиции — 60 дней со дня начала процесса. Считаем, что с помощью данной нормы, жестко устанавливая срок возможности разрешения споров в рамках спортивной юстиции, а также оставляя возможность рассмотрения спортивных споров «второй суперинстанцией» общих судов, законодатель стремится избежать правовой коллизии с п. 35 ст. 5 Основного закона, согласно которой закон не исключает из ведения судебной системы любой ущерб или угрозу праву, т. е. гарантируется право на судебную защиту общей системой судов [1].

Структура бразильской спортивной юстиции изложена в ст. 52 Закона Пеле:

– национальный уровень — Высший суд спортивного правосудия (*Superior Tribunal de Justica Desportiva*, далее — *STJD*), действующий совместно с национальными органами спортивного управления. Каждая из федераций (конфедераций) по видам спорта, даже индивидуальным, имеет свой собственный *STJD*, например, наиболее известный — *STJD do Futebol* Конфедерации бразильского футбола (далее — *CBF*), *STJD do Basquete* (баскетбол), *STJD do Tennis* (теннис). Каждый из таких судов имеет свою практику, которую зачастую можно изучить на официальных сайтах федераций (конфедераций) по виду спорта, а также базу локальных актов;

– региональный (штатный) уровень — суды спортивной юстиции (*Tribunal de Justica Desportiva*, далее — *TJD*), работающие с региональными органами управления спортом. Такие органы присутствуют в каждом из 26 штатов, а также в Федеральном округе Бразилии для основных видов спорта, например, *TJD-RJ* (Рио-де-Жанейро), *TJD-SP* (Сан-Паулу) и др. Эти органы отвечают за споры и дисциплинарные дела в рамках соревнований, проводимых на уровне штата;

– первоначальная инстанция — комиссии спортивной юстиции (*Comissoes Disciplinares*). Эти органы выносят решения в рамках компетенции, предусмотренной *CBJD*, которые могут быть обжалованы в *TJD* или *STJD* в зависимости от уровня конкретного соревнования.

Все вышеуказанные органы автономны и независимы от органов спортивного управления каждой из систем. Ст. 52 Закона Пеле дублирует ст. 217 Конституции, определяя, что окончательные решения судов спортивной юстиции могут быть обжалованы в общих судах.

Спортивные суды Бразилии разрешают споры дисциплинарной сферы, вытекающие из спортивных соревнований. Этот подход закреплен в ст. 217 Конституции, а также в ст. 50 Закона Пеле [2]. Трансферные и трудовые споры не разрешаются в бразильских спортивных судах. Для них существует *Justica do Trabalho* — орган трудовой юстиции, который, помимо обычных трудовых споров, рассматривает трудовые споры в спортивной сфере. Кроме того, внутри Бразильской конфедерации футбола существует *Camare Nacional de Resolucao de Disputas* — Национальная палата по разрешению споров, являющаяся внутренним арбитражным органом, разрешающим споры, не относящиеся к дисциплинарным и трудовым. При этом приоритет *Justica do Trabalho* даже при наличии арбитражной оговорки между сторонами спора в разрешении трудовых споров установлен на уровне Конституции (ст. 114), относящей все споры этого вида к компетенции юстиции по трудовым делам [1]. Такая компетенция спортивных судов придает достаточно усеченный характер их функциям и значительно сокращает их область юрисдикции.

Ст. 180 Закона № 14.597 от 14 июня 2023 года «Национальный спортивный закон» (акт, принятый с целью объединить многочисленные нормы спортивного права, в том числе Закон Пеле и Закон № 10.671, известный как *Estatuto de Torcedor*, «Хартия болельщика», получивший вето многочисленных его статей от Президента Бразилии Лулу да Сильвы в 2023 году и принятый частично) предоставляет штатам и Федеральному округу право создавать суды общего правосудия с гражданской и уголовной юрисдикцией для рассмотрения, вынесения решений и исполнения дел, в частности, для предотвращения насилия, вандализма, расизма и других форм антисоциального поведения на стадионах. Такие суды существуют в форме *Juizados do Torcedor e Grandes Eventos* — судов болельщика и крупных мероприятий, расположенных непосредственно при крупных стадионах или поблизости (например, в Рио-де-Жанейро, Сан-Паулу и др.). Их нельзя отнести к спортивным судам, это специализированные отделения обычной судебной системы [3].

Ст. 54 Закона Пеле признает членов судов спортивной юстиции государственными служащими. Нормы такого типа придают спортивным судам признаки и характеристики системы общих государственных судов, что повышает их значимость и авторитет в системе бразильского спортивного законодательства.

Ст. 55 Закона Пеле определяет состав STJD и TJD из девяти членов в каждом из этих судов:

- два члена суда назначаются органом управления спортом;
- два члена суда назначаются спортивными субъектами, участвующими в официальных соревнованиях основного дивизиона;
- два члена суда — юристы с выдающимися познаниями в области спортивного права, номинированные Бразильской ассоциацией адвокатов;
- один член суда — представитель арбитров, назначенный соответствующей профессиональной ассоциацией;
- два члена суда — представители спортсменов, назначенные соответствующими профсоюзными организациями.

Срок полномочий членов судов составляет четыре года с возможностью одного переизбрания (максимум два срока полномочий) [2].

Эти же нормы продублированы основным нормативном правовом актом, регулирующим систему бразильских спортивных судов, — *CBJD*, который регулирует в том числе структуру этих органов. Согласно ст. 3-А и 4-Б, органами STJD и TJD являются Судебная коллегия и дисциплинарные комитеты. Последние могут создаваться в количестве, необходимом для решения вопросов, связанных с национальными и международными (в случае с STJD), региональными и муниципальными соревнованиями (в случае с TJD). Каждый из

дисциплинарных комитетов STJD и TJD состоит из пяти членов, обладающих признанными знаниями в области спортивного права и безупречной репутацией, которые не входят в полный состав соответствующего пленума суда (ст. 4-А и 5-А).

СВJD предусматривает деятельность Прокуратуры по вопросам спортивного правосудия, содействующей привлечению к ответственности физических или юридических лиц, нарушающих нормы СВJD (глава 4 СВJD). Стоит отметить, что прокуроры назначаются соответствующим их уровню судом, а генеральный прокурор избирается абсолютным большинством полного состава суда из числа трех кандидатов, свободно выдвинутых соответствующей спортивной организацией (ст. 21 СВJD), что делает прокуратуру зависимой от соответствующего ей суда [4].

В системе спортивных судов также действует Антидопинговый суд спортивной юстиции (Tribunal de Justica Desportiva Antidopagem, далее — TJD-AD). Он был официально учрежден позднее основной части системы спортивных судов — в 2016 году, в рамках подготовки Бразилии к проведению летних Олимпийских игр 2016 года Декретом № 8.692 от 16 марта 2016 года (Декрет № 8.692), согласно ст. 5 которого были определены три основных документа, регулирующих его полномочия, структуру и деятельность:

- Декрет № 8.692;
- Антидопинговый кодекс Бразилии (СВА);
- Закон Пеле (ст. 55-А, введенная поправками 2016 года).

Помимо вышеуказанного законодательства, TJD-AD осуществляет свою деятельность в соответствии со Всемирным антидопинговым кодексом.

Ст. 7 Декрета № 8.692, помимо суда, выделила и соответствующую ему Антидопинговую прокуратуру спортивного правосудия — Procuradoria do Tribunal de Justica Desportiva Antidopagem (PROC-JAD). Эти органы входят в систему Спортивного антидопингового правосудия (Justica Desportiva Antidopagem, JAD). Оба эти органа независимы и автономны в своей деятельности [5].

TJD-AD имеет узкую специализацию и организацию, не подчиненную напрямую TJD/STJD. Фактически TJD-AD — параллельная и автономная ветвь бразильских спортивных судов.

Как и в случае с другими спортивными судами Бразилии, п. 2 ст. 8 допускает обжалование решений суда TJD-AD в Международном спортивном арбитражном суде.

Наиболее полное содержание структуры TJD-AD предусмотрено в СВА, в соответствии со ст. 22 которого органами TJD-AD являются:

- пленум, состоящий из всех членов суда, а также ответственного за административные решения (например, утверждение регламента), вторая инстанция TJD-AD;
- судебные палаты в количестве, необходимом для выполнения TJD-AD своих обязанностей, первая инстанция TJD-AD.

Согласно ст. 23 СВА, суд состоит из судей, признанных в области спортивного права, со знаниями антидопинговых норм и безупречной репутацией. Стоит отметить, что при назначении судей TJD-AD должен соблюдаться гендерный паритет (п. 2 ст. 24 СВА). Срок полномочий судей — 3 года с возможностью однократного переизбрания (п. 3 ст. 24).

Подобно балансу участников спортивного права в других спортивных судах, в состав TJD-AD, согласно п. 1 ст. 7, в равной степени должны входить представители органов спортивного управления, организаций профсоюзов спортсменов и органов исполнительной власти.

Помощь председателю TJD-AD и генеральному прокурору PROC-JAD в надзоре за добросовестным соблюдением всеми членами TJD-AD и PROC-JAD положений САД и норм локальных нормативных правовых актов осуществляет Управление внутренних дел по борьбе с допингом в спортивном правосудии (ст. 50 САД), которое действует во главе с вице-президентом TJD-AD в надзоре за судом и во главе с заместителем генерального прокурора PROC-JAD в надзоре за прокуратурой соответственно (ст. 51, 52 САД).

Сторона процесса в TJD-AD может быть представлена адвокатом, зарегистрированным в Бразильской ассоциации адвокатов. Стоит отметить, что САД содержит редко

встречающуюся в спортивном праве гарантию прав для сторон процесса в виде обязанности TJD-AD организовать реестр адвокатов по назначению для бесплатной юридической помощи (pro bono) лицам, не способным оплатить адвокатские услуги.

Следует отметить, что Бразилия — государство, относящееся к континентальной (романо-германской) правовой системе, однако полный состав TJD-AD вправе после неоднократных решений по конкретному вопросу своей деятельности выносить формулировку прецедента (enunciado de sumula), с момента публикации имеющую обязательную силу для всех его судебных органов (ст. 336 CAD).

Ст. 75 CAD предусматривает, что секретариат JAD должен содержать базу данных, открытую для общественности, содержащую окончательные решения TJD-AD. Статья также содержит обязанность соблюдения принципа конфиденциальности, предписывая удалять из текстов решений любые упоминания об имени спортсмена и соревнования, в котором производились допинг-тесты, в том числе его дата. Помимо этого, в норме закреплён и срок обновления базы решений — один раз в месяц [6].

Судебная практика TJD-AD весьма широка — на официальном сайте доступны тексты 213 решений, начиная с 2017 года: 114 решений первой инстанции и 94 решения второй инстанции. Самая большая доля решений (73) касается футбольных споров, однако количество дел в иных видах спорта также значительно. Всеобъемлющая деятельность в разрешении антидопинговых споров подтверждается и тем, что девять решений TJD-AD касаются паралимпийских видов спорта [7].

Однако, несмотря на массив разрешаемых спортивными судами дел и их масштабную судебную практику, в спортивном праве Бразилии имеется немало вопросов и проблем, касающихся деятельности этих органов, требующих разрешения. В первую очередь это касается места спортивных судов в системе государственных органов Бразилии. С момента их создания в юридической сфере идет дискуссия о правовой природе этих органов. В настоящее время в бразильской науке и правоприменительной практике сложился определенный консенсус: спортивное правосудие является не органом, входящим в судебную систему Бразилии (это подтверждается ст. 92 Конституции с перечислением органов судебной системы страны, где спортивные суды отсутствуют), а смешанным институтом с функцией принятия решений административного характера, имеющих юридическую силу только в спортивной сфере, при условии соблюдения конституционных принципов и положений закона [8].

Вызывает споры правоведов и сходство спортивных судов Бразилии со спортивным арбитражем. Действительно, определенные черты последнего действительно можно наблюдать в спортивной юстиции, особенно это заметно в сравнении с государствами с жесткими системами спортивного арбитража (Турция). Однако, по нашему мнению, спортивные суды Бразилии невозможно каким-либо образом отнести к арбитражу. Это подтверждается и характером конституционных норм (наделение спортивной юстиции фактическими полномочиями первой инстанции разрешения спортивных споров, срочность разрешения спортивных споров), и порядком деятельности органов спортивной юстиции, и наличием в Бразилии именно арбитражных органов по разрешению споров, в том числе у CBF.

Еще одним вопросом является нарастающее количество рассмотрения спортивных споров судами общей юрисдикции, принимающими такие дела в результате неспособности спортивных судов своевременно и качественно разрешить их. Юристы Г. С. Силва и Р. С. Ногейра приводят в пример дело «Фламенго против Спорт Ресифи», касающееся вопроса определения победителя чемпионата Бразилии по футболу 1987 года, так как в то время проводились два параллельных турнира — чемпионат под эгидой CBF и турнир под эгидой «Клуба тринадцати», сообщества тринадцати сильнейших футбольных клубов Бразилии. Дело, начавшееся с оспаривания решения CBF об объявлении «Спорт Ресифи» чемпионом, разбиралось параллельно в спортивных судах и судах общей юрисдикции, затянувшись на длительный срок: только в 2018 году после решений STJD и STJ (Верховный суд правосудия, высшая инстанция судов общей юрисдикции) было вынесено окончательное и не

подлежащее обжалованию решение в пользу «Спорт Ресифи», победителя со стороны CBF. Авторы указывают, что этот случай показывает сложность спортивных споров в Бразилии, которые зачастую выходят за рамки 60-дневного рассмотрения [9].

Кроме того, в бразильской правовой системе идет дискуссия о применении норм спортивного права, в частности, юрисдикции спортивных судов на нестандартные виды спорта, например киберспорта. В Палате депутатов Национального конгресса Бразилии в настоящее время на рассмотрении находится проект закона № 205/2023, который приравнивает киберспорт в правовом статусе к остальным видам спорта, следовательно, распространяет на него юрисдикцию спортивных судов [10].

Заключение. Спортивные суды Бразилии — динамично развивающаяся система органов, имеющая масштабную практику и массив нормативных актов. Однако эту структуру нельзя полностью отождествлять с судебной системой Бразилии, поскольку она отделена от общих судов на конституционном уровне. В классификации органов по разрешению спортивных споров спортивная юстиция Бразилии является системой органов со смешанной правовой природой, обладающей признаками как арбитража, так и общих судов. Вместе с тем именно с судебной системой спортивные суды имеют больше всего сходств, начиная от статуса членов таких судов в качестве госслужащих, заканчивая фактически признанием Основным законом страны спортивных судов в качестве первой «суперинстанции» по разрешению спортивных споров, что делает такие суды логичным продолжением общей судебной системы (в этом спортивные суды схожи с судами болельщика общей судебной системы Бразилии).

Система спортивных судов Бразилии не совсем подходит для имплементации в белорусское законодательство: разные формы государственного устройства (федерация и унитарное государство), несоизмеримая численность населения двух государств, различающаяся ситуация по видам спорта (в частности, в Республике Беларусь футбол не является таким влиятельным явлением, как в Бразилии) создают сильно различающиеся правовые ситуации, и существование системы, подобной бразильской спортивной юстиции, было бы для белорусской правовой системы избыточной и крайне затратной. Вместе с тем в бразильском законодательстве существует ряд заслуживающих внимания правовых решений, которые могли бы быть введены в отечественное спортивное право для более эффективного правового регулирования разрешения спортивных споров. Считаем необходимым внести следующие предложения:

1) федерациям (союзам, ассоциациям) по виду (видам) спорта Республики Беларусь внести в уставы и локальные акты систему внутренних органов, правомочных разрешать спортивные споры, а также их компетенцию и порядок деятельности, если такая система отсутствует;

2) федерациям (союзам, ассоциациям) по виду (видам) спорта Республики Беларусь внести изменения в локальные акты, синхронизирующие компетенцию органов, разрешающих спортивные споры, с понятием спортивного спора, предусмотренного п. 1 ст. 48 Закона Республики Беларусь от 4 января 2014 года «О физической культуре и спорте»;

3) установить законодательный приоритет рассмотрения дисциплинарных и допинговых споров во внутренних органах федераций (союзов, ассоциаций) по виду (видам) спорта Республики Беларусь и (или) Спортивного третейского суда при общественном объединении «Белорусский республиканский союз юристов».

Список цитируемых источников

1. CONSTITUIÇÃO DA REPÚBLICA FEDERATIVA DO BRASIL — 1988 // Serviços e Informações do Brasil. — URL: http://www.planalto.gov.br/ccivil_03/constituicao/constituicao.htm (date of access: 03.06.2025).
2. LEI Nº 9.615, DE 24 DE MARÇO DE 1998 // Serviços e Informações do Brasil. — URL: https://www.planalto.gov.br/ccivil_03/leis/19615consol.htm (date of access: 05.05.2025).

3. LEI Nº 14.597, DE 14 DE JUNHO DE 2023 // Serviços e Informações do Brasil. — URL: https://www.planalto.gov.br/ccivil_03/_ato2023-2026/2023/lei/114597.htm (date of access: 05.06.2025).
4. Código Brasileiro de Justiça Desportiva // Serviços e Informações do Brasil. — URL: https://www.gov.br/mds/pt-br/composicao/orgaos-colegiados/cne/arquivos/codigo_brasileiro_justica_desportiva.pdf (date of access: 15.05.2025).
5. DECRETO Nº 8.692, DE 16 DE MARÇO DE 2016 // Câmara dos Deputados. — URL: <https://www2.camara.leg.br/legin/fed/decret/2016/decreto-8692-16-marco-2016-782563-publicacaooriginal-149755-pe.html> (date of access: 25.05.2025).
6. CÓDIGO BRASILEIRO ANTIDOPAGEM 2021 // Serviços e Informações do Brasil. — URL: https://www.gov.br/abcd/pt-br/coordenacoes/gestao-de-resultados/regras-antidopagem-legislacao-1/codigos/copy_of_-_codigos/codigo-brasileiro-antidopagem-2021-compilado.pdf (date of access: 17.05.2025).
7. Jurisprudência TJD-AD // Ministério do Esporte. — URL: <https://www.gov.br/esporte/pt-br/composicao/orgao-colegiado-1/tribunal-de-justica-desportiva-antidopagem/jurisprudencia> (date of access: 29.05.2025).
8. *Lemos, E.* A exigência do exaurimento da justiça desportiva: inconstitucionalidade ou mitigação do princípio da inafastabilidade da jurisdição? / *E. Lemos, R. Maas dos Anjos* // *Prestação Jurisdicional*. — 2023. — Vol. 6, no. 1. — P. 272—294. — URL: <https://revistadocejur.tjsc.jus.br/cejur/article/view/300/153> (date of access: 12.03.2025).
9. *Silva, G. S.* O esgotamento da justiça desportiva e a busca pelo juízo comum / *G. S. Silva, R. S. Nogueira* // *Recima21*. — 2025. — Vol. 6, no. 1. — P. 1—21. — URL: <https://recima21.com.br/index.php/recima21/article/view/6131/4167> (date of access: 12.05.2025).
10. PROJETO DE LEI Nº, DE 2023 1988 // Câmara dos Deputados. — URL: https://www.camara.leg.br/proposicoesWeb/prop_mostrarintegra?codteor=2238980&filename=PL%20205/2023 (date of access: 18.05.2025).

Поступила в редакцию 10.11.2025.

УДК 349.22

Л. А. Козыревская, кандидат юридических наук, доцент
Учреждение образования «Белорусский государственный экономический университет»,
пр-т Партизанский, 26, 220070 Минск, Республики Беларусь

КОНЦЕПЦИЯ НЕТИПИЧНЫХ ФОРМ ЗАНЯТОСТИ В КОНТЕКСТЕ МЕЖОТРАСЛЕВОГО АНАЛИЗА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Представленная работа посвящена анализу понятия «нетипичная занятость» в аспекте возможностей её правового обеспечения средствами трудового и гражданского права. В ходе оценки и сопоставления предлагаемых в доктрине трудового права определений данного понятия обозначена проблема соотношения видовых характеристик, необходимых для родовой трансформации правовых категорий. В процессе проведенного исследования выявлена проблема межотраслевой конкуренции и предложены нормативные пути её разрешения. Предлагаемый теоретический подход позволил сформулировать конкретные предложения по совершенствованию законодательства.

Ключевые слова: нетипичная занятость; гибкая занятость; трудовой договор; гражданско-правовой договор; трудовое правоотношение; признаки нетипичной занятости.

Библиогр.: 10 назв.

L. A. Kozyrevskaia, PhD in Law, Associate Professor
Institution of Education “Belarus State Economic University”,
26 Partizanski Ave., 220070 Minsk, the Republic of Belarus

THE CONCEPT OF ATYPICAL FORMS OF EMPLOYMENT IN THE CONTEXT OF INTERSECTORAL ANALYSIS: THE THEORETICAL ASPECT

The presented work is devoted to the analysis of the concept of “atypical employment” in terms of the possibilities of its legal support by means of labor and civil law. In the course of evaluating and comparing the definitions of this concept proposed in the doctrine of labor law, the problem of the correlation of the specific characteristics necessary for the generic transformation of legal categories was identified. The study identified the problem of intersectoral competition and proposed regulatory solutions. The proposed theoretical approach allowed formulating specific proposals for improving legislation.

Key words: atypical employment; flexible employment; employment contract; civil law contract; labor relationship; signs of atypical employment.

Ref.: 10 titles.

Введение. В последние годы в общественных науках активно обсуждается такое явление, как нетипичная занятость. При этом в качестве причин изменения традиционных форм организации труда указывается на цифровую трансформацию [1, с. 38], становление и развитие «постиндустриального общества» [2, с. 64], расширение процессов глобализации и изменение структуры производства под влиянием научно-технического прогресса [3, с. 16]. Все перечисленные социально-экономические явления носят объективный характер и, безусловно, влекут изменения в отношениях между субъектами, выполняющими определенные действия (осуществляющими деятельность) в пользу иных лиц на возмездной основе, соответственно, понятие нетипичной занятости должно базироваться, с одной стороны, на критериях, присущих действительным общественным отношениям, с другой — содержать в себе указание на специфику моделей их опосредования по сравнению с устоявшимися формами. Однако до настоящего времени особенности общественных отношений, охватываемых терминами «нетипичная занятость», «неформальная занятость», в литературе характеризуются «от противного», т. е. все те взаимодействия, которые не отвечают хотя бы одному из критериев «классических» трудовых отношений [4, с. 41; 5, с. 10]. Такой подход влечет

релятивизм данного понятия, что частично проявляется во множественности терминов, используемых для обозначения рассматриваемого явления. Таким образом, отсутствие определения, основанного на позитивных критериях и, как следствие, неоднозначность в выявлении конкретных видов таких форм занятости, отсутствие теоретического обоснования отграничения гражданско-правового и трудового регулирования указанных отношений обуславливают необходимость обращения к анализу данного общественного феномена с позиций правовой науки.

Методология и методы исследования. Представленное исследование подготовлено с использованием как общенаучных (обобщение, аналогия, моделирование и др.), так и специальных (сравнительно-правовой, комплексный межотраслевой анализ и т. п.) методов. Теоретическую основу публикации составили труды отечественных и зарубежных авторов: О. В. Моцной, К. Л. Томашевского, Е. В. Чичиной и др.

Результаты исследования и их обсуждение. Приносящая доход деятельность физических лиц в праве обозначается термином «занятость», легальное определение которого дано в Законе Республики Беларусь от 15.06.2006 № 125-З «О занятости населения», в соответствии с которым названный термин охватывает деятельность граждан, связанную с удовлетворением личных и общественных потребностей, не противоречащую законодательству и приносящую им заработную плату, вознаграждение по гражданскому договору или иной доход. Иными словами, законодатель рассматривает занятость как объективное социально-экономическое понятие, которое может опосредоваться как в гражданско-правовых формах, так и в трудовых. С учетом этого логично было бы предположить, что нетипичная занятость, исходя из лексической трактовки этого термина, — это занятость, отклоняющаяся по своим признакам от некоей установившейся, принятой в данном обществе модели деятельности физических лиц.

В целом в русскоязычном правоведении используется именно такая схема рассуждений. В частности, О. В. Моцная определяет нетипичную занятость как деятельность граждан, основанную на таком трудовом правоотношении, в котором отсутствует или видоизменен какой-либо из существенных (критериальных) признаков трудового правоотношения: личный, организационный или имущественный [5, с. 10]. Приведенная дефиниция вызывает возражения в части указания на трудовое правоотношение как понятийнообразующий признак.

Правоотношение выступает результатом упорядочения общественного отношения с помощью правовых норм, т. е. выступает в качестве идеологического, надстроечного явления и, соответственно, является вторичным по отношению к реальным общественным связям и взаимодействиям. Соответственно, попытка определить нетипичную занятость через апелляцию к трудовому правоотношению приводит либо к неоправданному сужению понятия «занятость» (любая законная прибыльная деятельность физических лиц, а не только работа по найму), либо нарушает базовые постулаты теории права. Исключительно как предмет трудового права рассматривает данное понятие и А. М. Лушников, который отмечает, что «модель традиционной (типичной) занятости предполагает заключение бессрочного трудового договора на полный рабочий день на стационарном рабочем месте под контролем работодателя с постоянным окладом» [6, с. 279—280]. Думается, что здесь происходит подмена понятий: занятость (как традиционная, так и нетрадиционная) используется в смысле трудового договора. Но, исходя из легального определения этого феномена, как уже отмечалось, вовсе не предполагается оформление возникающих отношений исключительно трудовым договором.

Думается, что ключевым моментом в квалификации рассматриваемого понятия выступает неопределенность относительно классификации складывающихся отношений применительно к предметам трудового и гражданского права. Неявным образом это признаётся и белорусским законодателем. Например, деятельность лица в качестве представителя государства в хозяйственных обществах, согласно п. 1.1 Указа Президента Республики Беларусь

от 19.02.2008 № 100 «О некоторых вопросах владельческого надзора», может осуществляться работниками, государственными гражданскими служащими государственных органов и организаций (т. е. на основании трудового договора) или гражданами, заключившими гражданско-правовой договор. Иными словами, трудовой и гражданско-правовой договоры, как правовые формы урегулирования данных правоотношений, легально квалифицируются как однопорядковые. Следует также упомянуть Указ Президента Республики Беларусь от 08.07.2005 № 314 «О некоторых мерах по защите прав граждан, выполняющих работу по гражданско-правовым и трудовым договорам», само название которого, несмотря на исключение из содержания этого акта упоминания трудовых договоров, позволяет предположить, что с позиций законодателя деятельность физических лиц, приносящая им доход, равным образом может регулироваться как средствами трудового права, так и средствами гражданского права.

В литературе используются и иные термины для обозначения рассматриваемого явления. В частности, В. Е. Гимпельсон, Р. И. Капелюшников и Е. В. Чичина оперируют термином «нестандартная занятость», причем последний автор использует указанный термин как полный синоним понятия «нетипичная занятость» [4; 7]. Иногда такую занятость характеризуют как гибкую [8]. Определяя нестандартный трудовой договор, К. Л. Томашевский, по существу, ставит знак равенства между использованием терминов «гибкие», «нестандартные» и «нетипичные» формы занятости [1, с. 38]. Отсутствие терминологического единства в науке ведет к предположению о том, что сущность данного явления до настоящего времени не выявлена. Кроме того, анализируя используемые термины с позиций этимологии, можно утверждать, что речь идет о деятельности физических лиц, осуществляемой ими в целях получения средств к существованию, которая либо не соответствует некоему стандарту, устоявшейся модели деятельности, либо предполагает возможность быстрого изменения, адаптации к меняющимся социально-экономическим условиям.

В работе Г. З. Файнбурга, посвященной исследованию русскоязычных терминов, описывающих нетипичную занятость, автор также в качестве исходного начала логических построений берет легальное определение занятости, но затем указывает, что типичные формы занятости предполагают «постоянную работу, достаточно жесткие рамки рабочего времени и пространственного расположения рабочих мест... предоставления работающим всех необходимых для производительной работы “аксессуаров” — от станков, предметов труда, инструментов, средств защиты, до обучения, поддержания здоровья, обеспечения безопасности труда и даже мотивации к труду, непосредственное управление и контроль руководителей, “стоящих за спиной” “работника”, над трудовыми процессами и т. п.» [9, с. 18]. Очевидно, что указанный автор в качестве типичной занятости рассматривает только трудовую занятость, но в условиях экономики, построенной в том числе и на частной собственности, вряд ли деятельность физических лиц в качестве ремесленников, самозанятых, наконец, оказывающих разовые услуги или выполняющих разовые работы на возмездной основе может быть охарактеризована как атипичная. Поэтому представляется, что понятие атипичной занятости не может строиться исключительно на выявлении противоречий относительно классических представлений о предмете трудового права, поскольку занятость — это явление объективной реальности, существующее вне зависимости от устоявшегося отраслевого деления системы права, наоборот, правовые формы должны эволюционировать под воздействием изменения общественных отношений.

Если проанализировать конкретные виды деятельности, которые принято относить к нетипичным (нестандартным, гибким) видам занятости: дистанционный труд, платформенную занятость, так называемую занятость «с нулевым рабочим временем» и др., — в качестве общего, объединяющего эти виды деятельности можно выделить значительную автономность физического лица (работника) от лица, в пользу которого эта деятельность осуществляется; возможность использования первым собственными средствами производства; заинтересованность лица, оплачивающего работу в конечном результате, а не просто в выпол-

нении трудовой функции; объективно ограниченные возможности по контролю за порядком осуществления этой деятельности. Иными словами, мы имеем дело с отношениями, отвечающими признакам предметов двух самостоятельных правовых отраслей: гражданского и трудового права. Иллюстрацией данного тезиса будет ситуация, когда организация на основе возмездного договора предлагает физическому лицу протестировать разработанную ей компьютерную программу и дать заключение о наличии проблем в её использовании. Оставляя в стороне вопросы налогового и административного права, можно сказать, что в описанном случае равным образом может быть использован как договор возмездного оказания услуг, так и трудовой договор. Иными словами, возникает до настоящего времени абсолютно не исследованная нашей правовой наукой ситуация отраслевой конкуренции: искомый экономический результат может быть равным образом достигнут через использование различных правовых форм. При этом правовой результат будет существенно различаться.

В настоящее время на практике такая конкуренция разрешается, по сути, единолично нанимателем (работодателем), поскольку в большинстве случаев физическое лицо как сторона, находящаяся в более слабой юридической позиции, вынуждена соглашаться на предлагаемые ей условия оформления отношений. Впоследствии при возникновении спора суд, поскольку он «не связан названием договора, будет руководствоваться его сущностью (содержанием)» [10, с. 34], а также характеристиками сложившихся отношений для разрешения вопроса об их правовой природе. И очевидно, что сделать это будет непросто. Поэтому можно говорить, что в настоящее время сложилась объективная потребность установления правил урегулирования межотраслевой конкуренции. И здесь видятся три основных направления. Во-первых, можно, принимая во внимание одну из главных функций трудового права — обеспечение прав работника, сформировать межотраслевой институт защиты прав физических лиц, осуществляющих деятельность в пользу организаций на возмездной основе безотносительно правовой природы опосредующего эту деятельность договора с соответствующим закреплением в Трудовом и Гражданском кодексах положений о приоритетности этих норм. Во-вторых, можно внести уточнения в ст. 1 Гражданского кодекса Республики Беларусь и ст. 4 Трудового кодекса Республики Беларусь в части конкретизации круга отношений, регулируемых этими актами, и установления критериев разграничения предметов указанных отраслей. Однако с учетом наличного уровня развития правовой науки это довольно трудно, кроме того, установление жестких рамок относительно круга общественных отношений, подлежащих правовому регулированию, может прийти в противоречие с динамикой социальной системы. В-третьих, можно пересмотреть сложившуюся отраслевую систему, распределив нормы трудового права между правом социального обеспечения и гражданским правом, включив в Гражданский кодекс отдельную главу о трудовом договоре. Однако такой подход в целом противоречит сложившимся правовым реалиям. Таким образом, первый вариант представляется наиболее перспективным.

Стоит обратить внимание на еще один аспект проблемы нетипичной занятости, связанный с определением конкретных видов трудовой занятости, которые следует включать в объём этого понятия. Как уже отмечалось, в литературе к видам нетипичной занятости относят правоотношения, в которых отсутствует хотя бы один из таких признаков, как фиксированное рабочее место, стандартная продолжительность рабочего времени, бессрочность, жесткий контроль за выполнением трудовой функции единственным нанимателем. Однако в реальности эти признаки могут быть выражены либо в большей или меньшей степени, либо не оказывать существенного влияния на возможность регулирования таких отношений традиционными средствами трудового права. Например, деятельность работника с сокращенным рабочим временем вряд ли создаёт какие-либо трудности в применении норм названной отрасли права.

В действительности любые общественные отношения отличаются от той абстрактной модели, которая положена в основание разработки правовых норм. Иными словами, правовая норма предполагает некое усредненное, наиболее типичное взаимодействие, склады-

вающееся в данных исторических условиях и востребованное на соответствующем этапе конкретным социумом. Безусловно, законодатель пытается индивидуализировать праворегулирующее воздействие, формируя в рамках отрасли специальные институты, предметом которых выступают отдельные виды отношений, которые, в свою очередь, выделяются путем типизации отдельных значимых признаков. Но выделенные виды должны сохранять сущностные признаки, которые характеризуют предмет данной отрасли, так как в противном случае будет разрушаться её внутреннее единство, утратит своё значение общая часть. Такие виды трудовой деятельности, как работа на основе срочного трудового договора (тем более в реальности современной Беларуси), работа по совместительству, сезонная работа, имеют различия в рамках общих признаков трудового отношения, поэтому не влекут принципиальных трудностей в их регулировании нормами трудового права. Другое дело — такие виды деятельности, как дистанционная работа, платформенная занятость, занятость с нулевым рабочим временем и подобные им, которые не отвечают сущностным критериям отношений, включенных в предмет трудового права, требуют для своего регулирования специальных норм в ключевых аспектах: увольнение, дисциплина труда, использование средств труда и т. д. Можно сказать, что в отношении указанных видов деятельности накопление особенностей возникающих правоотношений привело к качественному скачку, и теперь мы имеем дело не с видом трудового отношения, а новым типом общественного отношения, за урегулирование которого конкурируют нормы двух отраслей, причем ни гражданское право, ни трудовое в их сегодняшнем состоянии не могут полноценно осуществить такое регулирование. Именно такие формы занятости следует обозначать как нетипичные.

Заключение. Понятие «нетипичная занятость» как часть более общего понятия «занятость» характеризует совокупность общественных отношений, возникающих в связи с осуществлением физическим лицом социально полезной деятельности на возмездной основе, в которых данное лицо обладает относительной автономией и самостоятельностью в организации труда, что порождает конкуренцию между гражданско-правовыми и трудовыми формами опосредования этих отношений. Названные отношения обладают одновременно признаками трудовых и гражданско-правовых отношений, что приводит к невозможности их полноценного регулирования средствами указанных отраслей в их современном состоянии.

В рамках единого трудового правоотношения как типа можно, опираясь на степень выраженности его отдельных признаков (срок договора, продолжительность рабочего времени и т. д.), выделять его отдельные виды, что не позволяет относить эти виды к нетипичной занятости. Только критичное накопление специфических особенностей, приводящее к «размыванию» трудовой природы правоотношения, позволяет говорить о формировании нового типа правоотношений, являющихся смежными по отношению к предметам правового регулирования гражданского и трудового права.

Список цитируемых источников

1. *Томашевский, К. Л.* Понятие нетипичных форм занятости и тенденции к их расширению в странах ЕАЭС / К. Л. Томашевский // Приоритетные направления развития правовой системы общества : материалы IX Междунар. науч.-практ. конф., Гомель, 12—13 мая 2022 г. : в 2 ч. / редкол.: И. И. Эсмантович (гл. ред.) [и др.] ; Гом. гос. ун-т им. Ф. Скорины. — Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2022. — Ч. 2. — С. 37—41.
2. *Розеватов, Г. А.* Нестандартная занятость в современном российском обществе: социолого-управленческий аспект : автореф. дис. ... канд. социол. наук : 22.00.08 / Розеватов Георгий Александрович ; Пенз. гос. ун-т. — Пенза, 2007. — 26 с.
3. *Маслова, Е. В.* Регулирование нестандартной занятости населения в Российской Федерации: теоретико-методологические и практические вопросы : дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.05 / Маслова Елена Валерьевна ; федер. бюджет. учреждение «Всерос. науч.-исслед. ин-т труда» М-ва труда и соц. защиты Рос. Федерации. — М., 2018. — 411 с.
4. *Чичина, Е. В.* Отдельные нестандартные формы занятости: правовой аспект / Е. В. Чичина. — Мн. : Право и экономика, 2004. — 142 с.

5. *Мощная, О. В.* Нетипичная трудовая занятость: некоторые проблемы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.05 / Мощная Оксана Владимировна ; Ин-т государства и права — М., 2009. — 27 с.
6. *Лушников, А. М.* Нетипичные трудовые договоры в начале XXI века / А. М. Лушников // Правовые средства обеспечения развития экономики Республики Беларусь : материалы Междунар. науч.-практ. конф., 9—10 нояб. 2007 г., г. Минск / Бел. гос. ун-т [и др.] ; редкол.: И. Н. Колядко (гл. ред.) [и др.]. — Мн., 2008. — С. 279—289.
7. *Гимпельсон, В. Е.* Нестандартная занятость в российской экономике / В. Е. Гимпельсон, Р. И. Капельюшников. — М. : ГУВШЭ, 2006.
8. *Меркушева, М. В.* Гибкие формы занятости: особенности применения в современных условиях / М. В. Меркушева // Экономика труда. — 2020. — Т. 7, № 5. — С. 421—438.
9. *Файнбург, Г. З.* Русскоязычные понятия и термины правоотношений по поводу труда при типичной и нетипичной занятости / Г. З. Файнбург // Безопасность и охрана труда. — 2023. — № 4. — С. 17—26.
10. *Шелепина, Е. А.* О разграничении гражданско-правовых и трудовых отношений: гражданско-правовой аспект / Е. А. Шелепина // Бизнес в законе. — 2014. — № 6. — С. 33—38.

Поступила в редакцию 10.11.2025.

УДК 347.919

С. Т. Малишевский

Учреждение образования Федерации профсоюзов Беларуси «Международный университет «МИТСО»»,
ул. Казинца, 21, корп. 3, 220099 Минск, Республика Беларусь, +375 (29) 682 88 97, 6828897@mail.ru

РОЛЬ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ ПРИ БЕССПОРНОМ ВЗЫСКАНИИ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ

Статья посвящена исследованию обеспечительной роли процессуальных отношений в соблюдении конституционного принципа равноправия сторон перед законом. Установлено, что отсутствие процессуальных отношений между нотариусом и должником при использовании взыскателем нотариального способа защиты субъективных гражданских прав влечет негативные экономические последствия для отдельных субъектов и общества в целом. В работе исследованы особенности процессуальных правовых норм различных отраслей права и возникающих между субъектами судебных и внесудебных разбирательств процессуальных отношений, предложены варианты решений выявленных проблем процессуального регулирования отдельных видов бесспорного взыскания денежных средств.

Ключевые слова: бесспорное взыскание; исполнительная надпись нотариуса; неустойка; процессуальное право; процессуальные отношения; равноправие сторон.

Библиогр.: 6 назв.

S. T. Malisheuski

Institution of Education of the Federation of Trade Unions of Belarus «International University «MITSO»»,
21 Kazintsa Str., bldg. 3, 220099 Minsk, the Republic of Belarus, +375 (29) 682 88 97, 6828897@mail.ru

THE ROLE OF PROCEDURAL RELATIONS IN UNDISPUTED COLLECTION OF FUNDS

The article is dedicated to examining the safeguarding role of procedural relations in observing the constitutional principle of equality of the parties before the law. It has been established that the absence of procedural relations between the notary and the debtor — when the creditor uses the notarial method to protect subjective civil rights — leads to negative economic consequences for individual parties and society as a whole. The paper analyzes the characteristics of procedural legal norms of various branches of law, as well as the procedural relations that arise between parties in judicial and extrajudicial proceedings. It also proposes solutions to the identified problems in procedural regulation of specific types of undisputed collection of funds.

Key words: undisputed collection; notary's executive inscription; penalty; procedural law; procedural relations; equality of parties.

Ref.: 6 titles.

Введение. Комплексное исследование института бесспорного взыскания денежных средств в Республике Беларусь, по нашему мнению, предполагает не только детальное исследование действующих норм материального права, регламентирующих такое взыскание и ретроспективный анализ ранее существовавших норм, но изучение особенностей действия процессуальных правовых норм и возникающих между субъектами бесспорного взыскания процессуальных отношений. Необходимость исследования содержания процессуального права в институте бесспорного взыскания обусловливается наличием практической необходимости и значимости процессуального права в целом, его роли в обеспечении соблюдения конституционного принципа равноправия сторон.

Принцип равноправия сторон является конституционным принципом правосудия [ст. 115 Конституции Республики Беларусь, ст. 12 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь (ГПК), ст. 18 Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь (ХПК)], принципом деятельности организаций, уполномоченных разрешать споры во внесудебном порядке (ст. 3 Закона Республики Беларусь от 09.07.1999 № 279-3

«О международном арбитражном (третейском) суде», ст. 5 Закона Республики Беларусь от 18.07.2011 № 301-З «О третейских судах») и выражается в установленных законом и регламентом третейского суда возможностях сторон и гарантированных правах на защиту своих интересов. Если истцу предоставлено право изменить предмет и основание иска, то ответчику — основания своих возражений. Таким образом, ни одна из сторон не пользуется преимуществом перед другой.

Практическая необходимость и значимость процессуального права вытекают из предмета его правового регулирования, которым выступает непосредственно сам процесс, специфический для определенных отраслей права, процессуальное право регулирует порядок реализации материальных норм. Понятие «процессуальное право» принято применять в основном к процессу судопроизводства и третейского разбирательства, между тем процессом можно справедливо назвать любой установленный законодательством порядок действий, необходимых для реализации материального права. Поскольку бесспорное взыскание денежных средств осуществляется уполномоченными органами в определенном порядке, можно констатировать факт регулирования такого взыскания нормами материального и процессуального права. Таким образом, можно утверждать о наличии самого процесса при осуществлении бесспорного взыскания денежных средств, что, однако, не позволяет с уверенностью говорить о наличии процессуальных отношений между органом, осуществляющим бесспорное взыскание, и всеми юридически заинтересованными в исходе дела сторонами.

Целью настоящего исследования является установление факта отсутствия либо наличия процессуальных правоотношений между органом, осуществляющим бесспорное взыскание во всех видах такого взыскания, и сторонами, юридически заинтересованными в исходе дела (кредитор и должник), что имеет важное значение для ответа на вопрос о том, обеспечивается ли при таком взыскании конституционный принцип равноправия сторон перед законом.

Материалы и методы исследования. В ходе исследования автором были использованы общенаучные методы исследования, анализ действующих процессуальных правовых норм, обеспечивающих реализацию прав кредитора и должника в процессе защиты материальных прав, а также полномочий соответствующих органов по бесспорному взысканию денежных средств, анализ складывающейся в Республике Беларусь судебной практики, обобщение результатов научных трудов советских, белорусских и российских ученых. Теоретической основой исследования послужили труды ученых-правоведов: Г. В. Молевой, В. Б. Вершинина, М. К. Треушникова и др.

Результаты исследования и их обсуждение. Принято считать, что процессуальные отношения — основанные на нормах законодательства публично-правовые (официальные) связи между судом и другими участниками процесса на всех его стадиях, опосредующие реализацию принципов судопроизводства. Таким образом, обязательным участником процессуальных отношений является суд, что следует из принципа совершения правосудия только судом [1, с. 33—35]. При этом, по нашему мнению, в понятие «суд» в контексте настоящего исследования необходимо включать не только суды, входящие в судебную систему Республики Беларусь, но и организации, создаваемые на основании законодательства для разрешения споров: третейские суды, международные арбитражные (третейские) суды.

Помимо суда субъектами процессуальных отношений являются иные участники процесса, которые являются носителями процессуальных прав и обязанностей, реализуемых в судебном процессе либо третейском разбирательстве. Кроме суда к ним относятся лица, участвующие в деле, и лица, содействующие осуществлению правосудия [2].

По мнению многих ученых, в частности И. Э. Мартыненко, которое мы поддерживаем, процессуальные отношения не складываются по формуле «каждый с каждым», т. е. не возникают между участниками процесса, а так или иначе опосредованы судом и складываются только через суд. Иначе говоря, процессуальные отношения возникают между судом

и иными участниками процесса в ходе разрешения и рассмотрения споров, административных дел, в стадиях пересмотра судебных постановлений и при обращении их к исполнению [3, с. 33]. М. К. Треушников отмечает, что такие многосубъектные властеотношения относятся к правоохранительным и обеспечивают реализацию регулятивных отношений под угрозой государственного принуждения [4, с. 32]. Представляется, что данное утверждение верно не только в отношении судов, входящих в судебную систему Республики Беларусь, но и в отношении третейских судов, поскольку принудительное исполнение решения третейского суда, не исполненного добровольно в установленный срок, осуществляется в порядке, установленном законодательством об исполнительном производстве, а на территории иностранных государств — в соответствии с нормами международного права. Таким образом, процессуальные отношения регулируются отраслевым процессуальным законодательством и разработанным в соответствии с законодательством регламентом конкретного третейского суда.

Анализ действующего законодательства Республики Беларусь показывает, что бесспорное взыскание денежных средств применяется для реализации двух различных целей: защиты личных имущественных интересов субъекта (восстановление нарушенных субъективных гражданских прав) и обеспечения общественных интересов (взыскание либо возврат денежных средств в бюджет). Следовательно, в первом случае бесспорному взысканию предшествуют правоотношения, регулируемые законодательством, относящимся к отрасли гражданского права, а во втором — публичного права.

Заявленная цель настоящей работы позволяет сузить область исследования института бесспорного взыскания денежных средств и предполагает исключение исследований связей, возникающих между субъектами из административно-публичных и иных публичных отношений.

Видами бесспорного взыскания в гражданском процессе являются: приказное производство (глава 31 ГПК, глава 24 ХПК), совершение нотариусом исполнительной надписи [ст. 105—107 Закона Республики Беларусь от 18.07.2004 № 305-3 «О нотариате и нотариальной деятельности» (далее — Закон № 305-3)]. Сторонами таких дел являются взыскатель и должник.

Наличие процессуальных отношений в приказном производстве и, соответственно, обеспечение отраслевым процессуальным законодательством соблюдения принципа равноправия сторон перед законом было установлено выше.

Исполнительная надпись нотариуса, как способ защиты нарушенных субъективных прав взыскателя, выражающийся в письменном распоряжении нотариуса о взыскании денежных сумм (задолженности) с должника для удовлетворения бесспорных требований кредитора в процессуальном плане, имеет существенные отличия от приказного производства, осуществляемого в судах общей юрисдикции.

Кроме указанных выше правовых норм Закона № 305-3 порядок реализации норм материального права содержится в нормах, изложенных в Перечне документов, по которым взыскание производится в бесспорном порядке на основании исполнительных надписей, утвержденном постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 13 июня 2024 года № 418 (Перечень № 418), и Инструкции о порядке совершения нотариальных действий, утвержденной постановлением Министерства юстиции Республики Беларусь от 23.10.2006 № 63 (далее — Инструкция № 63).

Анализ указанных процессуальных правовых норм показывает, что они регулируют отношения, возникающие в процессе совершения исполнительной надписи, исключительно между нотариусом и взыскателем. Исполнительная надпись совершается на основании заявления взыскателя о ее совершении, соответствующего определенным требованиям (п. 4 ст. 105 Закона № 305-3, п. 212 Инструкции № 63) и приложенных к нему документов, предусмотренных Перечнем № 418. По результатам обращения взыскателя нотариусы принимают решение о совершении нотариального действия либо отказывают в его совершении по основаниям, установленным ст. 71 Закона № 305-3 (п. 8 Инструкции № 63).

Таким образом, в процессе бесспорного взыскания денежных средств посредством исполнительной надписи нотариуса между нотариусом и должником процессуальные отношения отсутствуют полностью, так как должник в данном процессе не участвует вовсе. Предусмотренный ст. 72 Закона № 305-3 порядок обжалования нотариальных действий или отказов в их совершении осуществляется в порядке, предусмотренном ГПК и ХПК по правилам искового производства, наличие процессуальных отношений в котором и соблюдение принципа равноправия сторон перед законом установлены выше.

Факт отсутствия процессуальных отношений между нотариусом и должником свидетельствует о несоблюдении принципа равноправия сторон перед законом при осуществлении бесспорного взыскания денежных средств посредством исполнительной надписи нотариуса.

Последствия несоблюдения принципа равноправия сторон, выраженного в отсутствии процессуальных отношений между нотариусом и должником при совершении исполнительной надписи нотариуса, наносят ущерб не только интересам должника, но и общественным интересам, т. е. глобальным экономическим интересам всего общества, которые необходимо защищать и продвигать на благо общества.

Негативные последствия для должника выражаются в следующем:

1) невозможности воспользоваться правом, предоставленным частью первой ст. 314 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее — ГК), на снижение размера установленной договором неустойки в случаях, когда размер неустойки чрезвычайно велик и явно несоизмерим последствиям нарушения обязательства. Указанная норма гражданского законодательства направлена на то, чтобы кредитор получил полное удовлетворение своих имущественных потерь, возникших в результате нарушения его охраняемых законом прав и интересов, но не извлекал имущественную выгоду за счет должника в обязательстве. В данном случае должник лишен права на использование законного механизма противодействия неосновательному обогащению кредитора за счет разорения должника, а установленное частью первой ст. 314 ГК правило, соответствующее гражданско-правовому принципу равенства и баланса интересов сторон, не работает. Фактически уплаченная неустойка [взысканная посредством автоматизированной информационной системы исполнения денежных обязательств (АИС ИДО) или в исполнительном производстве] не подлежит уменьшению, даже если должник воспользуется правом на обращение с иском в суд о признании исполнительного документа неподлежащим исполнению в части несоразмерности неустойки (часть третья ст. 314 ГК). Решением от 5 июля 2012 года № Р-742/2012 «О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь “О внесении дополнений и изменений в некоторые законы Республики Беларусь по вопросам нотариальной деятельности”» Конституционный Суд Республики Беларусь констатировал, что положения Конституции Республики Беларусь, исходя из целей правового государства и гарантируя каждому право на судебную защиту, не исключают возможности применения на определенных условиях внесудебных форм защиты прав и свобод человека. При этом требование законодательства о соблюдении предварительного внесудебного порядка разрешения дела не лишает заинтересованное лицо в случае возникновения спора права на защиту своих прав и законных интересов в судебном порядке путем предъявления иска. Данный вывод Конституционного Суда Республики Беларусь неприменим к случаю фактического взыскания несоразмерной неустойки посредством исполнительной надписи нотариуса, что подтверждается сложившейся судебной практикой.

Так, постановлением Судебной коллегии по экономическим делам Верховного Суда Республики Беларусь от 13 октября 2021 года (дело № 155ЭИП212266) Верховный Суд Республики Беларусь отменил решение экономического суда города Минска от 07.07.2021 и постановление апелляционной инстанции этого суда от 19.08.2021. Обстоятельства дела: в связи со списанием посредством АИС ИДО с расчетного счета истца по делу взысканной нотариусом пени и невозможностью уменьшения неустойки в силу части третьей ст. 314 ГК истец решил использовать общий способ защиты гражданских прав, в частности,

восстановление положения, существовавшего до нарушения права путем подачи иска о взыскании неосновательного обогащения. Отменяя судебные постановления нижестоящих инстанций, суд кассационной инстанции установил, что при взыскании в качестве неосновательного обогащения части пени со ссылкой на положения части первой ст. 314 ГК судебные инстанции не оценивали вышеуказанные обстоятельства произведенных оплат применительно к нормам части третьей ст. 314 ГК, согласно которой уменьшение неустойки после ее уплаты не допускается, а также положениям ст. 971 ГК, поскольку пеня была рассчитана арендодателем со ссылкой на договор аренды;

2) невозможности воспользоваться процессуальным законодательством, предусматривающим возможность отсрочки или рассрочки исполнения акта о взыскании денежных средств (ст. 329 ГПК, ст. 211 ХПК);

3) использовании исполнительной надписи нотариуса в механизме преступной деятельности, направленной на хищение денежных средств [5].

Негативные последствия для общественных интересов при взыскании с должника задолженности посредством исполнительной надписи фактически являются производным от таких неблагоприятных последствий для должника и выражаются в следующем:

1) отсутствие у должника возможности воспользоваться правом на снижение несоразмерной неустойки, фактическое лишение права на предоставление отсрочки или рассрочки исполнения исполнительного документа являются факторами, которые по отдельности либо в совокупности с высокой долей вероятности могут повлечь для должника снижение объемов производства продукции, объемов продаж и реализации услуг, что, в свою очередь, может привести к невозможности расчетов с кредиторами, включая взыскателя, т. е. приведет к такому ухудшению финансового положения должника, которое может повлечь за собой уменьшение сумм налоговых отчислений, возможное сокращение рабочих мест, а также наиболее неблагоприятное для него последствие — банкротство. Таким образом, в список внешних причин банкротства можно отнести и имеющиеся недостатки правового регулирования бесспорного взыскания денежных средств посредством исполнительной надписи нотариуса.

Указанные негативные последствия, безусловно, влияют на состояние экономики государства в целом. Как справедливо отметил К. В. Лазуренко в исследованиях влияния банкротств предприятий на экономику государства, находящийся в трудном финансовом положении должник вынужден уменьшить капитальные затраты, теряет способность к расширенному воспроизводству и к будущему экономическому росту. При этом увеличиваются риски повышения уровня безработицы, уменьшения платежеспособного спроса, увеличения бюджетных расходов, которые связаны с социальными выплатами, снижения объема налоговых поступлений. Необходимо учитывать также тот факт, что финансы хозяйствующих субъектов обслуживают сферу материального производства, в которой создается совокупный общественный продукт, национальный доход и национальное богатство [6];

2) общественная опасность хищений имущества с использованием исполнительной надписи нотариуса очевидна и заключается в том, что они, как и все виды хищений, нарушают нормальное функционирование экономических отношений общества, ведут к незаконному обогащению виновных за счёт собственников и владельцев.

Заключение. Проведенное исследование подтверждает практическую необходимость и значимость процессуального права в целом, его роль в обеспечении соблюдения конституционного принципа равноправия сторон, защите частных интересов отдельных субъектов и интересов всего общества. Выявленное отсутствие процессуальных отношений между нотариусом и должником в процессе совершения исполнительной надписи нотариуса требует оперативного нормотворческого реагирования и внесения изменений и дополнений в существующие отраслевые источники процессуального права: Закон № 305-З, постановление Совета Министров Республики Беларусь от 13 июня 2024 года № 418 и Инструкцию № 63.

Направленность таких изменений может носить как ограничительный характер по отношению к процессуальным правам взыскателя (ограничение права взыскивать посредством исполнительной надписи договорную неустойку в части, превышающей установленный Национальным банком Республики Беларусь на дату взыскания размер ставки рефинансирования), так и расширительный характер по отношению к процессуальным правам должника (наделение его процессуальной правоспособностью, правом получать от нотариуса информацию о факте надлежащего обращения взыскателя с заявлением о совершении исполнительного действия и в случае несогласия с заявленными требованиями предоставлять нотариусу мотивированные возражения на них, которые могут быть самостоятельным основанием для отказа в совершении нотариального действия).

Список цитируемых источников

1. *Молева, Г. В.* Гражданский процесс : учеб. пособие / Г. В. Молева, Б. В. Вершинин. — Пенза : Изд-во Пенз. гос. ун-та, 2021. — 360 с.
2. *Ахмеров, Р. А.* О лицах, содействующих осуществлению правосудия / Р. А. Ахмеров // Арбитражный и гражданский процесс. — 2017. — № 11. — С. 9—11.
3. *Мартыненко, И. Э.* Судостроительство и судопроизводство по хозяйственным спорам : учеб. пособие / И. Э. Мартыненко. — Гродно : Гродн. гос. ун-т, 2009. — 599 с.
4. Арбитражный процесс : учебник / Т. К. Андреева, Е. А. Борисова, С. А. Иванова [и др.] ; под ред. М. К. Треушников. — М. : Городец, 2007. — 672 с.
5. *Малишевский, С. Т.* О нормативно-правовом обеспечении противодействия преступной деятельности, связанной с использованием исполнительной надписи нотариуса / С. Т. Малишевский // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. — 2024. — № 2. — С. 70—76.
6. *Лазуренко, К. В.* Влияние банкротств предприятий на национальную экономику / К. В. Лазуренко // Аллея науки. — 2020. — Т. 1, № 1. — С. 112—116. — URL: https://alley-science.ru/domains_data/-files/2January2020/VLIYaNIE%20BANKROTSTV%20PREDPRIYATIY%20NA%20NACIONALNUYu%20EKONOMICHE%20NAUKI.pdf (дата обращения: 05.05.2025).

Поступила в редакцию 20.11.2024.

УДК 349.2

Н. А. Плахотина, доктор юридических наук, профессор
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Луганский государственный университет имени Владимира Даля»,
кв. Молодёжный, 20а, 291034 Луганск, Луганская Народная Республика, Российская Федерация,
+7 (959) 122 23 84, snu.jur@gmail.com

ПРАВО ВОЗВРАТНОГО ПРИЁМА НА РАБОТУ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕГО ВОССТАНОВЛЕНИЯ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ И БЕЛАРУСИ

В работе рассматривается правовая конструкция «право возвратного приёма на работу». Объектом исследования являются общественные отношения, связанные с приёмом на работу лиц, которые ранее были уволены по инициативе работодателя в связи с сокращением численности или штата работников. Предметом исследования стали правовые нормы российского и белорусского трудового законодательства. Целью исследования является правовая оценка перспектив внедрения права возвратного приёма на работу в современную правовую действительность. Работа содержит новый подход к определению права возвратного приёма на работу, отвечающий интересам обеих сторон трудового договора. Практическое значение итогов работы состоит в том, что внедрение в законодательство предложенной правовой концепции позволит наряду с установлением дополнительной гарантии реализации права на труд высвобожденных работников обеспечить эффективную реализацию хозяйственно-производственной функции трудового права, без которой невозможно повышение жизненного уровня работников. Кроме того, предложенные изменения к законодательству позволят работникам избежать повторного увольнения с предприятия (обусловленного принятием на должность без прохождения профотбора) и серьёзных психологических потрясений, связанных с этим.

Ключевые слова: трудовое законодательство; институт занятости; право возвратного приёма на работу; социальная функция права; функции трудового права.

Библиогр.: 6 назв.

N. A. Plahotina, Doctor of Law, Professor
Federal State Budgetary Educational Institution “Lugansk Vladimir Dahl State University”, 20a Molodezhny apt.,
291034 Lugansk, Lugansk People’s Republic, the Russian Federation, +7 (959) 122 23 84, snu.jur@gmail.com

THE RIGHT OF EMPLOYMENT RETURN AND PROSPECTS FOR ITS REINSTATEMENT IN THE LEGISLATION OF RUSSIA AND BELARUS

The paper examines the legal construct of the “right of employment return”. The object of the study is public relations associated with the employment of persons, who were previously dismissed on the initiative of the employer due to a reduction in the number or staff of employees. The subject of the study is the legal norms of Russian and Belarusian labour legislation. The purpose of the study is to legally assess the prospects for introducing the right of employment return into modern legal reality. The work contains a new approach to defining the right of employment return that meets the interests of both parties to the employment contract. The practical significance of the results of the work is that the introduction of the proposed legal concept into legislation will allow, along with the establishment of an additional guarantee for the implementation of the right to work of laid-off workers, to ensure the effective implementation of the economic and production function of labour law, without which it is impossible to improve the standard of living of workers. In addition, the proposed changes to the legislation will allow employees to avoid repeated dismissal from the enterprise (due to being accepted for a position without passing a professional selection) and serious psychological shocks, associated with this.

Key words: labour legislation; the institution of employment; the right of employment return; social function of law; functions of labour law.

Ref.: 6 titles.

Введение. Современное социальное государство принимает на себя обязанность содействовать занятости и трудоустройству населения, а также оказывать социальную защиту лицам, которые по независящим от них причинам не могут осуществлять своё право на труд. Поэтому можно констатировать, что в институте занятости наиболее ярко выражена

социальная функция трудового права [1, с. 289] и, как следствие, социальная направленность как российского, так и белорусского государства. Это в полной мере соответствует тем ценностям и приоритетам, которые закреплены на конституционном уровне [2, ст. 7; 3, ст. 1].

Различным аспектам занятости и трудоустройства на современном этапе посвящены работы многих учёных, среди которых можно выделить следующих: В. В. Лазор, Л. И. Лазор, И. И. Шамшина [4, с. 9—42] и др. Однако несмотря на наличие большого количества работ и публикаций, не все проблемы в данной сфере получили своё решение. Поэтому исследование вопросов занятости и трудоустройства по-прежнему остаётся актуальным.

Объектом исследования являются общественные отношения, связанные с приёмом на работу лиц, которые ранее были уволены по инициативе работодателя в связи с сокращением численности или штата работников. Предметом исследования стали правовые нормы российского и белорусского трудового законодательства. Целью исследования является правовая оценка перспектив внедрения права возвратного приёма на работу в современную правовую действительность.

Материалы и методы исследования. Особое место в отечественном законодательстве отводится гарантиям права на труд как одного из естественных и неотъемлемых прав человека.

В действующем Трудовом кодексе Российской Федерации (ТК РФ) гарантиям и компенсациям работникам при ликвидации организации, сокращении численности или штата работников организации посвящена статья «Гарантии и компенсации работникам при ликвидации организации, сокращении численности или штата работников» в главе 27 «Гарантии и компенсации работникам, связанные с расторжением трудового договора» [5, ст. 180].

В Трудовом кодексе Республики Беларусь (ТК Беларуси) гарантии и компенсации работникам, связанные с расторжением трудового договора, не выделяются в отдельную главу, однако в целом перечень гарантий совпадает с российским подходом к социальной поддержке лиц, подвергающихся увольнению в связи с ликвидацией организации, сокращением численности или штата работников [6, ст. 43, 45, 46, 48, 325].

Однако среди гарантий работникам при сокращении численности или штата работников ни в российском, ни в белорусском трудовом законодательстве не значится право возвратного приёма на работу. Этим правом на протяжении многих лет, начиная с советских времён, пользовались работники, уволенные в связи с сокращением численности или штата работников.

Видимо, современный законодатель пришёл к выводу, что поскольку юридическая категория «право возвратного приёма на работу» зарождалась в социально-экономических условиях, кардинально отличающихся от современных условий рынка, то в настоящее время она уже утратила свою целесообразность.

Для научно обоснованного решения вопроса о целесообразности правовой конструкции «право возвратного приёма на работу» в современных правовых реалиях России и Беларуси в данном исследовании использованы общенаучные методы анализа, синтеза, статический и динамический методы исследования, а также специально-юридические методы: сравнительно-правовой, формально-юридический и технико-юридический.

Результаты исследования и их обсуждение. Право возвратного приёма на работу высвобожденных работников в советский период выражало социальную функцию трудового права и социальную направленность государственной политики, не позволяя работодателю (нанимателю) использовать механизм сокращения численности или штата работников как способ избавления от неудобных работников. В силу этого представляется, что право возвратного приёма на работу заслуживает возобновления в правовой действительности Республики Беларусь и Российской Федерации.

Вместе с тем изначальный (советский) концептуальный подход к регламентации права возвратного приёма на работу требует тщательного пересмотра и адаптации к новым рыночным реалиям. Защищая интересы работника, эта правовая гарантия не должна ущемлять

права и законные интересы работодателя (нанимателя), для которого важно повышение конкурентоспособности предприятия, его сбалансированное функционирование и развитие. Если при защите интересов лиц наёмного труда не учитывать потребности производства, это может привести к снижению рентабельности предприятия, последующему сокращению численности или штата работников либо к банкротству предприятия. В конечном счёте из-за полной ликвидации рабочих мест существенный ущерб понесут работники и общество в целом.

Чтобы избежать подобных последствий, современная юридическая конструкция права возвратного приёма на работу должна отражать не только интересы работника, но и обоснованные интересы работодателя (нанимателя).

Использование конструкции «право возвратного приёма на работу» в том виде, в котором она была закреплена в советском законодательстве, в современных реалиях может повлечь за собой, во-первых, ущемление законного права работодателя (нанимателя) на профессиональный отбор при приёме на работу; во-вторых, если ранее высвобожденный работник в рамках возвратного приёма на работу без прохождения должного профессионального отбора будет назначен на должность, которой он фактически не соответствует из-за перерыва в работе, то ему впоследствии может грозить увольнение в связи с несоответствием занимаемой должности [5, п. 3 ст. 81; 6, п. 3 ст. 42]. Это в конечном счёте из-за психологических нагрузок приведёт к стремительному падению мотивации трудовой активности такого работника. Если же говорить о массовости подобных ситуаций, то они неизбежно приведут к значительному снижению трудовой активности населения, спаду производства и стремительному росту безработицы, что нанесёт значительный урон экономическому потенциалу страны.

Нужно отметить, что право возвратного приёма на работу по своей социальной направленности очень схоже с преимущественным правом оставления на работе, т. е. является одной из дополнительных гарантий реализации права на труд [5, ст. 179; 6, ст. 45].

Вместе с тем из смысла ст. 179 ТК РФ и ст. 45 ТК Беларуси видно, что право преимущественного оставления на работе, помимо интересов работника, учитывает интересы работодателя (нанимателя). Причём действующим законодательством именно интересы работодателя (нанимателя) выдвигаются на первое место при закреплении преимущественного права на оставление на работе, поскольку в ст. 179 ТК РФ и ст. 45 ТК Беларуси прямо указано, что первоочередным (безусловным) преимуществом пользуются работники с более высокой квалификацией и производительностью труда.

Такое положение вещей вполне оправдано. Если сложное экономическое положение вынуждает работодателя ликвидировать часть рабочих мест, то для того, чтобы выйти из этого сложного положения и не стать банкротом, работодателю (нанимателю) необходимы наиболее профессиональные сотрудники, способные к высокой производительности труда. Именно такой правовой подход следует применить при регулировании права возвратного приёма на работу высвобожденных работников.

Заключение. Преимущество высвобожденного работника при приёме на работу должно быть восстановлено. Но применяться оно должно только в случаях, когда уровень квалификации и навыков ранее высвобожденного работника не ниже, чем профессиональный уровень других кандидатов на соответствующую должность. То есть работники, обладающие правом возвратного приёма на работу, должны пройти профессиональный отбор наряду с другими претендентами на данное рабочее место. И в том случае, если они демонстрируют одинаково высокий уровень профессионализма с претендентом, не обладающим правом возвратного приёма на работу, предпочтение, безусловно, должно отдаваться работникам, ранее уволенным из данной организации в связи с сокращением численности или штата.

При подобном восстановлении права возвратного приёма на работу для работников, уволенных в связи с сокращением численности или штата, в отечественном трудовом законодательстве необходимо также определить значение данного понятия, чтобы надлежащим

образом зафиксировать статику регулятивной функции трудового права в институте занятости и трудоустройства и обеспечить однозначное понимание исследуемого термина всеми адресатами правовых норм. При законодательном закреплении определения права возвратного приёма на работу необходимо учитывать, что оно предполагает преимущество ранее уволенного работника перед другими претендентами на заключение трудового договора с определённым предприятием. В связи с этим применительно к российскому законодательству представляется уместной такая дефиниция:

«Право возвратного приёма на работу — это преимущественное право работника, уволенного в связи с сокращением численности или штата работников, в течение года после увольнения заключить трудовой договор с работодателем, которым он был уволен, при условии, что результаты профессионального отбора у него не ниже, чем у других претендентов на соответствующую должность».

Предложенное определение целесообразно закрепить в абзаце 5 ст. 180 ТК РФ.

В законодательстве Республики Беларусь определение понятия «право возвратного приёма на работу» целесообразно закрепить отдельной ст. 45¹, скорректировав содержание определения с учётом белорусской законодательной терминологии следующим образом:

«Статья 45¹. Право возвратного приёма на работу

Работники, уволенные в связи с сокращением численности или штата работников, в течение года после увольнения обладают правом возвратного приёма на работу.

Право возвратного приёма на работу — это преимущественное право работника, уволенного в связи с сокращением численности или штата работников, в течение года после увольнения заключить трудовой договор с нанимателем, которым он был уволен, при условии, что результаты профессионального отбора у него не ниже, чем у других претендентов на соответствующую должность».

Законодательное закрепление предложенных правовых норм будет достаточно полно отображать сущность права возвратного приёма на работу.

Для действенной реализации социальной направленности трудового права в рамках института занятости и трудоустройства важно не только закрепить преимущественное право ранее высвобожденных работников на заключение трудового договора с организацией, из которой они были уволены, но и обеспечить реальный доступ данных работников к информации о том, что организация вновь набирает работников по их профессиональному профилю. С этой целью следует законодательно обязать работодателя (нанимателя) письменно уведомить работников, обладающих правом возвратного приёма, о наборе работников соответствующей профессии (специальности, квалификации) [7, с. 18]. Если же спустя 20 дней после письменного уведомления работник, обладающий правом возвратного приёма на работу, не воспользовался своим правом, работодателю (нанимателю) должна предоставляться возможность принять на соответствующее рабочее место иного претендента.

Закрепление права возвратного приёма на работу в такой редакции позволит наряду с установлением дополнительной гарантии реализации права на труд высвобожденных работников обеспечить эффективную реализацию хозяйственно-производственной функции трудового права, без которой невозможно повышение жизненного уровня работников. Кроме того, предложенные изменения к законодательству позволят работникам избежать повторного увольнения с предприятия (обусловленного принятием на должность без прохождения профотбора) и серьёзных психологических потрясений, связанных с этим.

Список цитируемых источников

1. Плахотина, Н. А. Интегративный характер функций современного трудового права : монография / Н. А. Плахотина. — Луганск : Ноулидж, 2019. — 496 с.
2. Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. : с учетом образования в составе Рос. Федерации новых субъектов : подроб. ил. коммент. / текст коммент., подбор ил. А. Бурданова. — М. : Проспект, 2024. — 215 с.

3. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. — Мн. : Нац. центр законодательства и правовой информ. Респ. Беларусь, 2025. — 77 с.
4. Трудовое право : учебник : в 2 т. / Л. И. Лазор, В. В. Лазор, И. И. Шамшина [и др.] ; под общ. ред. проф. Л. И. Лазор. — Луганск : Ноулидж, 2019. — Т. 2, Особенная часть. — 496 с.
5. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия : справ. правовая система (дата обращения: 15.03.2025).
6. Трудовой кодекс Республики Беларусь : 26 июля 1999 г. № 296-З : принят Палатой представителей 8 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : по состоянию на 25 апр. 2025 г. — Мн. : Акад. МВД, 2025. — 175 с.
7. *Плахотина, Н. А.* Перспективы восстановления права возвратного приёма на работу в современном институте занятости и трудоустройства / Н. А. Плахотина // *Юридическая наука: взгляд нового поколения : науч.-практ. конф., Луганск, 19 апр. 2023 г.* — Луганск : Изд-во ЛГУ им. В. Даля, 2023. — С. 16—18.

Поступила в редакцию 10.11.2025.

Репозиторий БарГУ

УДК 349.3

А. Ю. РыжанковУчреждение образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова»,
ул. Космонавтов, 1, 212022 Могилев, Республика Беларусь**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА МОЛОДЫХ СЕМЕЙ В ЗАРУБЕЖНЫХ
СТРАНАХ НА ПРИМЕРЕ КАЗАХСТАНА, РОССИИ И УЗБЕКИСТАНА**

В статье рассматриваются проблемы правового регулирования государственной поддержки молодых семей в зарубежном законодательстве. Проводится анализ законодательства и иных нормативных правовых актов Казахстана, России и Узбекистана на предмет определения категории «молодая семья», а также конкретных мер ее государственной поддержки, в том числе в сравнительно-правовом аспекте. По результатам исследования автор приходит к выводу о целесообразности внедрения положительного правового опыта в национальное законодательство.

Ключевые слова: молодежная политика; государственная поддержка; молодая семья; демографическая безопасность; социальное обеспечение.

Библиогр.: 27 назв.

A. Y. RyzhankouInstitution of Education "Mogilev State A. Kuleshov University", 1 Kosmonavtov Str.,
212022 Mogilev, the Republic of Belarus**STATE SUPPORT FOR YOUNG FAMILIES IN FOREIGN COUNTRIES
ON THE EXAMPLE OF KAZAKHSTAN, RUSSIA AND UZBEKISTAN**

The article examines the problems of legal regulation of state support for young families in foreign legislation. The legislation and other normative legal acts of Kazakhstan, Russia and Uzbekistan are analyzed in terms of defining the category of "young family", as well as specific measures of its state support, including the comparative legal aspect. As a result, the author concludes that it is advisable to introduce positive legal experience into national legislation.

Key words: youth policy; state support; young family; demographic security; social security.

Ref.: 27 titles.

Введение. В современном мире обеспечение демографической безопасности является одним из приоритетных направлений внутренней политики любого государства. В полной мере это относится и к Республике Беларусь, ведь п. 35 Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной решением Всебелорусского народного собрания от 25 апреля 2024 года № 5, ко внутренним угрозам национальной безопасности в демографической сфере относятся снижение уровня брачности, повышение возраста вступления в первый брак, рост числа неполных семей и овдовение [1].

В связи с этим белорусское государство проводит активную демографическую политику. Ее основой логично выступает стимулирование создания семей гражданами, в том числе молодежью. Как отражено в ст. 15 Закона Республики Беларусь от 7 декабря 2009 года № 65-З «Об основах государственной молодежной политики», в нашей стране принимаются меры «по созданию надлежащих условий для укрепления института семьи, стимулирования молодежи к созданию семьи с несколькими детьми и обоими родителями, состоящими в первом браке, сочетания родителями трудовой деятельности и исполнения семейных обязанностей, улучшению жилищных условий молодых семей» [2].

Несмотря на наличие системы государственных мероприятий, направленных на поддержку молодых семей, их количество в Республике Беларусь на протяжении последних

пяти лет стабильно уменьшается: 2019 — 302,3 тыс. чел.; 2020 — 294,9 тыс. чел.; 2021 — 286,6 тыс. чел.; 2022 — 272,9 тыс. чел.; 2023 — 259,6 тыс. чел.; 2024 — 251,0 тыс. чел. [3].

Такая тенденция обуславливает актуальность исследования осуществляемых зарубежными государствами мер поддержки молодых семей (в частности, Казахстаном, Россией, Узбекистаном).

Методология и методы исследования. В ходе исследования были использованы следующие методы: формально-логический, системно-структурный и сравнительно-правовой. Анализируемой базой исследования выступили нормативные правовые акты общегосударственного и регионального уровней, определяющие в рассматриваемых зарубежных государствах меры поддержки молодых семей.

Результаты исследования и их обсуждение. Особенностью законодательства Российской Федерации в сфере молодежной политики, в частности государственной поддержки молодых семей, является ее разделение на федеральный и региональный уровни. Базовым нормативным правовым актом в сфере господдержки молодых семей является Федеральный закон от 30 декабря 2020 года № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» [4]. Этим законом определены основные понятия («молодежь, молодые граждане», «молодая семья», «студенческая семья» и т. д.), цели, принципы и направления молодежной политики, в том числе направленной на молодые семьи. Отметим, что российское законодательство относит к молодежи граждан до 35 лет, соответственно, понятием «молодая семья» охватывается более широкая возрастная прослойка населения — «лица, состоящие в заключенном в установленном законодательством Российской Федерации порядке браке, в том числе воспитывающие ребенка (детей), либо лицо, являющееся единственным родителем (усыновителем) ребенка (детей), в возрасте до 35 лет включительно» (ст. 1). По нашему мнению, более длительное оказание мер господдержки молодым семьям способствует их перерастанию в многодетные семьи. В остальном закон носит в целом декларативный характер и не определяет конкретной помощи молодым семьям. Так, к числу основных направлений молодежной политики относятся: содействие решению жилищных проблем молодежи, молодых семей; поддержка молодых семей, сохранение и укрепление традиционных семейных ценностей и семейного образа жизни в молодежной среде, создание условий для обеспечения ответственного родительства среди молодежи (ст. 6).

Концептуальным правовым актом в сфере молодежной политики является распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 августа 2024 года № 2233-р «Об утверждении Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 г.» [5]. В рамках документа предусматривается создание для молодых семей благоприятных условий, а также ряд мер, направленных на повышение рождаемости, формирование ценностей семейной культуры. В том числе предусматривается: популяризация института семьи; создание условий для увеличения числа многодетных семей; развитие соответствующей инфраструктуры для молодых семей; разработка и реализация проектов и программ, направленных на развитие физической культуры и спорта, туризма, творчества для молодых семей. Особо отмечено предоставление молодым семьям жилых помещений по договорам найма жилых помещений жилищного фонда, а также программы накопления денежных средств, необходимых для оплаты первоначального взноса в рамках жилищного (ипотечного) кредитования или приобретения жилья без привлечения заемных средств, за счет средств федерального бюджета.

Для реализации этого положения Правилами предоставления молодым семьям социальных выплат на приобретение (строительство) жилья и их использования, предусмотренными приложением № 1 к плану реализации отдельных мероприятий государственной программы Российской Федерации «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации», утвержденным постановлением

Правительства Российской Федерации от 17 декабря 2010 года № 1050 (далее — Правила) [6], гарантируется социальная выплата на приобретение жилого помещения или создание объекта индивидуального жилищного строительства в размере не менее 30 % расчетной (средней) стоимости жилья для молодых семей, не имеющих детей, и не менее 35 % расчетной (средней) стоимости жилья для молодых семей, имеющих одного ребенка или более, а также для неполных молодых семей, состоящих из одного молодого родителя и одного ребенка или более.

В научной литературе указывается на проблемы при правоприменении Правил. Так, многие семьи, первоначально внесенные в списки участников программы, исключались из них по достижении супругами 36-летнего возраста. В судебной практике достаточно дел, в которых суд вставал на сторону семей, которые обжаловали это исключение, а суды вышестоящих инстанций не отменяли принятых в их пользу решений, поскольку в Правилах отсутствует механизм исключения семей из участников программы. В связи с этим авторы предлагают внести в Правила условие о возможности реализации права молодой семьи на получение указанных выплат и после достижения 35 лет супругами, если ранее эта семья уже состояла в очереди на получение данной выплаты и соответствовала полностью всем требованиям программы [7].

Важной мерой поддержки молодых семей с детьми в улучшении их жилищных условий является программа «Семейная ипотека», предусмотренная решением Министерства финансов Российской Федерации от 22 июля 2025 года № 25-67381-01850-Р, которым утверждены Правила возмещения российским кредитным организациям и акционерному обществу «ДОМ.РФ» недополученных доходов по выданным (приобретенным) жилищным (ипотечным) кредитам (займам), предоставленным гражданам Российской Федерации, имеющим детей [8]. В рамках этой программы семьям с детьми в возрасте до шести лет, с двумя и более несовершеннолетними детьми, воспитывающим ребенка с инвалидностью доступны кредиты на приобретение или строительство жилья по льготной ставке 6 % годовых.

Значимым федеральным институтом поддержки молодых семей является материнский (семейный) капитал, установленный Федеральным законом от 29.12.2006 № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» [9]. Средства материнского капитала можно потратить (при соблюдении определенных условий) на обучение детей (необязательно на того же самого ребенка, если в семье несколько детей), улучшение жилищных условий (в том числе ипотеку), формирование накопительной части пенсии матери, оплату товаров и услуг по социальной адаптации и интеграции в общество детей-инвалидов (кроме реабилитационных мероприятий, медицинских услуг, технических средств реабилитации), а также на получение ежемесячной выплаты в связи с рождением (усыновлением) ребенка до достижения им возраста трех лет.

Поддержка молодых семей является одной из часто встречающихся категорий мер поддержки молодежи в региональном законодательстве: содействие созданию и развитию учреждений по оказанию психолого-педагогической, правовой, консультационной помощи молодым семьям; осуществление мероприятий, направленных на пропаганду семейных ценностей и ответственного выполнения родительских обязанностей среди молодежи; оказание молодым гражданам, членам молодых семей государственной социальной помощи, в том числе на основании социального контракта [10; 11]; организация работы бесплатных консультационных центров для молодых семей в области обеспечения охраны здоровья, образования и воспитания детей, социальной защиты; выпуск и распространение пособий с необходимой информацией для молодых семей [12] и др.

Однако Е. Ю. Евстафьевой указывается на ряд проблем при реализации регионального законодательства и программ, им предусмотренных. Основными проблемами таких программ можно назвать неточную формулировку описания целевых программных мероприятий, недоработанность механизма их осуществления, а также непроработанность методики расчета показателей эффективности подобного рода программ [13].

Как отмечает П. С. Захарьяшев, на региональном уровне предусмотрен ряд конкретных мер поддержки семей, в том числе молодых: льготы на оплату услуг ЖКХ в виде субсидий, которые предоставляются молодым неполным и многодетным семьям, а также семьям, утратившим кормильца и получающим соответствующую пенсию, а также военнослужащих; получение бесплатного жилья, если у семьи нет собственной квартиры или дома, пригодного для постоянного проживания; социальный ипотечный кредит с государственной поддержкой, размер которой для семьи с детьми составляет 40 %, без детей — 35 %; дети из молодых малообеспеченных семей могут получать бесплатное питание в школьных столовых, бесплатное посещение музеев, компенсации за лекарства и др. [14].

Республика Казахстан по сравнению с Российской Федерацией обладает более высокими коэффициентами рождаемости, численность ее населения растет, пусть и с замедляющейся от года к году скоростью [15].

Правовой основой государственной молодежной политики Республики Казахстан выступает соответствующий закон от 9 февраля 2015 года № 285-V [16], в котором определены основные понятия («молодежь», «социальные услуги для молодежи», «молодая семья» и т. д.), цель, задачи и направление молодежной политики, компетенция уполномоченных органов в определенной сфере. Однако в этом законе вопросам именно молодежной семейной политики отводится мало внимания, за исключением дефиниции «молодая семья», в содержание которой входит семья, в которой оба супруга не достигли возраста 35 лет, либо неполная семья, в которой ребенка воспитывает один из родителей, не достигший возраста 35 лет. Само указание на семейные отношения есть, только применительно к деятельности молодежных ресурсных центров, которые осуществляют информационно-разъяснительную, консультативную работу с молодежью по вопросам охраны репродуктивного здоровья и планирования семьи.

На проблему отсутствия в вышеуказанном законе конкретных показателей, на основе которых можно было бы делать выводы об эффективности государственной молодежной политики и проводить мониторинг ее реализации, в том числе в отношении молодых семей, указывает М. Ю. Калинкина. Автор отмечает необходимость в налаженной системе оценки качества работы, мониторинга действий государственных и общественных институтов по обеспечению жизнедеятельности молодежи [17].

Стратегическим документом, определяющим молодежную политику в Республике Казахстан, является постановление Правительства Республики Казахстан от 28 марта 2023 года № 247 «Об утверждении Концепции государственной молодежной политики Республики Казахстан на 2023—2029 годы» [18]. Концепция представлена несколькими ключевыми направлениями и 80 мероприятиями, большинство из которых определены, однако лишь в общем виде. В том числе к этим мерам относится «разработка и внедрение региональных программ по льготному кредитованию для молодых семей».

Данная программа получила название «Жас Отбасы» и реализуется в жилищной сфере путем предоставления льготной ипотеки со ставкой от 6 % годовых для молодых семей. Возраст самих супругов не имеет значения, однако пара должна состоять в браке не больше пяти лет на момент подачи заявки. Для участия нужно открыть депозит в АО «Отбасы банк» и копить деньги в течение года. На момент подачи кредитной заявки нужно накопить или внести на депозит 50 % от стоимости жилья. Если оба супруга имеют счет с накопленной суммой на нем, то их можно объединить в один «Семейный пакет», чтобы удвоить сумму государственной премии [19].

Недостаточность существующих мер для усиления института семьи отмечают С. С. Каржаубаев и Т. Т. Турсынова. По их мнению, необходимо расширение социальных льгот семьям, зафиксировав в законодательстве институт материнского капитала, который выплачивался бы родителям (супругам), а также предусмотреть льготы полным семьям [20].

Узбекистан по международным стандартам имеет молодое население с высокой долей детей, подростков и молодежи [21].

Законодательство Узбекистана содержит обширную систему специализированных нормативных правовых актов, действующих в сфере молодежной политики. Ключевым нормативным правовым актом является Закон Республики Узбекистан от 14.09.2016 № ЗРУ-406 «О государственной молодежной политике» [22], который определяет основные понятия («молодежь», «молодая семья», «молодежное предпринимательство» и т. д.), принципы и направления молодежной политики, обширную систему органов, учреждений и иных субъектов, реализующих молодежную политику, их полномочия, меры социальной поддержки молодежи (лица от 14 до 30 лет). Молодежи гарантируется в том числе: бесплатное медицинское обслуживание; бесплатное профессиональное и высшее образование в государственных образовательных учреждениях в пределах государственных грантов; предоставление льготных кредитов на строительство, приобретение и реконструкцию жилья; предоставление льготных кредитов на обучение в образовательных учреждениях; предоставление льгот при пользовании общественным транспортом и т. д. (ст. 23). Однако эти положения носят абстрактный характер и детализируются в иных правовых актах.

Отдельно отмечено, что малообеспеченным молодым семьям могут быть предоставлены меры материальной поддержки в порядке, установленном законодательством. При этом категория «молодая семья» более узкая, чем предусмотрено российским или казахским законодательством, и включает семьи, в которых возраст обоих супругов не превышает 30 лет включительно, либо семьи, в которых детей воспитывает один родитель в возрасте не старше 30 лет включительно, в том числе разведенный или овдовевший.

При этом в Семейном кодексе Республики Узбекистан нет общего определения семьи. Однако термины «семья», «член семьи» часто употребляются в нем, что, как отмечают авторы, является проблемой, поскольку понимание данных терминов устанавливается исходя из положений теории семейного права. Семья определяется как круг лиц, связанных личными неимущественными и имущественными правами и обязанностями, вытекающими из брака, родства, усыновления или иной формы принятия детей на воспитание в семью. В данном определении не принимаются во внимание факты совместного проживания и ведения общего хозяйства [23].

Указом Президента Республики Узбекистан от 13 июля 2021 года № УП-6260 «О дополнительных мерах по всесторонней поддержке молодежи и дальнейшему повышению ее общественной активности» [24] предусмотрено, что молодым людям, включенным в «Молодежную тетрадь», впервые вступающим в брак, выделяется беззалоговый кредит в размере до 33 млн сумов на строительство дополнительного жилья. Также этим указом предусмотрено освобождение от подоходного налога, взимаемого с заработной платы и иных доходов физических лиц, направляемых в течение каждого налогового периода на соразмерное покрытие полученных молодыми семьями ипотечных кредитов и начисленных по ним процентов, до достижения супругами или одним из них установленного возраста.

Указом Президента Республики Узбекистан от 13.04.2023 № УП-51 «О мерах по реализации программы обеспечения населения жильем посредством ипотечных кредитов на основе рыночных принципов на 2023 год» [25] в целях дальнейшей поддержки молодых семей, принимающих активное участие в общественно-политической жизни страны, улучшения их жилищных и бытовых условий, определено создание программы «Мой первый дом» для строительства домов для нуждающихся молодых семей.

Приложением 1 к постановлению Президента Республики Узбекистан от 19.01.2022 № ПП-92 «О мерах по кардинальному совершенствованию системы работы с молодежью в махаллях» [26] предусмотрено выделение ежемесячной субсидии до трехкратного размера базовой расчетной величины для компенсации арендной платы за жилье молодым семьям, нуждающимся в социальной защите, на срок до 12 месяцев. Кроме того, предусмотрена государственная гарантия для выделения коммерческими банками беззалоговых кредитов в размере до 33 млн сумов для молодоженов, нуждающихся в социальной защите, для строительства дополнительного жилья в своих домах.

Однако, как подчеркивает М. В. Елизаров, неверно полагать, что вопросы улучшения государственной поддержки можно свести лишь к выплате пособий и материальной помощи или повышению их размеров. Требуется проведение комплексной экономической и социальной политики — от стимулирования предпринимательской активности до мобилизации способностей и потенциала населения, создания новых рабочих мест и реализации предпринимательских инициатив [27].

Заключение. Во всех рассмотренных государствах предусматривается законодательная поддержка молодых семей. Поддержка осуществляется, прежде всего, в жилищной сфере путем предоставления льготной ипотеки или возможности получить жилье в ином порядке. Более разноплановой мерой поддержки является материнский (семейный) капитал, предусмотренный Федеральным законом Российской Федерации от 29 декабря 2006 года № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей», который можно потратить на обучение детей, формирование пенсии родителей и иные цели. По нашему мнению, внедрение в Республике Беларусь материнского капитала, а не только семейного капитала, установленного Указом Президента Республики Беларусь от 18 сентября 2019 года № 345, будет стимулировать рождение первого ребенка, что является наиболее сложным шагом для молодого поколения в настоящее время.

Полагаем, с учетом сложившейся в Республике Беларусь демографической ситуации целесообразно расширить содержание дефиниций «молодые граждане» и «молодая семья», предусмотренных ст. 1 Закона Республики Беларусь от 7 декабря 2009 года № 65-3 «Об основах государственной молодежной политики», включив в нее лиц в возрасте до 35 лет. В соответствии с этим представить дефиницию «молодая семья», зафиксированную в п. 1.11 ст. 36 Жилищного кодекса Республики Беларусь, как «семья, в которой оба супруга впервые вступили в брак и хотя бы один из супругов находится в возрасте до тридцати шести лет на дату принятия на учет нуждающихся в улучшении жилищных условий». Это позволит позже расширить государственную поддержку молодых семей и будет способствовать улучшению демографической ситуации с учетом объективных изменений, происходящих в обществе.

Список цитируемых источников

1. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь : решение Всебел. нар. собр. от 25 апр. 2024 г. № 5 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 23.08.2025).
2. Об основах государственной молодежной политики : Закон Респ. Беларусь от 7 дек. 2017 г. № 65-3 : в ред. от 11 окт. 2024 г. № 36-3 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 23.08.2025).
3. Социальное положение и уровень жизни населения Республики Беларусь — 2025 // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. — URL: <https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/252/3s06v2x23-guwwtc6jfgseakg7qrokl8.pdf> (дата обращения: 23.08.2025).
4. О молодежной политике в Российской Федерации : Федер. закон от 30 дек. 2020 г. № 489-ФЗ : в ред. от 23 июля 2025 г. № 258-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия : справ. правовая система (дата обращения: 23.08.2025).
5. Об утверждении Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 г. : распоряжение Правительства Рос. Федерации от 17 авг. 2024 г. № 2233-р : в ред. от 8 мая 2025 г. № 625 // КонсультантПлюс. Россия : справ. правовая система (дата обращения: 23.08.2025).
6. О реализации отдельных мероприятий государственной программы Российской Федерации «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации» : постановление Правительства Рос. Федерации от 17 дек. 2010 г. № 1050 : в ред. от 12 июля 2025 г. № 1048 // КонсультантПлюс. Россия : справ. правовая система (дата обращения: 23.08.2025).
7. Ковалева, О. А. Проблема получения жилья для лиц, участвующих в программе «Жилье для молодой семьи» после наступления 35 лет / О. А. Ковалева, А. М. Тришина // Science Time. — 2016. — № 1. — С. 341—347. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-polucheniya-zhilya-dlya-lits-uchastvuyuschih-v-programme-zhilie-dlya-molodoy-semi-posle-nastupleniya-35-let> (дата обращения: 10.09.2025).
8. Федерации о порядке предоставления субсидии № 25-67381-01850-Р : решение М-ва финансов Рос. Федерации от 22 июля 2025 г. // КонсультантПлюс. Россия : справ. правовая система (дата обращения: 23.08.2025).

9. О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей : Федер. закон от 29 дек. 2006 г. № 256-ФЗ : в ред. от 31 июля 2025 г. № 353-ОЗ // КонсультантПлюс. Россия : справ. правовая система (дата обращения: 23.08.2025).
10. О молодежной политике во Владимирской области : Закон Владим. обл. от 5 мая 2007 г. № 50-ОЗ : в ред. от 7 авг. 2025 г. № 83-ОЗ // КонсультантПлюс. Россия : справ. правовая система (дата обращения: 23.08.2025).
11. О молодежной политике в Нижегородской области : Закон Нижегород. обл. от 28 дек. 2021 г. № 50-ОЗ : в ред. от 7 фев. 2025 г. № 13-3 // КонсультантПлюс. Россия : справ. правовая система (дата обращения: 23.08.2025).
12. О молодежной политике в Красноярском крае : Закон Краснояр. края от 8 дек. 2006 г. № 20-5445 : в ред. от 29 мая 2025 г. № 9-3982 // КонсультантПлюс. Россия : справ. правовая система (дата обращения: 23.08.2025).
13. Булгаков, В. В. Право на жилье для молодой семьи: проблемы и государственные программы в Российской Федерации / В. В. Булгаков // Актуальные проблемы государства и права. — 2019. — № 9. — С. 341—347. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-na-zhilie-dlya-molodoy-semi-problemy-i-gosudarstvennye-programmy-v-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 10.09.2025).
14. Захарьящев, П. С. Меры и механизмы государственной поддержки молодых малообеспеченных семей на уровне региона / П. С. Захарьящев, В. В. Сыроижко // РЕГИОН: системы, экономика, управление. — 2022. — № 4. — С. 67—73. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mery-i-mehanizmy-gosudarstvennoy-podderzhki-molodyh-maloobespechennyh-semey-na-urovne-regiona> (дата обращения: 10.09.2025).
15. Ростовская, Т. К. Государственное регулирование поддержки молодой детной семьи в странах ЕАЭС / Т. К. Ростовская, Е. А. Князькова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия «Социальные науки». — 2023. — № 1. — С. 102—107.
16. О государственной молодежной политике : Закон Респ. Казахстан от 9 фев. 2015 г. № 285-V : в ред. от 17 июля 2025 г. № 213-VIII // Информ.-правовой портал «Юрист». — URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31661446&show_di=1 (дата обращения: 23.08.2025).
17. Калинин, М. Ю. Инновационные подходы социальной политики в отношении молодежи в Республике Казахстан / М. Ю. Калинин // Вопросы структуризации экономики. — 2008. — № 1. — С. 62—68. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnye-podhody-sotsialnoy-politiki-v-otnoshenii-molodezhi-v-respublike-kazahstan> (дата обращения: 10.09.2025).
18. Об утверждении Концепции государственной молодежной политики Республики Казахстан на 2023—2029 годы : постановление Правительства Респ. Казахстан от 28 марта 2023 г. № 247 // Информ.-правовая система норматив. правовых актов Респ. Казахстан. — URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2300000247/-history> (дата обращения: 23.08.2025).
19. Жас Отбасы : [сайт]. — URL: <https://hcsbk.kz/ru/save/young-family> (дата обращения: 23.08.2025).
20. Каржаубаев, С. С. Проблемы развития института семьи в Республике Казахстан / С. С. Каржаубаев, Т. Т. Турсынова // Вестник Поволжского института управления. — 2015. — № 4. — С. 48—52. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-razvitiya-instituta-semi-v-respublike-kazahstan> (дата обращения: 10.09.2025).
21. Мамадалиева, Х. Х. Формирование и развитие семейной политики как основа демографической и социальной безопасности Узбекистана / Х. Х. Мамадалиева // Россия: тенденции и перспективы развития. — 2021. — № 2. — С. 662—675. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-i-razvitie-semeynoy-politiki-kak-osnova-demograficheskoy-i-sotsialnoy-bezopasnosti-uzbekistana> (дата обращения: 10.09.2025).
22. О государственной молодежной политике : Закон Респ. Узбекистан от 14 авг. 2016 г. № ЗРУ-406 : в ред. от 20 авг. 2024 г. № ЗРУ-963 // LexUZ on-line. — URL: <https://lex.uz/docs/3026250> (дата обращения: 23.08.2025).
23. Аимбетов, Н. К. Молодая семья и ее основные проблемы (на примере Республики Узбекистан) / Н. К. Аимбетов, А. Ю. Палваниязов // Социология и право. — 2016. — № 1. — С. 6—12. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/molodaya-semya-i-ee-osnovnye-problemy-na-primere-respubliki-uzbekistan> (дата обращения: 10.09.2025).
24. О дополнительных мерах по всесторонней поддержке молодежи и дальнейшему повышению ее общественной активности : Указ Президента Республики Узбекистан от 13 июля 2021 г. № УП-6260 : в ред. от 27 дек. 2024 г. № УП-229 // LexUZ on-line. — URL: <https://lex.uz/docs/5512122> (дата обращения: 23.08.2025).
25. О мерах по реализации программы обеспечения населения жильем посредством ипотечных кредитов на основе рыночных принципов на 2023 год : Указ Президента Респ. Узбекистан от 13 апр. 2023 г. № УП-51 : в ред. от 18 авг. 2024 г. № УП-140 // LexUZ on-line. — URL: <https://www.lex.uz/docs/6433780> (дата обращения: 23.08.2025).
26. О мерах по кардинальному совершенствованию системы работы с молодежью в махаллах : постановление Президента Респ. Узбекистан от 19 янв. 2022 г. № ПП-92 : в ред. от 29 дек. 2023 г. № ПП-422. // LexUZ on-line. — URL: <https://www.lex.uz/en/docs/5831916> (дата обращения: 23.08.2025).
27. Елизаров, М. В. Государственная молодежная политика в Республике Узбекистан и проблемы её реализации на современном этапе / М. В. Елизаров // E-Scio. — 2022. — № 2. — С. 53—57. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-molodyozhnaya-politika-v-respublike-uzbekistan-i-problemy-eyo-realizatsii-na-sovremennom-etape> (дата обращения: 10.09.2025).

Поступила в редакцию 10.11.2025.

УДК 347.965.1

П. Л. Яковцов

Учреждение образования Федерации профсоюзов Беларуси «Международный университет «МИТСО»»,
ул. Казинца, 21, корп. 3, 220099 Минск, Республика Беларусь, paulegalscience@gmail.com

СРЕДСТВА, СПОСОБЫ И МЕТОДЫ ОКАЗАНИЯ АДВОКАТОМ ДОСТУПНОЙ И КВАЛИФИЦИРОВАННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ

В современных условиях наблюдается устойчивая потребность в повышении эффективности существующих подходов к оказанию юридической помощи. Особую значимость при этом приобретает вопрос о методах, применяемых адвокатом при оказании квалифицированной юридической помощи, посредством которых обеспечивается сочетание доступности и качества оказываемой юридической помощи.

В статье анализируются перспективы внедрения в адвокатскую практику новых методов оказания квалифицированной юридической помощи, принимая во внимание организационные, информационно-коммуникационные и процессуальные аспекты деятельности адвоката.

Выводы о возможности использования при оказании юридической помощи каждого из предложенных методов формулируются на основе конкретных технологических решений, а сами проанализированные в статье методы отвечают современным запросам правоприменительной практики и направлены на устранение барьеров при взаимодействии адвоката и клиента.

Ключевые слова: адвокат; юридическая помощь; договор; адвокатура; цифровые технологии; искусственный интеллект.

Библиогр.: 6 назв.

P. L. Yakoutsou

Institution of Education of the Federation of Trade Unions of Belarus «International University «MITSO»,
21 Kazintsa Str., bldg. 3, 220099 Minsk, the Republic of Belarus, paulegalscience@gmail.com

MEANS, WAYS AND METHODS OF PROVIDING AFFORDABLE AND QUALIFIED LEGAL ASSISTANCE BY A LAWYER

In modern conditions, there is a steady need to improve the effectiveness of existing approaches to providing legal assistance. Of particular importance in this case is the question of the methods used by a lawyer in providing qualified legal assistance, through which a combination of accessibility and quality of legal assistance is provided.

The article analyzes the prospects for introducing new methods of providing qualified legal assistance into legal practice, taking into account the organizational, information, communication and procedural aspects of the lawyer's activities.

Conclusions about the possibility of using each of the proposed methods in providing legal assistance are formulated on the basis of specific technological solutions, and the methods themselves analyzed in the article, meet the modern requirements of law enforcement practice and are aimed at removing barriers in the interaction of lawyer and client.

Key words: lawyer; legal assistance; contract; legal profession; digital technologies; artificial intelligence.

Ref.: 6 titles.

Введение. Оказание квалифицированной юридической помощи предполагает наличие широкого спектра действий процессуального и непроцессуального характера, осуществляемых адвокатом в ходе работы с клиентом по конкретному правовому вопросу. Характер этих действий неодинаков и может отличаться в зависимости от вида юридической помощи (устная консультация, составление искового заявления, представление интересов клиента в суде), стадии её оказания (ознакомление с документами, выработка правовой позиции, реализация действий по оказанию юридической помощи), а также формы, в которой оказывается тот или иной вид юридической помощи (дистанционно или локально).

Материалы и методы исследования. В условиях социального правового государства значимость роли адвоката не вызывает сомнений. Именно поэтому абз. 3 п. 9 Правил профессиональной этики адвоката, утверждённых постановлением Министерства юстиции

Республики Беларусь от 30 сентября 2021 года № 180 «Об утверждении Правил профессиональной этики адвоката» (далее — Правила профессиональной этики адвоката), в целях поддержания чести и достоинства предписывает адвокату «действовать квалифицированно, использовать все законные средства, способы и методы оказания юридической помощи» [1].

Сама же юридическая помощь, согласно абз. 5 ст. 1 Закона Республики Беларусь от 30 декабря 2011 года № 334-З «Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь» (Закон № 334-З), представляет собой «деятельность по оказанию содействия клиентам в понимании, правильном использовании и соблюдении законодательства, которая направлена на осуществление и защиту прав, свобод и интересов клиентов, а также представительство клиентов в судах, государственных органах, иных организациях и перед физическими лицами» [2].

Законом также определён перечень видов юридической помощи, который в силу ст. 26 Закона № 334-З не является исчерпывающим и не может быть таковым ввиду разнообразия общественных отношений. При этом общим и неизменным правилом для оказания любого вида юридической помощи, как представляется, всегда будет являться оказание её в соответствии с принципом использования всех не запрещённых законодательством средств и способов защиты прав, свобод и интересов клиента (разумеется, при одновременном соблюдении иных принципов адвокатской деятельности, закреплённых в ст. 4 Закона № 334-З). Отклонение адвоката от требований данного принципа при оказании юридической помощи может быть расценено как нарушение Правил профессиональной этики адвоката либо как нарушение требований иных актов законодательства, что, в свою очередь, является основанием для возбуждения дисциплинарного производства в отношении адвоката, допустившего такое нарушение.

В обозначенной связи возникает ряд вопросов, требующих как теоретического, так и практического осмысления. В частности, законодатель не регламентирует, какие средства, способы и методы, направленные на защиту прав, свобод и интересов клиента, являются запрещёнными, а какие нет. Отсутствует и общее понимание о том, что необходимо понимать под средствами, способами и методами оказания юридической помощи.

Результаты исследования и их обсуждение. Термины «средство», «способ» и «метод» используются в законодательных актах именно тогда, когда речь идёт о выборе или изменении уже выбранной стратегии защиты интересов клиента. Так, п. 44 Правил профессиональной этики адвоката предписывает «информировать клиента об изменениях средств, способов и методов защиты его интересов, когда этого требуют новые обстоятельства, возникающие в ходе процесса» [1]. При этом отсутствуют какие-либо методические рекомендации по оказанию конкретных видов юридической помощи, на которые адвокат мог бы опираться при избрании конкретных средств и способов защиты интересов клиента. И это вполне объяснимо, поскольку на законодательном уровне адвокат наделен свободой и самостоятельностью в исполнении обязанностей по защите прав и интересов клиента. К тому же сама по себе профессия адвоката провозглашена как свободная, основанная на верховенстве закона, доверии и независимости (пп. 5, 6 Правил профессиональной этики адвоката).

Обозначенный факт не позволяет подвергнуть чёткой регламентации все осуществляемые адвокатом действия в ходе работы с клиентом, поскольку это буквально свело бы на нет роль адвоката, прежде всего, как самостоятельной и независимой процессуальной фигуры. Впрочем, необходимость в излишней регламентации отдельных действий адвоката, из совокупности которых складывается весь процесс оказания им квалифицированной юридической помощи, на наш взгляд, отсутствует.

Возвращаясь к вопросу о понятиях «средство», «способ» и «метод», прежде всего необходимо отметить, что зачастую они используются как синонимы и по своему смысловому содержанию выражают характеристику инструментальных аспектов деятельности,

направленной на достижение конкретной цели. В «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова даны следующие определения исследуемых нами понятий:

- 1) средство — приём, способ действия для достижения чего-либо;
- 2) способ — действие или система действий, применяемые при исполнении какой-либо работы, при осуществлении чего-либо;
- 3) метод — способ теоретического исследования или практического осуществления чего-либо [3, с. 636; 3, с. 974; 3, с. 988].

Так, под термином «средство» в широком смысле можно понимать любой объект или явление, способствующее достижению цели, будь то материальный предмет (инструмент, вещь), информационный ресурс (база данных, сведения, специальные знания) или абстрактное понятие (принцип, методика). Применительно к оказанию юридической помощи средство характеризует инструментарий, используемый адвокатом при оказании того или иного вида юридической помощи, но не определяет конкретный путь достижения цели её оказания. Также необходимо понимать, что использование тех или иных средств само по себе не гарантирует достижения цели оказания юридической помощи, оно лишь предоставляет возможность для её достижения. Пути достижения цели определяются исходя из выбранного адвокатом способа оказания юридической помощи, при котором данные средства будут использованы. Средство же выступает лишь в качестве одного из компонентов процесса оказания юридической помощи.

Однако отметим, что эффективность использования тех или иных средств напрямую зависит от согласованности используемых адвокатом средств с выбранным способом оказания юридической помощи, а также от корректности их применения. Сам же способ, в отличие от средства, описывает уже саму процедуру оказания юридической помощи, определяя последовательность и взаимосвязь используемых при этом средств. Так, способ есть организованная система действий, ориентированная на достижение цели оказания юридической помощи.

Наконец, метод представляет собой систематизированный подход к оказанию юридической помощи. В отличие от способа, метод представляет собой более высокий уровень абстракции, основанный на теоретических знаниях и практическом опыте адвоката. Выбранный адвокатом метод оказания юридической помощи влияет на стратегическое видение им юридической перспективы дела, определяет общее направление его действий и при правильном его избрании может способствовать повышению эффективности оказания юридической помощи.

Таким образом, несмотря на внешнюю синонимичность терминов «средство», «способ» и «метод», наиболее углубленный анализ позволяет дифференцировать их в зависимости от целей, условий и последовательности применения адвокатом при оказании юридической помощи. В целом все три термина обозначают те или иные инструменты или приёмы, используемые адвокатом в целях повышения эффективности оказываемой им юридической помощи.

На основании проведённого анализа предлагаем под средствами оказания юридической помощи понимать инструменты или ресурсы (материальные, информационные, технологические), используемые адвокатом при оказании различных видов юридической помощи и способствующие достижению целей оказания юридической помощи при условии их надлежащего, законного и эффективного использования.

Под способом оказания юридической помощи считаем возможным понимать совокупность последовательных действий адвоката, выбор которых обусловлен наличием имеющихся у него материальных, информационных, технологических и иных средств, и в случае оказания конкретного вида юридической помощи будет наиболее эффективен для защиты прав, свобод и интересов клиента.

В свою очередь, под методом оказания юридической помощи мы предлагаем понимать систематизированный подход адвоката к оказанию конкретного вида юридической помощи, устанавливающий порядок и последовательность применения имеющихся у него мате-

риальных, информационных, технологических и иных средств в конкретной правовой ситуации, определяющий как вектор выстраиваемой адвокатом стратегии по защите прав, свобод и интересов клиента в целом, так и направление его действий на каждом из этапов оказания юридической помощи в частности.

Одновременно с этим отметим, что метод — достаточно широкое по своему содержанию понятие и может по-разному трактоваться в зависимости от контекста. В связи с этим предложенное нами определение метода относится лишь к конкретной области деятельности — оказание юридической помощи, и не претендует на достижение полноты во всех его представлениях. В своей работе И. А. Стернин отмечает, что понятие «метод» может использоваться одновременно в двух значениях: общенаучном (как способ теоретического исследования чего-либо) и конкретном (как способ осуществления чего-либо), т. е. как синоним термина «приём» [4, с. 24]. Вместе с тем автор справедливо замечает, что «методы различаются по цели их использования и выступают при этом в различных видах (формах, разновидностях, вариантах)» [4, с. 25].

Особый интерес для нас представляет метод как способ осуществления чего-либо, т. е. конкретные действия адвоката, направленные на достижение цели оказания юридической помощи. В свете активного внедрения цифровых технологий во все сферы общественных отношений назрела и необходимость совершенствования системы оказания юридической помощи. Речь идёт, в частности, о выполнении стратегических целей и задач, поставленных перед адвокатурой в Концепции развития адвокатуры Республики Беларусь на период до 2030 года, утверждённой протоколом съезда адвокатов Республики Беларусь от 7 июля 2022 года (Концепция).

К числу основных задач в области совершенствования и развития адвокатуры Республики Беларусь, согласно положениям Концепции, относятся совершенствование методов оказания доступной и квалифицированной юридической помощи гражданам и юридическим лицам, внедрение современных форм участия адвокатов в правовом просвещении, а также дальнейшая цифровизация юридической помощи, создание правовых сервисов и ресурсов, ориентированных на применение информационных технологий и внедрение искусственного интеллекта [5].

В современных условиях можно выделить, на наш взгляд, несколько основных направлений, способствующих реализации указанных задач:

1) организация возможности заключения договора на оказание юридической помощи с адвокатом в дистанционной форме;

2) внедрение новых систем взаимодействия адвоката с клиентом, обеспечивающих сохранность конфиденциальных данных в условиях адвокатской тайны и позволяющих оказывать некоторые виды юридической помощи дистанционно;

3) разработка и внедрение специализированного программного обеспечения, гарантирующего безопасное хранение и обработку конфиденциальной информации, используемой в процессе оказания юридической помощи в дистанционном формате, а также интеграция с существующими системами электронного документооборота и шифрования данных.

В рамках более ранних исследований нами был разработан подход к совершенствованию ныне существующих цифровых средств дистанционного взаимодействия граждан с адвокатами. В частности, нами предлагалось расширение функциональности приложения для мобильных устройств «Адвокаты Беларуси» путём внедрения возможности регистрации, создания личного кабинета, идентификации пользователя посредством ввода пароля, распознавания лица или сканирования отпечатков пальцев, а также интеграции в приложение системы обмена сообщениями, позволяющей адвокату и клиенту обмениваться документами, заключать договоры и подписывать их, используя встроенные функции мобильного приложения [6, с. 314]. Предложенная мера также может послужить основой для формирования

подходов к совершенствованию доступных методов оказания квалифицированной юридической помощи. В частности, уместным представляется вести речь об обеспечении возможности дистанционного оказания следующих видов юридической помощи:

- 1) дача консультаций и разъяснений по юридическим вопросам;
- 2) составление заявлений, жалоб и других документов правового характера;
- 3) проведение правовой оценки документов и деятельности;

4) ведение правовой работы по обеспечению хозяйственной и иной деятельности, а также по вопросам привлечения инвестиций в Республику Беларусь.

Как правило, все виды юридической помощи оказываются адвокатом на основании договора на оказание юридической помощи, заключенного в письменной форме при обращении лица в юридическую консультацию. При этом закон предусматривает исключение в виде необязательности соблюдения письменной формы договора на оказание юридической помощи при даче устной консультации. В большинстве случаев такие консультации не требуют углубленного анализа правовой ситуации и ознакомления с большим массивом документов. Представляется, что подобного рода консультации могут быть оказаны адвокатом с использованием средств видеосвязи, позволяющих обеспечить доступ к получению квалифицированной юридической помощи в условиях, при которых одновременное присутствие адвоката и клиента в месте оказания юридической помощи затруднительно либо не представляется возможным.

Основной вопрос, связанный с дачей устной консультации подобным способом, состоит в обеспечении сохранности конфиденциальных данных в случае оказания данного вида юридической помощи путем использования мессенджеров и иных сторонних приложений. Практика показывает, что утечка персональных данных из социальных сетей, мессенджеров и иных онлайн-сервисов сегодня является достаточно распространенным явлением. В связи с этим наиболее перспективным альтернативным средством дистанционного взаимодействия адвоката и клиента мы считаем приложение для мобильных устройств «Адвокаты Беларуси», которое, согласно сделанным нами ранее выводам, может быть доработано до уровня полноценного онлайн-сервиса взаимодействия адвоката и клиента.

Представляется возможным внедрить в данное мобильное приложение систему идентификации физического лица посредством ввода пароля, технологий Face ID (распознавание лица) или Touch ID (сканирование отпечатков пальцев), которые сегодня присутствуют в большинстве смартфонов. Кроме того, данное приложение имеет потенциал для создания на его базе личного кабинета пользователя, а также системы мгновенного обмена сообщениями непосредственно внутри приложения, защищенной сквозным шифрованием и позволяющей адвокату и клиенту поддерживать общение (в том числе посредством видеосвязи), не прибегая к использованию сторонних мессенджеров и иных онлайн-сервисов, в том числе обмениваться документами в реальном времени и подписывать их, используя встроенные возможности мобильного приложения. Указанный способ взаимодействия адвоката и клиента также будет актуален в случае необходимости согласования с клиентом проекта заявления, жалобы, иного документа, содержащего персональные данные либо иные корпоративные сведения (в частности, данные, подлежащие правовой оценке, сведения об осуществлении хозяйственной и иной деятельности и т. д.).

Особую актуальность представляет оценка перспектив внедрения искусственного интеллекта в деятельность адвоката по оказанию юридической помощи. По нашему мнению, текущий уровень развития систем искусственного интеллекта, доступных к использованию в рамках цифрового пространства Республики Беларусь, все еще не позволяет утверждать, что AI-технологии (англ. Artificial Intelligence искусственный интеллект) готовы к полномасштабной интеграции в классическую систему оказания юридической помощи. С другой стороны, искусственный интеллект может выступать в качестве одного из эффективных средств оказания некоторых видов юридической помощи, позволяющих адвокату оптимизировать ряд процессов, не требующих участия мыслительной деятельности человека.

Личный опыт использования AI-технологий в профессиональной деятельности позволяет нам утверждать, что искусственный интеллект эффективнее всего справляется с задачами по анализу, выделению и систематизации как-либо заданных ранее исходных данных. В связи с этим прежде чем предлагать конкретные решения по внедрению искусственного интеллекта в процедуру оказания юридической помощи, представляется необходимым четко разграничить сферы, в которых применение искусственного интеллекта в деятельности адвоката допустимо, а где, напротив, должно быть ограничено либо вовсе недопустимо.

С точки зрения практики использование искусственного интеллекта наиболее оправдано при выполнении однотипных механических операций, в числе которых можно выделить следующие:

- 1) автоматизированный поиск и систематизация нормативных правовых актов и материалов судебной практики;
- 2) первичная сортировка и классификация документов;
- 3) подготовка проектов договоров, проектов процессуальных документов, расчетов, таблиц;
- 4) дедупликация и структурирование имеющихся данных в целях уменьшения их общего объема и экономии места в цифровых хранилищах;
- 5) формирование аналитических отчетов и сводных показателей.

Во всех перечисленных случаях искусственный интеллект служит лишь средством оптимизации процессов деятельности адвоката, но не заменяет самого адвоката, его умственный труд и профессиональную компетенцию. По этой причине результаты, полученные таким способом, все равно необходимо подвергать критическому анализу в целях выявления и устранения возможных неточностей и логических ошибок, обусловленных несовершенством систем искусственного интеллекта.

Следует также отметить, что использование AI-технологий подразумевает передачу конфиденциальных данных стороннему сервису, алгоритмы которого также не исключают рисков утечки информации. Все это подразумевает необходимость обеспечения соблюдения требований законодательства о защите персональных данных, адвокатской тайны и Правил профессиональной этики адвоката при передаче внешним сервисам сведений в связи с оказанием юридической помощи. Принимая во внимание вышесказанное, в перспективе может быть рассмотрен вопрос о разработке и внедрении специализированного программного обеспечения, представляющего безопасное хранение и обработку конфиденциальной информации, используемой в процессе оказания юридической помощи, на основе алгоритмов искусственного интеллекта со встроенными элементами анализа, систематизации данных и иных инструментов работы с информацией по запросу адвоката. Вместе с тем использование AI-технологий в деятельности адвоката по оказанию юридической помощи должно быть регламентировано как на законодательном уровне, так и на уровне локальных нормативных правовых актов. В связи с этим возникает необходимость разработки соответствующей законодательной базы.

Принимая во внимание тот факт, что юридическая ответственность за деятельность по оказанию юридической помощи, в какой форме бы она ни оказывалась, сохраняется за адвокатом, внедрение искусственного интеллекта в адвокатскую деятельность необходимо проводить поэтапно. Отправными точками этого процесса могут стать, в частности, реализация соответствующих пилотных проектов, накопление эмпирических данных об эффективности AI-инструментов и разработка методических рекомендаций по их использованию, а также разработка и проведение специализированных курсов повышения квалификации, призванных подготовить действующих адвокатов к работе с AI-инструментами.

Заключение. Средства, способы и методы оказания юридической помощи обозначают те или иные инструменты или приемы, используемые адвокатом в целях повышения эффективности оказываемой им юридической помощи. Средство в контексте деятельности

по оказанию юридической помощи можно охарактеризовать как ресурс либо инструмент, используемый адвокатом в целях защиты прав, свобод и интересов клиента. Под способом оказания юридической помощи следует понимать определенную последовательность действий адвоката, алгоритм реализации задачи, направленной на использование имеющихся у адвоката средств. В свою очередь, метод оказания юридической помощи можно охарактеризовать как систематизированный подход адвоката к оказанию конкретного вида юридической помощи, устанавливающий порядок и последовательность применения имеющихся у него средств в конкретной правовой ситуации.

Можно выделить несколько направлений деятельности по совершенствованию методов оказания доступной и квалифицированной юридической помощи гражданам и юридическим лицам:

- 1) обеспечение возможности дистанционного заключения договора на оказание юридической помощи;
- 2) внедрение новых систем взаимодействия адвоката с клиентом, обеспечивающих сохранность конфиденциальных данных и позволяющих оказывать определенные виды юридической помощи дистанционно;
- 3) разработка и внедрение программного обеспечения, обеспечивающего безопасные условия работы с конфиденциальной информацией при дистанционном оказании определенных видов юридической помощи, а также интеграция с существующими системами электронного документооборота и шифрования данных.

Реализации указанных выше задач главным образом должно способствовать расширение функциональности приложения для мобильных устройств «Адвокаты Беларуси», а также совершенствование нормативной правовой базы, регулирующей порядок оказания юридической помощи в целях адаптации действующего законодательства к потребностям современной адвокатской практики в условиях цифровизации.

Список цитируемых источников

1. Об утверждении Правил профессиональной этики адвоката : постановление М-ва юстиции Респ. Беларусь от 30 сент. 2021 г. № 180 : в ред. постановления М-ва юстиции Респ. Беларусь от 16 сент. 2024 г. № 67 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 10.09.2025).
2. Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь : Закон Респ. Беларусь, 30 дек. 2011 г., № 334-3 : принят Палатой представителей 19 дек. 2011 г. : одобр. Советом Респ. 20 дек. 2011 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 14 окт. 2022 г. № 213-3 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 01.10.2025).
3. *Ожегов, С. И.* Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов ; под ред. Н. В. Валуевой. — М. : АСТ, 2022. — 1360 с.
4. *Стернин, И. А.* О понятиях метод, методика, приём / И. А. Стернин // Вопросы психолингвистики. — 2008. — № 7. — С. 24—25.
5. Концепция развития адвокатуры Республики Беларусь на период до 2030 года : утв. протоколом съезда адвокатов Респ. Беларусь 7 июля 2022 г. // Официальный интернет-портал Белорусской республиканской коллегии адвокатов. — URL: <https://brka.by/news/kontseptsiya-razvitiya-advokatury-respubliki-belarus/> (дата обращения: 10.09.2025).
6. *Яковцов, П. Л.* Перспективы совершенствования правовой регламентации отношений по договору на оказание юридической помощи в условиях цифровизации / П. Л. Яковцов // Актуальные проблемы гражданского права. — 2024. — № 2 (24). — С. 298—316.

Поступила в редакцию 10.11.2025.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Ответственность за подбор и достоверность приведённых фактов, цитат, цифровых данных, личных имён и другой информации несут авторы опубликованных материалов.

ПАМЯТКА ДЛЯ АВТОРОВ

Научная концепция журнала предполагает публикацию современных достижений в области исторических наук и археологии, экономических и юридических наук; представление результатов фундаментальных и прикладных исследований, а также результатов, полученных в производственных условиях областей, включая результаты национальных и международных исследований. Статьи аспирантов и докторантов последнего года обучения публикуются вне очереди при условии их полного соответствия требованиям, предъявляемым к научным изданиям Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований.

Публикация статей в журнале бесплатная.

Подробные правила для авторов представлены на официальном сайте БарГУ (<http://www.barsu.by/publishing/vestnik.php>).

INSTRUCTIONS FOR AUTHORS

The scientific strategy of the journal suggests publishing modern achievements in the field of history of science and archaeology, economic science and law; presentation of the results of fundamental and applied research, as well as the results obtained under production conditions, both at the domestic and international level. Articles by postgraduate and doctoral students in their final year of traineeship are published out of turn if they are written in strict conformity with the specified requirements of the scientific publications of the Republic of Belarus for publishing the results of dissertation research.

Publication of articles is free.

More detailed instructions for authors can be found on the official website of BarSU (<http://www.barsu.by/publishing/vestnik.php>).